

ВОСТОЧНАЯ АНАЛИТИКА
Т. 13, № 4 (2022)

EASTERN ANALYTICS
Vol. 13, No 4 (2022)

EASTERN ANALYTICS

Vol. 13, No 4 (2022)

Information about the journal

The journal *Eastern Analytics* is a print peer-reviewed academic journal.
The Journal is being published since 2010. Since 2015 it has annually 4 issues.

Form of distribution – print media, journal.

Registration number and decision date on registration with the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor):
PI No. FS77-82197 dated October 26, 2021.

Registered in the ISSN National Centre of the Russian Federation, Russian Book Chamber:
ISSN 2227-5568 (Print). Dated December 14, 2015. Title proper: Vostočnáâ analitika.
Parallel title: Eastern Analytics.

The media founder & Publisher

The Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
Address: 12, Rozhdestvenka str., Moscow, 107031, Russian Federation
Website: www.ivran.ru

Address of the Editorial Office

The Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
Address: 12, Rozhdestvenka str., Moscow, 107031, Russian Federation
Tel.: +7(495)621-18-84
Website: <https://analitika.ivran.ru>

© Eastern analytics, 2022

© IOS RAS, 2022

ВОСТОЧНАЯ АНАЛИТИКА

Т. 13, № 4 (2022)

Информация об издании

«Восточная аналитика» – печатное средство массовой информации (СМИ), журнал. Издаётся с 2010 г., с 2015 г. – ежеквартально, 4 раз в год.

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор):
ПИ № ФС 77-82197 от 26.10.2021 г.

Журнал зарегистрирован в Национальном центре ISSN Российской Федерации:
ISSN 2227-5568 (Print). От 14.12.2015 г. : Vostochnaâ analitika.
Параллельное название: Eastern Analytics.

Учредитель, Издатель

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения Российской академии наук (ФГБУН ИВ РАН).
Адрес: 107031, Российская Федерация, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12.
Веб-сайт: www.ivran.ru

Редакция

107031, Российская Федерация, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12.
Веб-сайт: <https://analitika.ivran.ru>

Editor-in-Chief

Vitaly V. Naumkin – Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Dr. Sci. (Hist.), Prof., Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences; Lomonosov Moscow State University; National Research University 'Higher School of Economics', State Academic University for the Humanities, Moscow; Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russian Federation.

Editorial Board

Alexander V. Akimov – Deputy Editor-in-Chief, Dr. Sci. (Econ.), Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Vyacheslav Y. Belokrenitsky – Deputy Editor-in-Chief, Dr. Sci. (Hist.), Prof., Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Vladimir A. Isaev – Dr. Sci. (Econ.), Prof., Lomonosov Moscow State University; Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Vasily A. Kuznetsov – Cand. Sci. (Hist.), Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences; Lomonosov Moscow State University, State Academic University for the Humanities, Moscow; Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russian Federation.

Sergey G. Lusianin – Dr. Sci. (Hist.), Prof., National Research University 'Higher School of Economics'; Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation.

Nina M. Mamedova – Cand. Sci. (Econ.), Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Dmitry V. Mosyakov – Dr. Sci. (Hist.), Prof., Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences; Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

Sergey A. Panarin – Cand. Sci. (Hist.), Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Tatiana L. Shaumyan – Cand. Sci. (Hist.), Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Dmitry V. Streltsov – Dr. Sci. (Hist.), Prof., Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation; Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Nataliya Yu. Ul'chenko – Dr. Sci. (Econ.), Lomonosov Moscow State University; Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.

Alexander V. Vorontsov – Cand. Sci. (Hist.), Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences; Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation.

Alexei D. Voskressenski – Dr. Sci. (Polit.), PhD (The University of Manchester), Prof., Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation.

Irina D. Zvyagelskaya – Dr. Sci. (Hist.), Prof., Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences; Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences; Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation.

Главный редактор

Наумкин Виталий Вячеславович – акад. Российской академии наук, д-р ист. наук, проф., Институт востоковедения Российской академии наук; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Государственный академический университет гуманитарных наук, г. Москва; Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация.

Редакционная коллегия

Акимов Александр Владимирович – заместитель главного редактора, д-р экон. наук, Институт востоковедения Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация.

Белокреницкий Вячеслав Яковлевич – заместитель главного редактора, д-р ист. наук, проф., Институт востоковедения Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация.

Воронцов Александр Валентинович – канд. ист. наук, Институт востоковедения Российской академии наук; Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация.

Воскресенский Алексей Дмитриевич – д-р полит. наук, проф., PhD (The University of Manchester), Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация.

Звягельская Ирина Доновна – д-р ист. наук, проф., Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация.

Исаев Владимир Александрович – д-р экон. наук, проф., Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; Институт востоковедения Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация.

Кузнецов Василий Александрович – канд. ист. наук, Институт востоковедения Российской академии наук; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; Государственный академический университет гуманитарных наук, г. Москва; Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Российская Федерация.

Лузянин Сергей Геннадьевич – д-р ист. наук, проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация.

Мамедова Нина Михайловна – канд. экон. наук, Институт востоковедения Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация.

Мосяков Дмитрий Валентинович – д-р ист. наук, проф., Институт востоковедения Российской академии наук; Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Российская Федерация.

Панарин Сергей Алексеевич – канд. ист. наук, Институт востоковедения Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация.

Стрельцов Дмитрий Викторович – д-р ист. наук, проф., Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации; Институт востоковедения Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация.

Ульченко Наталия Юрьевна – д-р экон. наук, проф., Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова; Институт востоковедения Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация.

Шаумян Татьяна Львовна – канд. ист. наук, Институт востоковедения Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация.

CONTENTS

POLITICS

<i>E. V. Dunaeva, N. M. Mamedova, V. I. Sazhin</i> Iran: problems and protests.....	9
<i>S. Zavodnik</i> Pakistani hybrid politics as one of the reasons for Kashmir conflict irreconciliability.....	31
<i>O. Mitrofanenkova</i> Illegal drug trade in Pakistan-Afghan relations (Since the end of the 20th century – present).....	53
<i>A. Petrosyan</i> Russian foreign policy in Afghanistan after the military coup of 2021. Strategic stability as an imperative.....	62
<i>S. Chekalin</i> The Afghan Issue in Pakistan's Relations with the International Community	76
<i>Dr. Zainab Ahmed, Engr. Hasnain Reza Mirza</i> Place and role of Pakistan in global and regional affairs.....	86

ECONOMICS

<i>V. Belokrenitsky</i> Economic Reasons of the Aggravation of the Political Situation in Pakistan.....	100
<i>M. Borisov</i> The Role and Place of Methanol in Energy Transition.....	113
<i>A. Garin</i> The food aspect of the Australia–China trade disputes.....	126
<i>V. Kandalintsev</i> Tencent: corporate culture and development model.....	138
<i>E. Rastyannikova</i> Global market of special machinery and mining equipment in 2022: will China be able to provide supplies to Russia?.....	156

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИКА

<i>Е. В. Дунаева, Н. М. Мамедова, В. И. Сажин</i> Иран: проблемы и протесты.....	9
<i>С. В. Заводник</i> Гибридная политика Пакистана как одна из причин неразрешимости кашмирской проблемы	31
<i>О. Е. Митрофаненкова</i> Нелегальная наркоторговля в пакистано-афганских отношениях (с конца XX в. по настоящее время)	53
<i>А. А. Петросян</i> Внешняя политика России в Афганистане после военного переворота 2021 г. Стратегическая стабильность как императив	62
<i>С. А. Чекалин</i> Афганский вопрос в отношениях Пакистана с международным сообществом	76
<i>Dr. Zainab Ahmed, Engr. Hasnain Reza Mirza</i> Place and role of Pakistan in global and regional affairs.....	86

ЭКОНОМИКА

<i>В. Я. Белокреницкий</i> Экономические причины обострения внутриполитической ситуации в Пакистане	100
<i>М. Г. Борисов</i> Роль и место метанола в энергетическом переходе	113
<i>А. А. Гарин</i> Продовольственный аспект торговых споров Австралии и КНР	126
<i>В. Г. Кандалинцев</i> Tencent: корпоративная культура и модель развития	138
<i>Е. В. Растяникова</i> Мировой рынок спецтехники и горнодобывающего оборудования в 2022 г.: сможет ли Китай обеспечить поставки в Россию?	156

ПОЛИТИКА

POLITICS

Научная статья. Политические науки
УДК 323(55)
<https://doi.org/10.31696/2227-5568-2022-04-009-030>

ИРАН: ПРОБЛЕМЫ И ПРОТЕСТЫ

Елена Викторовна Дунаева

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
elena-vd@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3492-1361>

Нина Михайловна Мамедова

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
mamedovan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4571-8206>

Владимир Игоревич Сажин

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
vsaj1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1429-476X>

Аннотация. В данной работе авторы анализируют причины, ход, движущие силы, методы действия и цели протестного движения, развернувшегося в сентябре–ноябре 2022 г. в Иране после гибели девушки, задержанной полицией за неподобающий хиджаб. Проводится сравнение проходящих протестных акций с оппозиционными движениями в предшествующие годы.

В начале статьи дается краткий анализ экономической ситуации в стране за первый год работы правительства президента Э. Раиси, вскрываются основные проблемы развития экономики. Авторы исходят из того, что экономический кризис как результат наложения санкций не преодолен, несмотря на положительный рост ВВП страны в последние два года. Усугубляются проблемы в социальной и культурной сфере, возникающие как результат смены поколений, ограничений политической жизни в результате консолидации власти в руках радикально-консервативных сил. Их попытки усилить контроль за соблюдением исламских норм одежды и поведения, запреты на проведение культурных мероприятий приводят к росту недовольства в иранском обществе. Молодые поколения активно борются за свободу выбора и право самим принимать решения. Конфликтный потенциал общества нарастает, что создает угрозу существованию Исламской республики. Усилия власти подавить движения силой не приводят к его затуханию, меняются формы выражения протеста.

В то время как радикальные силы призывают ужесточить расправы над протестующими, многие политические деятели страны как умеренно консервативной, так и либеральной ориентации призывают начать общественный диалог и провести реформы с тем, чтобы разрешить наиболее остро стоящие проблемы и сохранить исламский режим.

Ключевые слова: Исламская республика Иран, экономический рост, хиджаб, патруль нравственности, протесты, общественный диалог, реформы

Для цитирования: Дунаева Е. В., Мамедова Н. М., Сажин В. И. Иран: проблемы и протесты. *Восточная аналитика*. 2022;13(4):9–30. <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2022-04-009-030>

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

Original article. Politics studies

IRAN: PROBLEMS AND PROTESTS

Elena Dunaeva

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
elena-vd@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3492-1361>

Nina Mamedova

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
mamedovan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4571-8206>

Vladimir Sazhin

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
vsaj1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1429-476X>

Abstract. This paper analyzes the causes, course, driving forces, modus operandi, and goals of the September-November 2022 protest movement in Iran following the death of a girl detained by the patrol guidance police for wearing an inappropriate hijab. A comparison is made between the ongoing protests and the opposition movements of previous years. The article begins with a brief analysis of the economic situation in the country during the first year of President Raisi's government, and reveals the main problems of economic development. The authors proceed from the fact that the economic crisis as a result of the imposition of sanctions has not been overcome, despite the positive growth of the country's GDP in the last two years. The problems in the social and cultural sphere are exacerbated as a result of generational changes, and the limitations of political life as a result of the consolidation of power in the hands of radical conservative forces. Their attempts to increase control over the observance of Islamic norms of dress and behavior, bans on cultural events lead to increased discontent in Iranian society. Young generations are actively fighting for freedom of choice and the right to make their own decisions. Society's conflict potential is increasing, which threatens the existence of the Islamic Republic. The government's efforts to suppress the movements by force do not lead to their extinguishment, and the forms of protest are changing. While radical forces call for harsher reprisals against protesters, many politicians of both moderate conservative and liberal orientations call for public dialogue and reforms in order to solve the most serious problems and preserve the Islamic regime.

Keywords: Islamic Republic of Iran, economic growth, hijab, patrol guidance police, protests, national dialogue, reforms

For citation: Dunaeva E. V., Mamedova N. M., Sazhin V. I. Iran: problems and protests. *Vostochnaïa analitika* = *Eastern Analytics*. 2022;13(4):9–30. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2022-04-009-030>.

16 сентября 2022 г. в Исламской Республике Иран (ИРИ) начались массовые антиправительственные демонстрации протеста. Триггером к выступлениям стала смерть молодой девушки, задержанной патрулем нравственности в Тегеране за нарушение исламского дресс-кода, т. е. хиджаба. Этой девушкой была 22-летняя курдянка Махса Амини.

This work is licensed under a Creative Commons
Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

Девушка была доставлена в полицию, где ей стало плохо. Ее отправили в больницу. Через три дня она скончалась.

Мгновенно возле этой больницы в знак протеста против действий полиции собрались женщины и мужчины. Люди скандировали лозунги: «Полиция нравов – убийца», «Женщина! Жизнь! Свобода!». Сотрудники сил безопасности быстро разогнали группу и провели аресты зачинщиков акции. Но протестная волна распространилась на весь Тегеран. В различных районах столицы стали возникать митинги, некоторые женщины стали сбрасывать платки, автомобилисты сигналить в знак протеста. Это было начало широкомасштабного антиправительственного движения, охватившего всю страну.

Экономическое положение в ИРИ как причина всеобщего недовольства

Избранный в 2021 г. новый президент Ирана Эбрахим Раиси, представитель консервативного крыла духовенства, вступил в должность в августе 2021 г. и вскоре сформировал правительство, большинство членов которого связаны с исламскими организациями, с КСИР и правительством Махмуда Ахмадинежада. Прошло чуть более года деятельности этого правительства, с которым иранское население связывало надежды на улучшение своего положения, и уже в сентябре начинает формироваться широкое протестное движение в ответ на смерть Махсы Амини, обвиненной в неправильном ношении хиджаба.

Конечно, движение не получило бы такого размаха, если бы не то сложное экономическое положение, в котором оказалось иранское общество.

Из-за введенных Д. Трампом санкционных мер в отношении Ирана темпы роста ВВП в 2018–2019 гг. стали отрицательными. Правительству Х. Роухани, возобновившему переговоры о возрождении ядерной сделки (СВПД), удалось изменить отрицательную динамику ВВП на положительную. Причем в январе–марте 2021 г. рост составил уже 6,7% для ВВП в целом и 4,4% для ВВП без нефти. Тем не менее, объем ВВП не был восстановлен, т. к. за десять лет (с 2011 по 2021 гг.) он снизился с 486,8 до 231,5 млрд долл.¹, т. е. более, чем в два раза.

Накануне самих выборов (в апреле–июне 2021 г.), когда стала очевидной победа Э. Раиси, показатели опустились соответственно до 1,0% и 0,7%².

¹ World Bank. World Development Indicators. Country Iran, Islamic Rep. URL: www.worldbank.org (дата обращения: 15.10.2022).

² CBI. Economic Trends, No 107. P. 3 (в постоянных ценах).

Несмотря на то, что США официально санкции не отменили, ведущиеся с перерывами уже более полутора лет переговоры о восстановлении СВПД дали возможность ослабить контроль над внешнеторговыми операциями Ирана, в т. ч. над экспортом нефти и импортом компонентов, необходимых иранской промышленности. Постепенно стала восстанавливаться автомобильная промышленность, предприятия по сборке бытовой техники; увеличились продажи нефти в Китай, Индию и другие страны, поставки газа в Турцию и Ирак. Из-за роста цен на энергоносители возросли валютные поступления, а необходимость обхода санкций ввела в практику возможность оплаты импорта иными платежными средствами (национальные валюты, криптовалюта, бартерные поставки).

2021/22 г. Иран завершил с довольно высокими показателями роста: ВВП в целом – 4,4%, без нефти – 3,9%. Прогнозы на 2022 г. также были оптимистичны до осени 2022 г., но развернувшееся по всей стране в сентябре движение «против хиджабов» может несколько изменить прогнозы, составленные летом.

Причем прогнозы международных организаций и иранские прогнозы отличались не очень значительно. Всемирный банк прогнозировал рост ВВП на 2022 г. на 3,7%, на 2023 г. – на 2,7%. МВФ в июле 2022 г. дал прогноз на 2022 г. несколько ниже – 3,0%.

Исследовательский центр при меджлисе накануне развернувшегося движения считал, что общий рост ВВП мог составить в 2022/23 г. 3,7%, без нефти – даже 3,9%³. По отраслям прогноз центра был такой: сельское хозяйство – +7,9%; нефтяная отрасль – +1,1%; горнодобывающая промышленность – +9,7%; обрабатывающая промышленность – +4,6%; строительство – –3,4%; услуги – +3,6%.

Наиболее узким местом может остаться рынок пшеницы и масличных культур, что привело в этом году к обострению обеспечения населения хлебом. Меджлис разрешил закупить пшеницу за рубежом⁴, но предпринимались меры и для увеличения закупок от местных производителей. Уже правительство Х. Роухани начало повышать закупочные цены на пшеницу, правительство Э. Раиси подняло их в сентябре прошлого года, а в апреле 2022 г. – еще на более, чем 20%⁵. Меджлис в 2022 г.

³ Тахлил-е бахш-е хогуги –йе эгтесад Иран. Амалкард-е се махе-йе авал-е сал ва бараворд-е рошд-е эгтесади-йе сале 1401 (Анализ реального сектора экономики Ирана по результатам первого квартала и оценка экономического роста в 1401 г.) С. 19 (перс. яз.).

⁴ Главными поставщиками зерна в Иран являются Россия, Украина и отчасти Казахстан. (В 2021 г. из 3,1 млрд долл. экспорта России в Иран экспорт зерна составил 1,8 млрд долл., т. е. почти 60% всего российского экспорта в Иран).

⁵ خرید گندم از ۷ میلیون تن عبور کرد. (Закупка пшеницы превысила 7 млн тонн) // Донья-е экте сад. 27.09.2022. URL: <http://www.donya-e-eqtesad.com/5556> (дата обращения: 01.11.2022).

одобрил закупки у отечественных производителей до 7 млн т. И к сентябрю 2022 г. Сельскохозяйственному банку удалось закупить у фермеров более 7 млн т⁶, но исходя из уровня потребления хлеба, потребность в пшенице составляет в среднем 13–15 млн т и только для выпечки хлеба необходимо 10 млн т. Импорт пшеницы в 2022 г. не смог полностью покрыть потребительский спрос. Возросли цены на хлеб, несмотря на дотации пекарням, возросли цены на продукцию пищевой промышленности, связанную с использованием муки. Рост цен на макаронные изделия на 170% привел к снижению их потребления на 30%⁷.

Для правительства Э. Раиси, особенно в ситуации, когда переговоры в Вене зашли фактически в тупик, крайне важны прогнозы на нефть. В 2021/22 г. добыча нефти составила 3,17 млн барр./д., т. е. рост по сравнению с предыдущим годом составил беспрецедентные 10%. Но в этом году он замедлился, несмотря на изменение геополитической ситуации, связанной с событиями на Украине. Хотя Министерство нефти ИРИ не дает официальных данных об объемах добычи, согласно статистике ОПЕК, весной 2022 г. добыча составляла чуть более 2,5 млн барр./д. Но так как переговоры по восстановлению СВПД не привели к определенному результату, сколько-нибудь значительного увеличения экспорта нефти, т. е. более 0,8–0,9 млн барр./д., ожидать вряд ли возможно. Маловероятно, что рост добычи нефти произойдет за счет увеличения внутреннего потребления, так как оно остается практически постоянным в течение всего последнего года. Велика вероятность того, что темпы роста нефтяной отрасли не превысят 1,1%.

Самым негативным в иранском прогнозе является падение строительной отрасли, которое грозит сокращением занятости и негативным влиянием на другие отрасли экономики. Так, сокращение жилищного строительства стало в текущем году одной из причин снижения спроса на металл и выпуска стальной продукции.

Прошедшие в сентябре–октябре широко по стране демонстрации заставили Иран уменьшить прогнозные оценки экономического роста до 2%⁸. Оппозиционные движения привели к наложению новых санкций из-за силового подавления демонстраций, к приостановке работы базаров, этих иранских барометров политической и экономической жизни. На работу бизнеса, особенно малого и среднего, крайне негативно повлияло отключение интернета в период волнений. Особенно пострадала

⁶ Там же.

⁷ Донья-е эктесад. 09.07.2022.

⁸ Эгтесаде «мехалуд» 1401 («Туманное» хозяйство 1401) // Донья-е эктесад. 6.11.2022. URL: www.donya-e-eqtasad.com/5588 (дата обращения: 06.11.2022) (перс. яз.).

достаточно развитая в стране электронная торговля, сектор услуг. Это, безусловно, осложняет экономическое положение населения, столкнувшегося в последние годы и с растущей инфляцией, и со снижением уровня жизни, особенно в группах населения с низкими доходами.

Кроме внутренних причин, связанных с протестным движением, причиной уменьшения прогнозных оценок результатов года стал рост неопределенности в вопросе о возрождении СВПД.

Кроме этого, на экономику страны продолжает самое негативное влияние оказывать «водный» кризис, связанный с засухами последних лет. Прошедшие в начале осени дожди не смогли изменить сколь угодно серьезно ситуацию не только с орошением полей, но и с обеспечением питьевой водой населения и животноводческого комплекса. За счет поверхностных вод Иран обеспечивает только 45% своей потребности в воде, а 55% падает на использование подземных источников, которые в последние годы полностью не возобновляются. В настоящее время в Иране 86% возобновляемых ресурсов потребляется, что свидетельствует о том, что страна находится по спецификации Комиссии по устойчивому развитию ООН в состоянии «острого водного кризиса»⁹.

В результате к ноябрю Всемирный банк тоже снизил прогнозные оценки роста ВВП на 2022/23 г. с 3,3% до 2,9% и до 2,2% на 2023/24 г.¹⁰

Крайне актуальными для населения и для бизнеса являются в настоящее время проблема инфляции и проблема накоплений.

Во время санкций резко сократилась норма капиталовложений. Если в 2011/12 г. она составляла 34,1%, то в 2021/22 г. опустилась более чем вдвое. Особенно резко уменьшилась доля оборудования, а это значит, что мало вводится в эксплуатацию новых мощностей, что отражается на росте безработицы.

Как только иностранные компании ушли с иранского рынка, то резко сократилось участие и национальных частных компаний – и в строительстве, и в модернизации предприятий всех отраслей, особенно промышленных, требующих использования современных технологий и рынков сбыта. И это несмотря на продажу различного рода облигаций приватизируемых предприятий.

Проблема накоплений тесно увязана с валютным курсом. Хотя правительство Э. Раиси заявило об отмене льготного курса в 42 тыс. риалов, но пока перехода на рыночный курс не произошло. Валютный курс

⁹ Иран дар мархале-йе бохран-е аби-йе шадид (Иран находится на этапе острого водного кризиса) // Донья-е эктесад. 7.11.2022. URL: www.donya-e-eqtesad.com/5589 (дата обращения: 07.11.2022) (перс. яз.).

¹⁰ Бараварде-доввом аз эктесад-е Иран (Вторая оценка экономики Ирана) // Донья-е эктесад. 6.11.2022. URL: www.donya-e-eqtesad.com/5588 (дата обращения: 06.11.2022.) (перс. яз.).

может в текущем году составить 350–370 тыс. риалов¹¹. Отмена льготного курса не всегда была эффективной. Так, отмена официального курса для импорта масличных культур и продукции животноводства привела к росту цен и снижению спроса. Сократилось производство куриного мяса и яиц в текущем году на 45%. Попытка отменить льготный курс на муку, но при этом сохранить цены на обычный хлеб привела к забастовке работников пекарен, в том числе и Тегеранского синфа.

Инфляция, в т. ч. и из-за роста валютного курса, превратилась в одну из острейших проблем страны. Ее уровень за 2021/22 г. составил 40,2%. Летом инфляция на продовольствие достигала 60%. По иранским прогнозам, среднегодовой уровень инфляции за 2022 г. составит 38–48%¹², что при снижении темпов экономического роста делает устойчивой тенденцию снижения жизненного уровня. Особенно растет неравенство в доходах. Хотя во всех программах говорится о необходимости поддержки двух низших децилей населения, пока разница между ними и верхним децилем увеличивается. ВВП на душу по ППС остается низким – 13 тыс. долл., т. е. на уровне Габона, Парагвая, Туркмении.

В связи с перманентно усложняющимся экономическим положением, СМИ стали открыто писать о необходимости реформ.

Сложная экономическая ситуация в Иране, несомненно, привлекла к протестному движению многих людей из самых различных слоев общества.

Развитие процесса социального противостояния

На следующий день, после похорон Махсы Амини в её родном городе Саккезе, а также в столице иранского Курдистана Сенендедже и по всей провинции начались акции протеста против полицейского произвола и притеснения женщин. Полиция применила слезоточивый газ и оружие.

Смерть М. Амини вызывала всеобщий нарастающий гнев по поводу строгого исламского дресс-кода, введенного в стране по настоянию имама Хомейни после исламской революции, и в целом ограничения личных свобод женщин. Женщины, принимавшие участие в митингах по всей стране, срывали с себя платки, сжигали их, публично обрезали волосы, скандируя «Женщина! Жизнь! Свобода!».

Недовольство протестующих выплескивалось и на сам исламский режим. Они поджигали правительственные здания, мэрии, полицейские участки и автомобили; забрасывали камнями и срывали портреты

¹¹ Эктесаде «мехалуд» 1401 (перс. яз.).

¹² Provincial Inflation at 38–47% // Financial Tribune. 06.11.2022.

лидера исламской революции аятоллы Хомейни и нынешнего верховного лидера аятоллы Хаменеи, а также национального героя генерала Солеймани. Горели покрышки, бочки с бензином и мусорные ящики, перекрывавшие магистрали. Лозунги недовольных в ряде мест становились все более радикальными: «Смерть диктатору!», «Священнослужители, убийрайтесь!», «Исламская Республика ПРОТИВ Ирана!», «Отстоим Иран!»

Новая мощная волна антиправительственного движения возникла 1 мехра (23 сентября), когда в Иране начался новый учебный год. Студенты и школьники пришли в свои учебные заведения с протестными настроениями, вызванными общей ситуацией в стране. Сконцентрированная в университетских кампусах и школах молодежь самоорганизовывалась, постоянно повышая уровень недовольства, и подобно цепной ядерной реакции распространила протестные идеи не только на сотни школ и десятки университетов, но и на практически всю территорию страны. Демонстрации наблюдались в 200 городах и населенных пунктах по всем 31 провинции страны.

Причём антиправительственные акции проходили даже в двух священных городах, центрах шиизма и сосредоточения священнослужителей – Куме и Мешхеде.

Одной из наиболее опасных для властей тенденций стали протесты в районах расселения этнических меньшинств, особенно в Курдистане, Восточном и Западном Азербайджане. В Тебризе сторонники пантюркистских идей устроили беспорядки и скандировали лозунги сепаратистского характера: «Да здравствует Азербайджан!»¹³ Похожие события с националистическими прокурдскими лозунгами происходили и в иранском Курдистане и даже вылились за границы Ирана, найдя поддержку в Иракском Курдистане. Причём в Систане и Белуджистане националистические настроения накладываются на конфессиональные противоречия.

За восемь недель протеста его формы и методы менялись. От широких уличных демонстраций протестующие перешли к многочисленным местным акциям по всей стране, чаще в вечернее и ночное время. Видео протестов показывают небольшие мобильные группы, которые объединяются, скандируют, расходятся в стиле флешмоба и снова объединяются всякий раз, когда у них появляется такая возможность. В ночное время лозунги протестующих раздаются во многих районах городов с крыш и балконов. В дневное время иранцы собираются на улицах и скандируют, обращаясь к проходящим и проезжающим: «Поддержи!»

¹³ Сафарян Л. Иранский бунт: несвоевременный и опасный // *EurAsia Daily*. 25.09.2022. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2022/09/25/iranskiy-bunt-nesvoevremennyy-i-opasnyy> (дата обращения: 01.10.2022).

Как подчеркивает иранская журналистка С. Сабет, «граждане теперь используют такую тактику: они перемещаются между разными городами и мешают силам безопасности контролировать большие территории»¹⁴.

Отмечают, что у демонстрантов есть отработанная схема действий. Основываясь на уроках, извлеченных за последнее десятилетие во время антиправительственных акций 2009, 2017, 2019 гг., в том числе и протестов в других странах Ближнего Востока, в качестве организационных инструментов стали активно использоваться смартфоны. С помощью них широко распространялись сообщения о местах демонстраций. Работает такая схема даже при повсеместном отключении интернета в стране, что и было сделано властями в первые дни протестов. До сих пор в Иране в большинстве мест отключены сайты за пределами Ирана, затруднена работа интернет-мессенджеров и социальных сетей.

Подобная мобильность протестующих и их распределение по разным районам превратились в большую проблему для сил безопасности, которые вынуждены распылять силы, чтобы противостоять протестующим по всей стране. Для повышения эффективности антипротестной борьбы впервые на подавление акций был брошен недавно сформированный в стране женский батальон особого реагирования.

Днем центрами противостояния стали десятки средних школ и более 130 университетов¹⁵. К протестным акциям присоединились студенты отделений коммерческого университета Азад, что стало новым моментом в студенческом движении. По иранским законам военным и правоохранительным органам запрещено входить на территорию университетов или производить аресты внутри кампусов, но, начиная с октября, агенты в штатском нападали на студенческие собрания и общежития в нескольких университетах, арестовав несколько сотен человек, часто с применением жестокого насилия. Особо жестоко были подавлены студенческие митинги в университете Шариф в Тегеране. В ходе разгона студентов были избиты и преподаватели, которые пытались вывести студентов за пределы территории.

29 октября командующий КСИР генерал Салами заявил, что это последний день протестов, очевидно, намекая на какой-то жесткий и

¹⁴ Chulov M. Protests spread in Iran as President Raisi vows to crack down // The Guardian. 24.09.2022. URL: <https://www.theguardian.com/world/2022/sep/24/protests-spread-in-iran-as-president-raisi-vows-to-crack-down> (дата обращения: 01.10.2022).

¹⁵ Hafezi P. Many young Iranians lose their fear in struggle for "freedom" // Reuters. 03.11.2022. URL: <https://www.reuters.com/world/middle-east/many-young-iranians-lose-their-fear-struggle-freedom-2022-11-03/> (дата обращения: 05.11.2022).

окончательный ответ в случае продолжения антирежимных выступлений¹⁶. Однако акции протеста продолжились с еще большим накалом.

При этом карательные действия служб безопасности ужесточились. Число жертв росло с каждым днем. Причем точных официальных данных о количестве погибших нет, а иранская проправительственная газета «Иран» утверждает, что убитых силами правопорядка нет вообще. Убийство участников демонстраций – дело рук провокаторов, стремящихся обострить ситуацию¹⁷. Как свидетельствует иранская оппозиционная Организация моджахедов иранского народа (ОМИН или МЕК), убито больше 450 человек¹⁸. Правозащитные организации говорят о почти 300 убитых, в том числе 45 несовершеннолетних, и сотнях раненых¹⁹. Иранская правозащитная организация Iran Human Rights (IHRNGO), зарегистрированная в Норвегии, приводит данные на 5 ноября: по меньшей мере 304 человека, в том числе 41 несовершеннолетний и 24 женщины, были убиты в ходе протестных акций. Больше всего погибших в Систане и Белуджистане (118 человек), в Мазандаране (33), в Тегеране (30), в Курдистане (26), в Гиляне (22), в Западном Азербайджане (21), в Керманшахе (13)²⁰.

Служба безопасности за почти месяц протестов задержала или арестовала около 25 тыс. человек²¹. CNN, ссылаясь на специального докладчика по ситуации с правами человека в ИРИ в ООН Дж. Рехмана, приводит цифру в 14 тыс. арестованных в Иране²². Арестованы или отстранены от работы журналисты, известные актеры и певцы, спортсмены, участвовавшие в протестах или поддерживавшие их.

Об ожесточенности противостояния свидетельствуют и жертвы среди сотрудников сил безопасности. Так, в первые дни протестов были убиты три старших офицера Корпуса стражей исламской революции (КСИР). Двое были убиты в городе Захедан (провинция Систан и Белуд-

¹⁶ Kennedy N., Picheta R. Head of Iran's Revolutionary Guards warns that Saturday is 'last day' of protests // CNN. 29.10.2022. URL: <https://edition.cnn.com/2022/10/29/middleeast/iran-protests-warning-intl/index.html> (дата обращения: 01.11.2022).

¹⁷ روزنامه ایران: تا امروز هیچ معترضی کشته نشده // Aftabnews. 31.10.2022. URL: <https://aftabnews.ir/003NOx> (дата обращения: 05.11.2022).

¹⁸ Iran indicts 1,000 over unrest, plans public trials / Arabnews. 31.10.2022. URL: <https://www.arabnews.com/node/2191181/middle-east> (дата обращения: 01.11.2022).

¹⁹ Hafezi P. Many young Iranians lose their fear in struggle for 'freedom'.

²⁰ Iran Protests: At least 304 Including 41 Children Killed/At Least 16 People Killed in Another "Bloody Friday" in Baluchistan // Iran Human Rights (IHRNGO). 05.11.2011. URL: <https://iranhr.net/en/articles/5572/> (дата обращения: 07.11.2022).

²¹ Iran indicts 1,000 over unrest, plans public trials // Arabnews.

²² Hardie A., Atay H. Alam. As many as 14,000 arrested in Iran over last six weeks, United Nations says // CNN. 03.11.2022. URL: <https://edition.cnn.com/2022/11/03/middleeast/iran-protests-arrests-united-nations-intl/index.html> (дата обращения: 05.11.2022).

жистан), третий – на пограничном пункте с Ираком. По официальным иранским данным за месяц протестов было убито 35 представителей сил правопорядка и добровольческих отрядов Басидж²³. Из них 6 – в Систане и Белуджистане, 5 в Тегеране, 4 в Фарсе, 2 в Западном Азербайджане, остальные в других останах²⁴.

Движущие силы протестного движения – женщины и молодежь

Основные инициаторы и участники протеста – девушки и юноши, как говорят в Иране, 'dahe-ye hashtadiha' – «поколение 80-х» по иранскому календарю (то есть родившиеся в последние два десятилетия). По официальным данным средний возраст участников акций ниже 20 лет. Это образованная молодежь, прежде всего жители городов, сплошь пользователи интернета, знающие иностранные языки, которым надоели строгие исламские нормы, оказывающие сильнейшее давление на их повседневную жизнь. Они слушают ту же музыку, они смотрят те же фильмы, что и европейская молодежь, и стремятся приобщиться к утвердившимся в современном мире жизненным ценностям. Они смотрят в будущее и не желают подчиняться решениям престарелых аятолл.

В первую очередь, протестующую молодежь представляют студенты. Сегодня студенчество в Иране, пожалуй, самый революционный элемент общества. И это понятно. Ввиду высокого уровня безработицы среди молодежи с высшим образованием студенты не видят для себя будущего в Исламской Республике.

Однако протестный вихрь втянул и школьников. Во многих городах они принимают участие в манифестациях, резко высказываются против существующей системы. Девушки выходят на улицы в школьной форме, снимают платки, активно противостоят полиции и Силам сопротивления «Басидж».

Протесты в школах и университетах сопровождаются песней Ш. Хаджипура 'Baraye' («Для чего? Почему? Зачем?»). Песня стала гимном молодежи: «Мы боремся за танцы на улицах, за то, чтобы не боялись целовать наших любимых, за стремление к нормальной жизни, за женщин, жизнь и свободу, за мою сестру, твою сестру, нашу сестру», – поется в этой песне. Автора и исполнителя песни, естественно, арестовали.

²³ Силы сопротивления «Басидж» (мобилизация – перс. яз.), подчинены КСИР. Задачи: военное обучение, а также идеологическая и морально-психологическая подготовка всего населения; гражданская оборона; формирование подготовленного резерва для КСИР; помощь органам безопасности в борьбе с оппозицией и преступными элементами; охрана государственных учреждений и важных военно-экономических объектов страны; всесторонняя подготовка к обороне территории страны.

²⁴ آمار مبهم اعتراضات (Неясная статистика протестов) // Aftabnews. 22.10.2022. URL: <https://aftabnews.ir/003MrE> (дата обращения: 31.10.2022) (перс. яз.).

Активное участие молодого поколения в оппозиционном движении отметил известный политолог, профессор Тегеранского университета С. Зибакалам: «Мы всегда были убеждены, что общенациональный протест возглавят интеллигенция, писатели или трудяги из незащищенных слоев населения. А ими оказались школьники»²⁵.

К протестам присоединились представители практически всех социальных страт: от верхнего слоя среднего класса до городских низов.

В протестном движении принимают участие и рабочие, и сотрудники ряда нефтегазовых и нефтеперерабатывающих предприятий²⁶, и водители грузовиков. По всей стране проходит волна забастовок работников мелких, средних и крупных предприятий различных отраслей.

То есть, несмотря на то, что в первых рядах протестующих находятся женщины, молодые девушки, в целом молодежь, к ним присоединились средние городские слои, интеллигенция, особенно деятели культуры и спорта, рабочие, бизнесмены, т. е. движение имеет более широкую социальную поддержку. Причем оно носит городской характер.

Хотя у нынешнего протестного движения нет лидера, определенных программ и сформированной организационной структуры, прилагаются усилия для координации разрозненных действий для противостояния силам безопасности. Мирные протесты поддерживают организации гражданского общества, профессиональные организации. В защиту студентов от произвола басиджей выступило профессиональное сообщество преподавателей университетов. Даже Ассамблея преподавателей и исследователей Кумского теологического центра и Общество преподавателей религиозных учебных заведений Исфагана опубликовали обращение, в котором потребовали освобождения всех задержанных и призвали власти к разрядке социальной напряженности.

Здесь, правда, надо сразу сказать, что каждая из этих групп, социальных, этнических, религиозных, в своей борьбе против властей преследует свои цели, кто политические, кто экономические, кто чисто антирелигиозные, но все они выступают против нынешнего порядка вещей, требуют изменения навязываемых сложившейся исламской системой норм и правил поведения, обеспечения возможностей для свободного и равноправного участия в социально-культурной, экономической и политической жизни страны.

²⁵ Гогитидзе К. Хиджаб-революция женщин в Иране. Пошатнется ли режим аятоллы? // BBC. 14.10.2022. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-63251352> (дата обращения: 05.11.2022).

²⁶ Saffi A. Iran Intensifies Crackdown Against Workers Amid Ongoing Strikes // Iranwire. 14.10.2022. URL: <https://iranwire.com/en/politics/108594-iran-intensifies-crackdown-against-workers-amid-ongoing-strikes/> (дата обращения: 05.10.2022).

Новый характер нынешних протестов

Нынешнее протестное движение многие называют беспрецедентным, западные СМИ пишут о революции, находят общие черты с исламским революционным движением 1978–1979 гг., развивавшимся волнообразно в течение 13 месяцев.

За 43 года своего существования ИРИ пережила несколько волн сильных протестов, которые жестоко подавлялись полицией и силами безопасности. За последнее пятилетие частота оппозиционных выступлений стала нарастать. В декабре 2017 г. – январе 2018 г., в ноябре 2019 г. страну охватывали протестные акции, на которых преобладали экономические лозунги и лишь в отдельных местах звучали призывы к смене власти.

В 2020–2021 гг. проходили разрозненные уличные выступления в разных городах Ирана. И вновь все начиналось из-за экономических проблем – роста цен, неплатежей, плохих условий труда, остановки предприятий, экологических проблем. В первые полгода пребывания у власти президента Э. Раиси наблюдался спад оппозиционных выступлений – население еще надеялось на изменение ситуации и в экономике, и в социальной сфере, прежде всего, на решение бытовых проблем. Однако к осени 2022 г. стало ясно, что переговоры по восстановлению СВПД затягиваются, соответственно не ясны условия и сроки снятия финансово-экономических санкций с Ирана и экономической стабилизации (о чем было сказано выше).

Более того, кардинальных решений по улучшению положения не наблюдается, вместе с тем усилились попытки правительства и стоящих за ним консервативно-радикальных сил ужесточить контроль над соблюдением исламских норм поведения и одежды женщин и мужчин в общественных местах.

Летом активизировали свою деятельность патрули нравственности на улицах городов, что вызвало недовольство не только среди женской части населения, что продемонстрировало сообщество скейтбордистов Шираза 24 июня, отметившее свои соревнования снятием платков.

Э. Раиси, выступив в Высшем совете культурной революции и в штабе «Повелевать добром и запрещать зло» в июле 2022 г. призвал усилить пропаганду хиджаба и целомудрия в рамках государственной программы и подчеркнул, что контроль над соблюдением установленных положений возлагается на этот штаб и структуры МВД²⁷. Такие действия правительства дали толчок к развитию протестной компании в соцсетях.

²⁷ ۱۴۰۱/۰۴/۲ دنياي اقتصاد حجاب. / موضع ارشادی دولت درباره حجاب. (Наставления правительства относительно хиджаба // Донья-е эktesад, 14.07.2022. URL: <https://donya-e-eqtesad.com/%D8%A8%D8%AE%D8%B4-%D8%AE%D8%A8%D8%B1-64/3881683-%D9%85%D9%88%D8%B6%D8%B9-%D8%A7%D8%B1%D8-B4%D8%A7%D8%AF%D8%8C-%D8%AF%D9%88%D9%84%D8%AA-%D8%AF%D8%B1%D8%A8%D8-A7%D8%B1%D9%87-%D8%AD%D8%AC%D8%A7%D8%A8> (дата обращения: 05.11.2022) (перс. яз.)

Анализ происходящих в ИРИ событий показывает, что уже более 50 дней продолжающиеся протесты носят социально-культурную направленность, что отличает их от оппозиционных движений предыдущих лет, в ходе которых выражалось недовольство результатами выборов или поднимались экономические лозунги. Сегодня во главу лозунгов ставится жизнь человека, защита его достоинства, его гражданских прав.

Ныне протесты ассоциируются с хиджабом, однако дело не только в нем. Вопрос не ставится о его запрете, речь идет о запрете **обязательности** его ношения. То же относится и к другим ограничениям, насильственно вводимым в повседневную жизнь иранцев, в первую очередь, молодежи. Это не означает, что те, кто занимает противоположную жизненную позицию и стремится к выполнению требований всех религиозных норм, становятся маргиналами и изгоями. Отнюдь нет. Дело в свободе выбора. Вот за эту свободу и не только в узком понимании, касаясь религиозно-традиционных запретов, борются сегодня иранцы. Главное в этой борьбе – изменение роли и места ислама и духовенства в государстве, в повседневной и личной жизни каждого гражданина Ирана. Но это не борьба против ислама.

Вместе с тем, несмотря на акцентируемые западными персоязычными СМИ раздающиеся на акциях призывы к смене режима, политические требования не являются их основным трендом. Молодежь **пока** не ставит вопроса о смене власти, а лишь о реформах в социально-культурной и политической сферах.

Отношение политических сил ИРИ к протестному движению

Эти протесты привлекают к себе внимание представителей всех политических сил страны: реформаторов, умеренно-либеральных группировок, консерваторов-традиционалистов, радикально настроенных исламистов. В отличие от акций 2017–2019 гг., когда два основных идеолого-политических течения ИРИ дистанцировались от участников проходящих акций, называя их мятежниками и хулиганами, или сохраняли молчание, в настоящее время ряд партий и политических группировок страны открыто выражают поддержку митингующим, поднимают вопрос о том, что власть должна услышать требования народа и пойти с ним на диалог.

Официальную позицию власти по отношению к начавшимся в сентябре протестным акциям выразил духовный лидер А. Хаменеи по прошествии двух недель протестов, заявивший о том, что испытывает огромное сожаление по поводу смерти девушки и видит в этой трагедии лишь повод, которым воспользовались внешние силы, прежде всего,

США и Израиль, для провоцирования беспорядков и создания проблем безопасности, в том числе расчленения Ирана²⁸.

В первые дни протестов о вмешательстве внешних сил заявляли президент ИРИ и представители МИД. Министр внутренних дел А. Вахиди, отметил, что «организованные группы для проведения акций саботажа в Иране были подготовлены заранее теми, кто следует за США и антиреволюционными силами ... был запущен сценарий убийств простых людей с тем, чтобы потом обвинить в этом власти»²⁹. На официальных сайтах появилась информация об участии представителей ОМИН – запрещенной в Иране террористической организации, в подготовке протестов, в том числе тренировке ударных групп и обеспечении их оружием³⁰.

Радикальное крыло консервативного лагеря, контролирующее все институты государственной власти, имеющее большинство мест в парламенте, резко осуждает действия протестующих и призывает КСИР и правоохранительные структуры занять самую жесткую позицию и принять решительные меры по их подавлению. 5 ноября 227 депутатов меджлиса из 290 подписали обращение к руководителю судебной власти, в котором потребовали привлечения к уголовной ответственности лиц, задержанных на протестных акциях, имеющих оружие и нанесших урон общественному имуществу, а также ужесточения наказаний для них вплоть до смертной казни³¹. А позицию власти по отношению к тинейджерам выразил министр просвещения Ю. Нури: «Задержанных в ходе протестов школьников отправляют на «перевоспитание» в психиатрические клиники. Там специалисты работают над «исправлением» и «перевоспитанием» молодых людей, чтобы в дальнейшем предотвратить их «антиобщественное поведение»³².

²⁸ Верховный лидер Ирана обвинил США и Израиль в разжигании беспорядков // РИА Новости. 03.10.2022. URL: <https://ria.ru/20221003/iran-1821156238.html> (дата обращения: 07.11.2022).

²⁹ Субботин И. Протесты в Иране бросили тень на судьбу «ядерной сделки» // Независимая газета. 25.09.2022.

³⁰ اعتراف رسمی منافقین درباره اغتشاشات اخیر (Официальные утверждения лицемеров относительно недавних протестов) // Tasnim. 04.10.2022. URL: <https://www.tasnimnews.com/fa/news/1401/07/12/2783430> (дата обращения: 07.11.2022) (перс. яз.).

³¹ بیانیه 227 نماینده مجلس: قوه قضائیه با تحریک کنندگان اغتشاشات اخیر قاطعانه برخورد کند (Обращение 227 депутатов меджлиса: судебная власть должна сурово подойти к подстрекателям-бунтовщикам) // Jamaran. 06.11.2022. URL: <https://www.jamaran.news/%D8%A8%D8%AE%D8%B4-%D8%A8%D8%A7%D8%B2%D9%86%D8%B4%D8%B1-59/1573009-%D8%A8%DB%8C%D8%A7%D9%86%DB%8C%D9%87-%D9%86%D9%85%D8%A7%DB%8C%D9%86%D8%AF%D9%87-%D9%85%D8%AC%D9%84%D8%B3-%D9%82%D9%88%D9%87-%D9%82%D8%B6%D8%A7%D8%A6%DB%8C%D9%87-%D8%A8%D8%A7-%D8%AA%D8%AD%D8%B1%DB%8C%DA%A9-%DA%A9%D9%86%D9%86%D8%AF%DA%AF%D8%A7%D9%86-%D8%A7%D8%BA%D8%AA%D8%B4%D8%A7%D8%B4%D8%A7%D8%AA-%D8%A7%D8%AE%DB%8C%D8%B1-%D9%82%D8%A7%D8%B7%D8%B9%D8%A7%D9%86%D9%87-%D8%A8%D8%B1%D8%AE%D9%88%D8%B1%D8%AF-%DA%A9%D9%86%D8%AF> (дата обращения: 07.11.2022) (перс. яз.).

³² دانش آموزان بازداشتی تعدادشان زیاد نیست (Школьников задержано не так много) // Sharqh. 11.10.2022. URL: <https://www.sharqhdaily.com/fa/tiny/news-858207> (перс. яз.).

Такой подход лежит в русле указаний аятоллы А. Хаменеи о том, что необходимо различать мирных манифестантов и бунтовщиков. В правительстве и парламенте рассматривают вопрос о принятии закона о мирных протестных акциях, что зафиксировано в 27 статье Конституции ИРИ, обсуждается возможность предоставления разрешений на их проведение и выделения специальных мест. Однако это решение уже было принято в правительстве Х. Роухани в 2018 г., но не получило одобрения других властных структур. За 50-дневный период протестов этот вопрос так и не нашел своего решения.

Однако в радикальных кругах не приемлют требования митингующих. Высказываются мнения о том, что любое послабление со стороны властей, в первую очередь, в вопросе о хиджабе, приведет к подтачиванию и разрушению основ исламского режима. Поднимаемый на обсуждение вопрос о национальном диалоге они трактуют как «диалог для устранения многочисленных сомнений, проводимый в университетской среде»³³.

В то же время в руководстве страны упрочивается понимание того, что, несмотря на давление и поддержку извне, внутри Ирана достаточно сильно недовольство и без достижения понимания между различными политическими течениями и гражданами страны разрешить сложившуюся кризисную ситуацию невозможно. Открыто идею проведения диалога общества и власти высказал глава судебной власти М. Эжеи³⁴.

Идея проведения диалога была поддержана спикером парламента М. Р. Галибафом, который 30 октября заявил о готовности к проведению реформ в системе управления страной. Хотя он не конкретизировал, о каких реформах в системе власти может идти речь, он впервые заявил о том, что в ходе протестных акций выдвигаются требования реформ, а «поскольку в основе политической системы страны лежит воля народа, которая и определяет проведение необходимых изменений во имя общенародных интересов в системе управления экономикой, культурой, социально-политической сфере в рамках ИРИ», необходимо начать преобразования³⁵. Эти слова М. Б. Галибафа получили широкий отклик в СМИ

³³ 14/8/1401 جوان / باب گفتگو را در دانشگاه باز کنی (Откроем ворота диалогу в университетах) // Джаван. 05.11.2022 (перс. яз.).

³⁴ دعوت ازهای از معترضان برای گفتگو / دنیا ی اقتصاد (Призыв Эжеи к протестующим о диалоге) // Дonya-е эктесад. 11.10.2022. URL: <https://donya-e-ektesad.com/%D8%A8%D8%AE%D8%B4-%D8%AE%D8%A8%D8%B1-64/3906684-%D8%AF%D8%B9%D9%88%D8%AA-%D8%A7%DA%98%D9%87-%D8%A7%DB%8C-%D8%A7%D8%B2-%D9%85%D8%B9%D8%AA%D8%B1%D8%B6%D8%A7%D9%86-%D8%A8%D8%B1%D8%A7%DB%8C-%DA%AF%D9%81%D8%AA-%D9%88%DA%AF%D9%88> (дата обращения: 07.11.2022).

³⁵ واکنش ها به سخنان قالیباف در مورد تغییر رویه ها و اصلاح امور در کشور // Jamaran. 30.10.2022 URL: <https://www.jamaran.news/%D8%A8%D8%AE%D8%B4-%D8%A8%D8%A7%D8%B2%D9%86%D8%B4%D8%B1-59/1572233-%D9%88%D8%A7%DA%A9%D9%86%D8%B4-%D9%87%D8%A7-%D8%A8%D9%87-%D8%B3%D8%AE%D9%86%D8%A7%D9%86-%D9%82%D8%A7%D9%84%DB%8C%D8%A8%D8%A7%D9%81-%D8%AF%D8%B1-%D9%85> (дата обращения: 05.11.2022) (перс. яз.).

и политических кругах страны, однако пока никаких шагов по реализации его предложений предпринято не было. Тем не менее, идея национального диалога широко обсуждается. При этом целый ряд официальных лиц и политических деятелей либеральной и умеренно консервативной направленности подчеркивают, что кризис углубляется и время для его урегулирования уходит.

В консервативном лагере за скорейшее начало диалога и урегулирование ситуации выступают течения, поддерживающие М. Ахмадинежада, А. Лариджани. Можно говорить о том, что их позиции по вопросам реформирования социально-экономической и культурной сферы достаточно близки. Их объединяет и стремление ограничить влияние радикальных консерваторов во властных структурах. Анализ выступлений ряда политиков-консерваторов демонстрирует их понимание невозможности управления страной лишь представителями одного идеологического течения. Этот вопрос поднял министр культурного наследия, туризма и национальных ремесел, бывший директор Радио и телевидения ИРИ А. Заргами на встрече со студентами Университета Шариф в годовщину захвата американского посольства в 1979 г. Он также высказался в поддержку реформ, заявив, «что появление на улицах девушки без хиджаба не означает падение нравственности»³⁶.

Бывший спикер меджлиса А. Лариджани также не считает тему необязательности ношения хиджаба ключевой в современном дискурсе, поскольку этот вопрос относится к культурной сфере, в которой каждый человек должен сам принимать решения. А. Лариджани, открыто не критикуя действия властей по отношению к протестующим, подчеркивает, что любые крайние меры с одной стороны лишь взращивают радикальные тенденции с другой³⁷.

Один из лидеров консерваторов-традиционалистов М. Б. Бахонар, руководитель Фронта линии имама и рахбара, заявляет о необходимости внесения изменений в конституцию и пересмотре некоторых принятых ранее законов и решений, однако пока не афиширует свои предложения³⁸.

³⁶ صرغای: تعداد دختران کم سن و سال که حجاب ندارند زیاد شده/ باید اصلاحات انجام داد (Заргами: количество девушек, не носящих хиджаб, увеличилось) // Aftabnews. 06.11.2022. URL: <https://aftabnews.ir/806374> (дата обращения: 07.11.2022) (перс. яз.).

³⁷ گفت‌وگو با علی لاریجانی درباره‌ی رخدادهای اخیر کشور (Интервью Али Лариджани о последних событиях в стране) // Ensafnews 12.10.2022. URL: <http://www.ensafnews.com/374864/%DA%AF%D9%81%D8%AA%E2%80%8C%D9%88%DA%AF%D9%88-%D8%A8%D8%A7-%D8%B9%D9%84%DB%8C-%D9%84%D8%A7%D8%B1%DB%8C%D8%AC%D8%A7%D9%86%DB%8C-%D8%AF%D8%B1%D8%A8%D8%A7%D8%B1%D9%87%E2%80%8C%DB%8C-%D8%B1%D8%AE%D8%AF/> (дата обращения: 08.11.2022) (перс. яз.).

³⁸ باهن: فضا برای نقد برخی افراد، تنگ شده/ فساد، ناکارآمدی و عدم توجه مسئولان به مشکلات مردم؛ سه واژه پرکاربر (Бахонар: сузились возможности для критики. Коррупция, непрофессионализм и невнимание ответственных лиц к проблемам народа – три самых актуальных вопроса) // khabaronline. 07.11.2022. URL: khabaronline.ir/xjpVS (дата обращения: 08.11.2022) (перс. яз.).

Большая часть реформаторского лагеря с первых дней начала протестов выразила им свою поддержку, однако М. Хатами, выразив соболезнование в связи со смертью М. Амини, практически полтора месяца сохранял полное молчание и лишь в начале ноября призвал прекратить насилие в стране и косвенно отметил необходимость диалога. Бывший президент Х. Роухани, также хранивший молчание относительно отношения к протестным акциям, после террористического акта в Ширазе выступил против насилия и назвал диалог путем решения основных проблем страны³⁹.

Однако большинство СМИ реформаторской направленности стали рупором требований митингующих и акцентировали тот факт, что именно внутренняя ситуация последних лет создала почву для протестов. Игнорирование запросов молодого поколения, лишение их возможности свободно высказать свое мнение, ограничение соцсетей, блокировка сайтов, жесткий контроль со стороны полиции и патрулей нравственности, усиление идеологического давления в университетах на фоне сужения демократической составляющей исламского режима стали причинами этих выступлений. По оценкам реформаторских изданий, протесты показали, что 15% населения выступают против власти, такой же процент составляют ее устойчивые сторонники, а остальные представляют собой пассивную часть, которая может при определенных условиях присоединиться либо к первой, либо ко второй группе⁴⁰.

Поддерживая в принципе идею проведения диалога, они подчеркивают отсутствие основы для его начала, не считают возможным его проводить в условиях продолжения репрессий по отношению к протестующим и необеспеченности условий для широкой критики. Реформаторские круги демонстрируют широкий разброс мнений по этой проблематике, но в основном в центре их внимания стоят политические цели, основными из которых называются – обеспечение равных возможностей для всех политических течений в ходе выборов, ограничение права Наблюдательного совета отклонять зарегистрированных кандидатов на выборах, предоставить возможности для свободной критики и протестных акций, пересмотреть внешнюю политику страны. Однако на нынешнем этапе основное внимание должно быть уделено обеспечению гражданских прав.

³⁹ سکوت روحانی و خاتمی شکست / تلاش روسای جمهور سابق برای تقویت فضای گفت و گو به جای خشونت (Хатами и Роухани прервали молчание. Усилия двух бывших президентов по продвижению диалога вместо насилия) // Khabaronline. 28.10.2022. URL: khabaronline.ir/xjngp (дата обращения: 01.11.2022) (перс. яз.).

⁴⁰ منتظر "زمستان اروپا" بودند ولی ایران را "پاییزی" کردند | صدای اعتراض مردم را بشنوید (Ожидали «европейскую зиму», а получили «иранскую осень». Услышьте протестный глас народа) // Aftabnews. 23.10.2022. URL: https://aftabnews.ir/802853 (дата обращения: 24.10.2022) (перс. яз.).

Резюме

События, развивающиеся в ИРИ в последние месяцы, демонстрируют, что она переживает глубокий кризис. Экономические проблемы, сложные отношения с западными государствами, противоречия с региональными соседями накладываются на противостояние между властью и населением. Особенно глубока пропасть между нынешней властью и молодым поколением, которое, будучи продуктом глобализации и развития коммуникаций, стремится приобщиться к достижениям мирового прогресса, изменить традиционный образ жизни, что не всегда согласуется с закреплёнными исламским государством нормами и правилами. Нельзя отрицать, что недовольство молодежи ограничением их свободы выбора активно подогревается из-за рубежа. Однако отсутствие должного внимания властей к проблемам и запросам нового поколения, ограничение критики и дискуссий, попытки ужесточения контроля за соблюдением религиозных предписаний и подавление любых форм несогласия наряду с ограничением политического участия и ростом бытовых проблем создали почву для протестной кампании, более широкой и активной, чем те акции, с которыми сталкивалась ИРИ за период своего существования. И это может представлять угрозу не только стабильности, но и самому существованию страны. Усугубляет ситуацию активизация террористических организаций и развитие сепаратистских настроений в этнических регионах Ирана.

В то же время в руководящих кругах ИРИ укрепляется понимание того, что через диалог можно заполнить сложившуюся трещину между властью и большей частью населения, хотя отдельные политические течения ратуют за силовое решение проблемы.

Можно предполагать, что режиму все же удастся нормализовать внутривластную обстановку в стране. Но, по всей вероятности, обнулить недовольство подавляющей части иранцев невозможно. Это как пожар на торфяниках. Вроде бы, огня нет, а потом раз – и опять всё разгорается. И триггером новой вспышки может стать что угодно.

Нынешние протесты – это именно призыв к иранским властям о необходимости коренных реформ практически во всех сферах жизни для решения стоящих перед страной проблем.

Готово ли руководство ИРИ к этому – большой вопрос.

Литература / References

1. Верховный лидер Ирана обвинил США и Израиль в разжигании беспорядков // РИА Новости. 03.10.2022.

2. Гогитидзе. Хиджаб-революция женщин в Иране. Пошатнется ли режим аятоллы? // BBC. 14.10.2022. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-63251352>.
3. Сафарян Л. Иранский бунт: несвоевременный и опасный // EurAsia Daily. 25.09.2022.
4. Субботин И. Протесты в Иране бросили тень на судьбу «ядерной сделки» // Независимая газета 25.09.2022.
5. Central Bank of Iran. Economic Trends, 2022. № 107.
6. Chulov M. Protests spread in Iran as President Raisi vows to crack down // The Guardian. 24.09.2022.
7. Hafezi P. Many young Iranians lose their fear in struggle for 'freedom' // Reuters. 03.11.2022.
8. Hardie A., Atay Alam H. As many as 14,000 arrested in Iran over last six weeks, United Nations says // CNN. 03.11.2022. URL: <https://edition.cnn.com/2022/11/03/middleeast/iran-protests-arrests-united-nations-intl/index.html>.
9. Iran Protests: At least 304 Including 41 Children Killed / At Least 16 People Killed in Another 'Bloody Friday' in Baluchistan // Iran Human Rights (IHRNGO). 05.11.2011. URL: <https://iranhr.net/en/articles/5572>.
10. Iran indicts 1,000 over unrest, plans public trials // Arabnews. 31.10.2022.
11. Kennedy N., Picheta R. Head of Iran's Revolutionary Guards warns that Saturday is 'last day' of protests // CNN. 29.10.2022.
12. Provincial Inflation at 38–47% // Financial Tribune. 06.11.2022.
13. Safi. Iran Intensifies Crackdown Against Workers Amid Ongoing Strikes // Iranwire. 14.10.2022. URL: <https://iranwire.com/en/politics/108594-iran-intensifies-crackdown-against-workers-amid-ongoing-strikes>.
14. World Bank. World Development Indicators. Country Iran, 2022. Islamic Rep. URL: www.worldbank.org.
15. Бахонар: сузились возможности для критики. Коррупция, непрофессионализм и невнимание ответственных лиц к проблемам народа – три самых актуальных вопроса // Хабаронлайн 07.11.2022. URL: khabaronline.ir/xjpVS (перс. яз.).
16. Вторая оценка экономики Ирана / Донья-йе эгтесад. 06.11.2022 (перс. яз.).
17. Газета Иран: до сих пор не был убит ни один протестующий // Афтабньюз. 31.10.2022. URL: <https://aftabnews.ir/003NOx> (перс. яз.).
18. Заргами: количество девушек, не носящих хиджаб, увеличилось // Афтабньюз. 06.11.2022. URL: <https://aftabnews.ir/806374> (перс. яз.).
19. Интервью Али Лариджани о последних событиях в стране // Энсафньюз. 12.10.2022. URL: <http://www.ensafnews.com/374864/%DA%AF%D9%81%D8%AA%E2%80%8C%D9%88%DA%AF%D9%88-%D8%A8%D8%A7-%D8%B9%D9%84%DB%8C-%D9%84%D8%A7%D8%B1%DB%8C%D8%AC%D8%A7%D9%86%DB%8C-%D8%AF%D8%B1%D8%A8%D8%A7%D8%B1%D9%87%E2%80%8C%DB%8C-%D8%B1%D8%AE%D8%AF/> (перс. яз.).
20. Иран находится на этапе острого водного кризиса // Донья-е эгтесад. 07.11.2022. (перс. яз.).

21. Наставления правительства относительно хиджаба // Донья-е эктесад. 14.07.2022 (перс. яз.).
22. Неясная статистика протестов // Афтабньус. 22.10.2022. URL: <https://aftabnews.ir/003MrE> (перс. яз.).
23. Обращение 227 депутатов меджлиса: судебная власть должна сурово подойти к подстрекателям-бунтовщикам // Джамаран. 30.10.2022. URL: <https://www.jamagan.news/%D8%A8%D8%AE%D8%B4-%D8%A8%D8%A7%D8%B2-%D9%86%D8%B4%D8%B1-59/1573009-%D8%A8%DB%8C%D8%A7%D9%86-%DB%8C%D9%87-%D9%86%D9%85%D8%A7%DB%8C%D9%86%D8%AF%D9%87-%D9%85%D8%AC%D9%84%D8%B3-%D9%82%D9%88%D9%87-%D9%82-%D8%B6%D8%A7%D8%A6%DB%8C%D9%87-%D8%A8%D8%A7-%D8%AA-%D8%AD%D8%B1%DB%8C%DA%A9-%DA%A9%D9%86%D9%86%D8%AF-%DA%AF%D8%A7%D9%86-%D8%A7%D8%BA%D8%AA%D8%B4%D8%A7-%D8%B4%D8%A7%D8%AA-%D8%A7%D8%AE%DB%8C%D8%B1-%D9%82-%D8%A7%D8%B7%D8%B9%D8%A7%D9%86%D9%87-%D8%A8%D8%B1%D8%AE-%D9%88%D8%B1%D8%AF-%DA%A9%D9%86%D8%AF> (перс. яз.).
24. Ожидали «европейскую зиму», а получили «иранскую осень» // Афтабньус. 23.10.2022. URL: <https://aftabnews.ir/802853> (перс. яз.).
25. Откроем ворота диалогу в университета // Джаван. 05.11.2022 (перс. яз.).
26. Официальные утверждения лицemerов относительно недавних протестов // Тасним. 04.10.2022. URL: <https://www.tasnimnews.com/fa/news/1401/07/12/2783430> (перс. яз.).
27. Призыв Эжеи к протестующим о диалоге // Донья-е эктесад. 11.10.2022 (перс. яз.).
28. «Туманное» хозяйство 1401 // Донья-е эктесад. 06.11.2022 (перс. яз.).
29. Харид-е гандом аз 7,4 тонн обур кард // Донья-е эктесад. 27.09.2022 (перс. яз.).
30. Хатами и Роухани прервали молчание. Усилия двух бывших президентов по продвижению диалога вместо насилия // Хабаронлайн. 28.10.2022. URL: khabaronline.ir/xjngp (перс. яз.).
31. Школьников задержано не так много // Шарк. 11.10.2022 (перс. яз.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Дунаева Елена Викторовна – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института востоковедения Российской академии наук, доцент ИСАА МГУ, Москва, Россия

Dunaeva Elena V. – PhD (History), Senior Researcher, Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences; Associate Professor, Moscow Lomonosov University, Moscow, Russian Federation

Мамедова Нина Михайловна – канд. экон. наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия

Mamedova Nina M. – PhD (Economics), Chief Researcher, Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Science, Moscow, Russian Federation

Сажин Владимир Игоревич – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия

Sazhin Vladimir I. – PhD (History), Senior Researcher, Institute of Oriental Studies of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Раскрытие информации о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 12.10.2022. Одобрена после рецензирования: 26.10.2022.

Принята к публикации: 26.10.2022. Опубликована: 29.12.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure

The authors declare that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 12.10.2022. Approved after peer reviewing: 26.10.2022.

Accepted for publication: 26.10.2022. Published: 29.12.2022.

The authors have read and approved the final manuscript.

Научная статья. Политические науки
УДК 327.8 (540.11+549.1)
<https://doi.org/10.31696/2227-5568-2022-04-031-052>

ГИБРИДНАЯ ПОЛИТИКА ПАКИСТАНА КАК ОДНА ИЗ ПРИЧИН НЕРАЗРЕШИМОСТИ КАШМИРСКОЙ ПРОБЛЕМЫ

Софья Владимировна Заводник

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
sophiazavodnik@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5797-041X>

Аннотация. Рассмотрение различных направлений кашмирской политики Пакистана, а также используемых им военных и невоенных инструментов приводит автора к выводу, что противостояние Индии и Пакистана вокруг кашмирской проблемы имеет гибридный характер, что существенно осложняет ее разрешение. Ощущение исторической несправедливости, возникшее в Пакистане после раздела Британской Индии, перехода под контроль Индии значительной части Кашмира и многочисленных индо-пакистанских войн прочно закреплено в исторической памяти пакистанского общества и власти. Этот фактор в совокупности с убежденностью пакистанских элит в том, что жизнеспособность и процветание Пакистана напрямую зависит от того, контролирует ли он Кашмир, не позволяет Пакистану смягчить свою политику на кашмирском направлении. Таким образом, на фоне невозможности оставить попытки присоединить к себе Кашмир, с одной стороны, и абсолютной невозможности присоединить его в результате прямого военного столкновения с Индией – с другой, Пакистан прибегает к использованию военных и невоенных инструментов, характерных для гибридной войны.

Ключевые слова: гибридная война, индо-пакистанский конфликт, кашмирская проблема, Индия, Пакистан

Для цитирования: Заводник С. В. Гибридная политика Пакистана как одна из причин неразрешимости кашмирской проблемы. *Восточная аналитика*. 2022;13(4):31–52.
<https://doi.org/10.31696/2227-5568-2022-04-031-052>

Original article. Politics studies

PAKISTANI HYBRID POLITICS AS ONE OF THE REASONS FOR KASHMIR CONFLICT IRRECONCILIABILITY

Sophia Zavodnik

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
sophiazavodnik@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5797-041X>

Abstract. The analysis of various directions of Pakistani Kashmir policy and its military and non-military tools, leads the author to the conclusion that the confrontation between India and Pakistan around Kashmir has a hybrid character which significantly complicates its resolution. The sense of historical injustice that arose in Pakistan after the partition of British India, the transfer of a significant part of Kashmir under Indian control, and numerous Indo-Pakistani wars is firmly entrenched in the historical memory of Pakistani society and government.

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

This factor, combined with the Pakistani elite's conviction that the viability and prosperity of Pakistan directly depends on whether it controls Kashmir, does not allow Pakistan to soften its policy. Thus, against the background of the impossibility of abandoning attempts to extend its sovereignty on Kashmir, on the one hand, and the absolute impossibility to take control over it in a classic warfare with India, Pakistan resorts to the military and non-military tools which common for the hybrid warfare.

Keywords: hybrid war, Indo-Pakistani conflict, Kashmir problem, India, Pakistan

For citation: Zavodnik S. V. Pakistani hybrid politics as one of the reasons for Kashmir conflict irreconciliability. *Vostochnâ analitika* = *Eastern Analytics*. 2022;13(4):31–52. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2022-04-031-052>.

Проблема принадлежности Кашмира – центральная в индо-пакистанском противостоянии – представляется уникальной для конфликтологического анализа. Многоликость проблемы не позволяет отнести ее к определенному типу конфликта, а также делает ее разрешение практически невозможным. С одной стороны, кашмирский конфликт – это история национального и территориального противостояния между Индией, Пакистаном и Китаем, а с другой – сложный клубок противоречий между многочисленными религиозными, политическими и этническими группами в обеих частях Кашмира.

Существенные «линии разлома» – социальные, политические и культурные – делают мир в Кашмире недостижимым на протяжении уже 75 лет. История индо-пакистанского противостояния доказывает, что оно сложнее, чем классический международный конфликт, так как сочетает в себе элементы симметричных и асимметричных войн, тактики конвенционального и неконвенционального ведения боя, включает в себя одновременное столкновение регулярных армий и ополченцев, а также активное использование сторонами невоенного ресурса.

Противостояние между Индией и Пакистаном являет собой яркий пример гибридной войны, что подтверждается как широким спектром инструментов, используемых сторонами, так и их риторикой и политическим контекстом. Трехмерность восприятия индо-пакистанского конфликта и кашмирской проблемы, в частности, рождается из их аналитического рассмотрения через призму классических теоретических подходов. В рамках классических исследовательских школ присутствуют различия во взглядах на смысл гибридной войны. Так, если реализм позволяет нам поместить гибридную войну в контекст силовой политики и делает упор на изучение инструментов достижения своих целей политическими акторами, то либерализм делает акцент на изучение гибридной войны как измерения мягкой силы в контексте дезинформации и пропаганды, также отводит особую роль государственным

This work is licensed under a Creative Commons
Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

режимам. В рамках конструктивизма изучается гибридная война как столкновение общественных идентичностей, ценностей и политических измерений. Все три теории следует рассматривать не как взаимоисключающие, а скорее, как взаимодополняющие, позволяющие создать сложную аналитическую основу для различных аспектов такого сложного понятия как гибридная война, что наглядно проявляется при изучении кашмирской проблемы [Filipes, 2019, p. 52–70].

Целью статьи является рассмотрение различных направлений кашмирской политики Пакистана как элементов гибридной войны. Проводится изучение военных и невоенных инструментов, используемых Исламабадом, для усиления своего влияния в индийской части Кашмира, что позволяет углубить понимание кашмирской проблемы, а также расширить теоретические представления о причинах трансформации международных конфликтов в целом.

В рамках обозначенной цели крайне важно опираться на классические теоретические работы, посвященные различным типам конфликтов, в частности понятию гибридной войны: теоретическое осмысление этих явлений имеет достаточно глубокие исторические корни. Среди современных исследований важнейшую роль играют работы таких западных исследователей, как Ф. Хоффман [Hoffman, 2007], Б. Флеминг [Fleming, 2011], М. Уильямсон [Williamson, Mansoor, 2012], Р. Гленн [Glen, 2008], Д. Маккуин [MacCuen, 2008], С. Бишоп [Biscop, 2015] и др. Внутри американской исследовательской школы были сформулированы разные, но имеющее один логический фундамент определения «гибридной» войны, позволяющие сделать вывод о правомерности характеристики пакистанских действий в индийской части Кашмира как гибридной войны.

В отечественной науке также присутствует значительное количество выдающихся исследователей, обращавшихся в своих работах к вопросу асимметричных конфликтов и гибридных войн – это, например, А. А. Кокошин [Кокошин, 2018], А. Савельев [Савельев, 2019], П. А. Цыганков [Цыганков, 2015], О. Фридман [Фридман, 2016], Л. В. Дериглазова [Дериглазова, 2009] и многие другие.

Отходя от базовых теоретических исследований, мы переходим к аспектам, специфическим для индо-пакистанской проблемы. Основными работами в этом направлении являются исследования В. Я. Белокреницкого [Белокреницкий, 2016], Ю. В. Ганковского и А. М. Дьякова [Ганковский, Дьяков, 1964], К. А. Лихачева [Лихачев, 2011], А. Г. Бельского [Бельский, 1984] и др. Также важно отметить, что целый ряд ценных для изучения кашмирской проблемы работ рассматривает её прежде всего как этно-национальный конфликт. Это, например, монография

Т. Л. Шаумян [Шаумян, 1999], работы Н. В. Мелехиной [Мелехина, 2008; 2008, с. 82–94], монография В. Я. Белокреницкого и Н. В. Москаленко [Белокреницкий, Москаленко, 2008] и другие их исследования [Белокреницкий, Москаленко, Шаумян, 2008]. В рамках же данной работы кашмирский вопрос рассматривается с позиции международно-политической науки, в частности, через призму теории гибридных войн.

Так как одним из основных военных инструментов Пакистана является поддержка сепаратистских движений в индийской части Кашмира, важно осознавать высокую роль третьих государств в росте сепаратистской активности в соседних странах и то, что подобные меры являются элементом гибридной войны. Так, видный отечественный исследователь С. А. Баранов также отмечает высокую значимость внешнего фактора в усилении сепаратистских движений. Он пишет, что поддержка сепаратистов со стороны третьих государств порой чрезвычайно мотивирована. Она является эффективным инструментом для ослабления соседней страны, приобретения контроля над стратегически важными районами и экономикой отделяемых районов, а также для решения внутренних проблем (например, для укрепления политических позиций текущей власти) [Баранов, 2005, с. 107–123].

Исследования истории и особенностей кашмирского сепаратизма (или движения за независимость) и влияние Пакистана на него проводились видными отечественными историками и политологами. Одним из ведущих исследователей сепаратистских движений Индии является уже упомянутый выше С. А. Баранов, который в 2003 г. опубликовал масштабную монографию, посвященную причинам и эволюции этих движений в штатах Джамму и Кашмир, Пенджаб, Нагаленд, Мизорам и Ассам [Баранов, 2003].

Ю. В. Матвеев рассматривает этнические и конфессиональные факторы как определяющие кризис, связанный с ростом сепаратизма в штате Джамму и Кашмир в конце 1980-х гг. Обозревая научные исследования, в центре которых изучение сепаратизма в Джамму и Кашмире, Матвеев обличает в предвзятости исследовательские подходы, концентрирующиеся на роли Пакистана, и говорит об их откровенно проиндийской позиции, которая строится на преувеличении влияния пакистанских сил на сепаратистские движения в индийском штате [Матвеев, 2010, с. 90–110].

Обзор ряда работ индийских авторов подтверждает тезис Матвеева [Dasgupta, 2002; Jha Prem, 1996], однако при этом представляется, что рассмотрение вопросов обострения регионалистских и сепаратистских настроений в Джамму и Кашмире исключительно как следствия этноконфессиональных факторов и действий руководства Индии все же

не является исчерпывающим. Первый шаг к получению объективной оценки роли Пакистана в вопросе может быть осуществлен через изучение инструментов, которые применялись его правительством в те или иные периоды конфликта.

Бесконечная гибридная война вокруг Кашмира

XXI век часто определяется как период качественной трансформации конфликтов [Бартош, 2018, с. 1–18], так как классические или традиционные военные столкновения уступают место (как минимум по распространенности) гибридным войнам. Однако представляется важным отметить, что элементы, характерные для гибридных войн присутствовали еще в XX веке, о чем свидетельствует опыт Пакистана в Кашмире.

История индо-пакистанского конфликта сложилась так, что приобретение им чисто гибридного характера было неизбежным. Это подтверждается рядом специфических характеристик кашмирского конфликта.

Так, при изучении гибридной войны не представляется возможным однозначно определить дату начала и окончания конфликта [Цыганков, 2015, с. 253–258]. Этот аспект касается и кашмирской проблемы – как правило, началом конфликта между Индией и Пакистаном вокруг Кашмира признается 1947 г. – момент распада британской Индии. Однако, как полагает ряд ведущих исследователей кашмирской истории, его истоки зародились задолго до этого и были продиктованы политикой Великобритании в XIX в. Его фундамент был заложен, когда Кашмир – территория, населенная преимущественно мусульманами, – был продан индусу-махарадже из соседнего района Дхамму. Этот политический шаг создал новое княжество Дхамму и Кашмир, сразу ставшее территорией скрытой нестабильности, временами выливающейся в открытые восстания [Коган, 2009, с. 115–123].

От традиционной гибридная война также отличается сложностью различения «фронта» и «тыла» в классическом понимании этих терминов, а историческая прямая не поддается классическому делению на череду сражений со своими итогами и спецификой. Индо-пакистанский конфликт можно условно рассмотреть как череду войн и периодов перемирия, однако это не позволит выстроить трехмерную картину происходящего. Через осмысление эволюции противоречий сторон Пакистана и Индии возможно приблизиться к сущности конфликта и понимание реальных причин его неразрешимости: важно проследить, как происходит перерождение базовых политических целей в социальные

конструкты, основу системы ценностей одной из сторон – другими словами, в то, от чего нельзя отказаться.

С точки зрения конструктивизма гибридная война – это не просто «комбинация различных методов ведения войны», а конфликт социальных конструктов, убеждений сторон или «систем координат», в которых существуют власти и общества воюющих сторон [Braspenning]. Проблема принадлежности Джамму и Кашмира к Индии на протяжении многих десятилетий остается острой для Пакистана. Ощущение исторической несправедливости, желание реванша живет в его правящих кругах еще с первой индо-пакистанской войны 1947–1948-х гг., когда после заключения перемирия 1949 г. три четверти населения бывшего княжества Кашмир (в большинстве своем мусульман) были вынуждены жить на территории, подконтрольной Индии [Белокреницкий, 2016, с. 68–69]. После первой индийско-пакистанской войны (1947–1948 гг.) Джамму и Кашмир оказался поделен на две части: штат Джамму и Кашмир в составе Индии и пакистанский «Азад Кашмир» (свободный Кашмир). После подписания перемирия в 1948 г. индо-пакистанский конфликт вокруг Кашмира еще не один раз выливался в военные столкновения сторон. Дипломатические усилия Индии и Пакистана не приводили к долгосрочному успеху, а представляли собой лишь эпизодическое «потепление», которое всегда рано или поздно сменялось очередной кризисной ситуацией.

Вторая индо-пакистанская война произошла в 1965 г. и представляла собой пограничную войну, продолжавшуюся в течение двух месяцев, пока не завершилась вмешательством ООН и подписанием Ташкентской декларации, обязавшей стороны отвести войска и предпринять меры по ликвидации последствий конфликта. Спустя шесть лет, в 1971 г., Кашмир стал свидетелем третьей индо-пакистанской войны, которая привела к отторжению от Пакистана его восточных территорий и образованию на них нового суверенного государства Бангладеш. При этом в Кашмире ни одной из воюющих сторон не удалось достичь решающего успеха. 1980-е гг. стали для Кашмира периодом острого экономического кризиса, на фоне которого произошла активизация экстремистских и террористических группировок, провозгласивших своей главной целью освобождение оккупированного индийскими властями Кашмира. В этот же период происходит столкновение индийских и пакистанских войск недалеко от Китая в леднике Сячэн. Вплоть до начала 2000-х гг. напряженность между Индией и Пакистаном не снижалась: продолжались регулярные обстрелы с одной и другой стороны, схватки индийских военнослужащих с боевиками, террористические акты и др. Подобный рост напряженности неизбежно приводит к открытому столкновению –

в мае 1999 г. началась Каргильская война¹, в результате которой Индия одержала победу, отбив атаку боевиков, поддерживавшихся пакистанской артиллерией.

Первые два десятилетия XXI века в индийском штате Джамму и Кашмир продолжалась деятельность террористических, экстремистских, сепаратистских групп. Вооруженные бандформирования осуществляли налеты на полицейские участки, военную инфраструктуру, общественные места, вследствие которых гибли мирные жители. Ответом индийских властей были артиллерийские обстрелы пакистанских территорий, которые, по их мнению, использовались боевиками как форпосты. Также Индия активно применяла свой военный ресурс для подавления волнений на подконтрольной ей территории Кашмира.

В 2019 г. произошла одна из самых серьезных эскалаций между Пакистаном и Индией за последнее время. После очередного теракта в Джамму и Кашмире Индия начала военную операцию по ликвидации боевиков и их военного потенциала. Индийские ВВС пересекли линию контроля в Кашмире и нанесли авиаудар по территории, контролируемой Пакистаном. В ответ на индийскую акцию пакистанские власти отдали приказ поднять в воздух свои истребители. В ходе пограничного конфликта 27 февраля 2019 г. произошел воздушный бой между авиационными группами ВВС Индии и ВВС Пакистана².

Обобщая вышесказанное, можно сделать вывод, что история индо-пакистанского конфликта демонстрирует абсолютную невозможность победы кого-либо из его участников в прямом силовом столкновении. Путь дипломатии также пока не подтвердил своей эффективности. При этом Пакистан не может позволить себе отказаться от своих претензий на Кашмир, так как видит в нем регион исключительной стратегической важности – здесь и проявляется сила социального конструкта, сформированного в пакистанском обществе, как отличительного и движущего фактора гибридной войны.

Важную роль в формировании массовых представлений пакистанского общества о настоящем (в присвоении социальных конструктов), в частности о кашмирской проблеме, играет как историческая память, так и политика исторической памяти [Положенцева, Кащенко, 2015,

¹ Каргильская война – вооруженный конфликт между Индией и Пакистаном вдоль Линии контроля. Причиной войны стало проникновение пакистанских войск, замаскированных под кашмирских боевиков, на подконтрольную Индии территорию, которая де-факто служит границей между странами. Деятельность индийских ВВС совместно с сухопутными войсками была направлена на вытеснение регулярных и нерегулярных войск Пакистана с индийских территорий вдоль Линии контроля.

² Су-30 и F-16 сошлись в воздушном бою Индии и Пакистана // Lenta.ru. URL: <https://lenta.ru/news/2019/02/28/avia/> (дата обращения: 20.04.2022).

с. 42–46]. Другими словами, раздел Британской Индии и отторжение территорий, преимущественно населенных мусульманами, от Пакистана, многочисленные индо-пакистанские военные столкновения стали событиями, закрепившимися в коллективной памяти узлом исторической несправедливости. Эти элементы истории, утвердившиеся в массовом историческом сознании, передаются из поколения в поколение как стихийно, так и манипулятивно, через государственную повестку – СМИ, образование, государственные праздники.

Пакистанская власть и значительная часть общества существует в плоскости дихотомии мы/они (или свои/чужие) и, также как и Индия, находится в заложниках логики реализма или, вернее сказать, «дилеммы безопасности», в соответствии с которой усиление одного актора непременно воспринимается другим как угроза собственной безопасности. В соответствии с этой логикой завершение борьбы за Кашмир и его окончательное присоединение к Индии означало бы нанесение непоправимого экономического и военного ущерба Пакистану.

Гибридная сущность кашмирской проблемы также есть следствие секьюритизации. Под секьюритизацией здесь понимается элемент теории секьюритизации, в соответствии с которой на фоне появления новых типов угроз безопасность становится социальной практикой, в которой какую-либо проблему государственные акторы возводят в ранг экзистенциальной угрозы, что дает им большую свободу действий и, соответственно, большую власть [Buzan, Wæver, deWilde, 1998]. Многочисленные пакистанские политики успешно убеждают общественность в том, что выживание Пакистана напрямую зависит от того, под чьим контролем находятся кашмирские территории. Например, Сардар Абдул Кайюм Хан, бывший президент региона подконтрольного Пакистану «Азад Кашмир», не раз заявлял: «Пакистан не может существовать как независимое государство, если прекратит свою борьбу за Кашмир. В этот же момент он станет заложником Индии и срок его жизни будет полностью зависеть от желания индийского руководства» [Khan, 1990, p. 67].

С начала существования независимого Пакистана локомотивом его внешней политики были вопросы безопасности, в том числе угроза, исходящая от стремительно укрепляющейся Индии. Рост индийского доминирования – это главный вызов для Пакистана, который на протяжении всего существования сохранял амбиции стать лидером исламского мира в Южной Азии [Леонова, 2018, с. 36–40].

Невозможность захватить Кашмир военным путем, убежденность в экзистенциальной необходимости обладать им заставляют Пакистан использовать другие политические, военные и экономические инструменты, чтобы влиять на индийскую часть Кашмира, пытаясь

тем самым укрепить в ней собственное влияние и добиться ее отторжения от Индии. Пакистанское правительство официально признает моральную, политическую и дипломатическую поддержку сепаратистских движений в Джамму и Кашмире, однако в реальности она выходит далеко за рамки указанных сфер, и включает в себя оказание военной поддержки повстанцам, тайные военные операции, диверсии и другие, присущие гибридной войне инструменты.

Политические и дипломатические усилия Пакистана в рамках его кашмирской политики

Один из ведущих исследователей гибридных войн Р. Гленн в своей работе «Эволюция и конфликт» вводит следующее определение «гибридной войны»: гибридная война – это тип противостояния, когда противники используют комбинацию политических, военных, экономических, социальных и информационных инструментов влияния, с одной стороны, и конвенциональных, неконвенциональных, террористических и других методов ведения войны – с другой [Glenn, 2008]. П. А. Цыганков также отмечает важность присутствия наряду с военными невоенных методов достижения своих целей как неотъемлемой части «гибридной войны» [Цыганков, 2015, с. 253–258].

Так, важным фактором, отражающим «гибридный» характер кашмирской проблемы, является как раз комбинация военных и невоенных инструментов, которые используют стороны. В рамках данной работы рассматриваются инструменты исключительно Пакистана.

Важным направлением является использование международных площадок. Обращаясь к международной общественности в рамках международных организаций, пакистанские политики непременно упоминают тему Кашмира и в ряде случаев делают ее центральной для своего обращения. Представители Пакистана стараются привлечь как можно больше международного внимания к фактам нарушения прав мусульманского населения Джамму и Кашмир, таких как массовые аресты несогласных, введение комендантского часа, запрет интернета, произвол военных и полиции³. Надо сказать, что обвинения эти не беспочвенны – ряд авторитетных международных правозащитных организаций частично или полностью подтверждал их достоверность своими отчетами за разные годы. В них упоминалось и об убийствах гражданского населения, и о произвольных задержаниях, и о чрезмерном использовании

³ Ahmed M. At UN, Pakistani leader calls India a sponsor of Muslim hate / M. Ahmed and A. Batrawy // The Washington Post. URL: https://www.washingtonpost.com/world/national-security/at-un-pakistani-leader-calls-india-a-sponsor-of-muslim-hate/2020/09/25/141dd7e4-ff62-11ea-b0e4-350e4e60cc91_story.html (accessed: 20.04.2022).

силы индийскими военными, упоминались также пытки и нападения на кашмирских мусульман за пределами бывшего штата⁴.

Также Пакистаном ведется активная дипломатическая работа внутри мусульманского лагеря. Исламабад пытается заручиться поддержкой исламского мира в своем противостоянии с Индией. Однако реакция целого ряда влиятельных в регионе арабских стран (Саудовская Аравия, Иран, Турция) на обличение «незаконных» действий индийского правительства, как правило, остается формальной. Особая значимость двусторонних отношений с Индией не позволяет им открыто критиковать ее действия в штате^{5, 6}.

Важно отметить дипломатическое давление Пакистана на Индию как один из инструментов поддержки движения за независимость в Кашмире. Пакистан пристально следит за политикой Индии в регионе. Любое действие индийских властей, направленное на ограничение свобод в штате, вызывает незамедлительную реакцию Исламабада. На протяжении десятилетий желание значительной части населения Джамму и Кашмира получить независимость жестко подавлялось индийским правительством. Начиная с 1947 г. Нью-Дели удалось убедить мировое сообщество в нежизнеспособности независимого Кашмира, свободы в штате ограничивались – вводился комендантский час, ограничивались свободы слова и мирных собраний, что вызывало острую реакцию со стороны Пакистана.

Например, отмена правительством Н. Модии особого статуса штата Джамму и Кашмир и, соответственно, 370-й статьи индийской конституции в 2019 г. вызвала серьезное возмущение Пакистана и достаточно жесткий дипломатический ответ: Пакистан выступил с протестом против решения правительства Индии, приостановил торговые связи, и понизил статус дипломатических отношений, выслав индийского высокого комиссара⁷.

Признание Джамму и Кашмира в качестве субъекта Индийского Союза сопровождалось требованием режима максимальной автономии

⁴ Update of the Situation of Human Rights in Indian-Administered Kashmir and Pakistan-Administered Kashmir from May 2018 to April 2019 // Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights. 2019. URL: https://www.ohchr.org/sites/default/files/Documents/Countries/IN/KashmirUpdateReport_8July2019.pdf (accessed: 14.06.2022).

⁵ Шах К. М. Конец статьи 370: что дальше? // Валдай. Международный дискуссионный клуб. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/konets-stati-370-chto-dalshe/> (дата обращения: 21.04.2022).

⁶ Summary of human rights concerns in Jammu and Kashmir // Amnesty Int. 1993. URL: <https://www.amnesty.org/en/wp-content/uploads/2021/06/asa200021995en.pdf> (accessed: 14.06.2022).

⁷ Khan S. Pakistan suspends trade ties with India, asks Indian envoy to leave // DAWN. URL: <https://www.dawn.com/news/1498609/pakistan-to-downgrade-diplomatic-ties-suspend-bilateral-trade-with-india-national-security-committee> (accessed: 20.04.2022).

для штата как условия для его нормального этно-национального развития. 26 января 1950 г., после вступления в силу ст. 370 Конституции Индии, штат Джамму и Кашмир получил право иметь свою конституцию и флаг, а также широкие полномочия в области законодательства и определения применимости индийского законодательства на своей территории⁸. Правительство Индийского союза было готово пойти на предоставление действительно существенных политических свобод штату для обеспечения лояльности одной из наиболее популярных партий в Джамму и Кашмире – Национальной конференции (НК) [Матвеев, 2010, с. 90–110].

Недавнее обострение индо-пакистанских отношений было связано именно с политикой индийского правительства по снижению автономных прав штата и разделению Джамму и Кашмира на две союзные территории – Джамму и Кашмир и Ладакх. Индийские власти отрицают обвинения в нарушении прав человека и объясняют свое решение стремлением ускорить интеграцию этих территорий. После отмены особого статуса Джамму и Кашмира люди из любой точки Индии смогут покупать недвижимость и постоянно проживать на новообразованных союзных территориях, что в долгосрочной перспективе может привести к изменению демографического и религиозного состава территорий (снижению количества мусульман). Создание отдельной союзной территории Ладакх формально обусловлено требованием той части населения, которое исповедует буддизм, отделиться от преимущественно мусульманского Джамму и Кашмира⁹. При этом в ладакхском округе Каргил большинство населения составляют мусульмане, которые предпочли бы остаться в составе Джамму и Кашмира¹⁰.

Пакистанские власти оказывают политическую поддержку лидерам кашмирской борьбы за свободу, что также является элементом гибридной войны. Если в Индии многие из них считаются террористами и лидерами вооруженных бандформирований, то в Пакистане многих из них, наоборот, рассматривают как политиков, верных своим идеалам и несмотря ни на что продолжающих борьбу за свободу своего народа. Например, когда в 2021 г. в возрасте 92 лет скончался один из лидеров сепаратистского движения в Кашмире Сайед Али Шах Гилани, премьер-министр Пакистана Имран Хан объявил в стране день траура, заявив,

⁸ Article 370 // The Constitution of India (As modified up to the 1st December, 2007). N. D., 2008. Pp. 243–244.

⁹ Leh District Population Census 2011–2020, Jammu and Kashmir literacy sex ratio and density. URL: www.census2011.co.in (accessed: 09.06.2022).

¹⁰ Kargil District Population Census 2011–2020, Jammu and Kashmir literacy sex ratio and density. URL: www.census2011.co.in (accessed: 09.06.2022).

что пакистанцы «приветствуют его мужественную борьбу и помнят его слова: «Мы – Пакистан, а Пакистан – это мы»¹¹.

Отдельно следует отметить такой невоенный инструмент пакистанского правительства в его борьбе против Индии, присущий гибридным войнам в целом, как формирование общественного мнения по кашмирской проблеме внутри Пакистана.

Кашмирский конфликт продолжает доминировать во внутривнутриполитической информационной повестке страны. Информационные каналы наполнены сообщениями о ситуации в Кашмире и жесткой политике индийских властей. Ряд исследований, одно из которых проведено в 2019 г., демонстрирует, что тема Кашмира является третьей по популярности после спорта и проблемы международного терроризма на пакистанских новостных каналах. Такие крупнейшие пакистанские каналы, как ARY News и GeoNews, а также DunyaNews, достаточно широко освещают вопросы, смежные с темой Кашмира, политикой Индии на союзных территориях Джамму и Кашмир и Ладакх, а также нарушением прав человека [Karim, Hussain, 2019, pp. 19–38].

По большому счету, внутри Пакистана проводится серьезная идеологическая работа с населением, обеспечивающая поддержку внешнеполитических действий руководства. Основным инструментом является легитимизация внешнеполитического курса через рационализацию (то есть убеждение в справедливости и неизбежности своих действий), а также нарративизацию, то есть объяснение настоящего через прошлое (современная политика Пакистана объясняется исторической несправедливостью, возникшей в период раздела колониальной Индии и ставшей результатом индийско-британского сговора).

Дополнительно пакистанские власти используют «кашмирскую тему» для того, чтобы отвлечь людей от других экономических и политических проблем. Помимо сложной ситуации, связанной с ростом террористической деятельности «Талибан» и чрезвычайной активностью вооруженных группировок в Белуджистане, существуют серьезные экономические проблемы – пакистанская экономика находится в угрожающей зависимости от Всемирного банка и МВФ, а инфляция и безработица рекордно высоки (на фоне отрицательного роста ВВП (–0,9%) в 2021 г. инфляция составила 9,5%, а безработица за последние 10 лет выросла на 4% и составила 4,4% от всего трудоспособного населения страны)¹².

¹¹ Imran Khan condoles death of separatist leader Geelani; Pak to observe a day of mourning // Daccan Herald. URL: <https://www.deccanherald.com/international/imran-khan-condoles-death-of-separatist-leader-geelani-pak-to-observe-a-day-of-mourning-1026112.html> (accessed: 23.03.2022).

¹² Pakistan / The World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/country/pakistan> (accessed: 20.04.2022).

Отдельно существует и культурная повестка, посвященная проблеме Кашмира. Власти Пакистана организуют выставки и праздники, приуроченные к важным историческим датам. Например, 14 августа 2016 г. исполнилось 70 лет независимости Пакистана. Праздник решили посвятить борьбе Кашмира за независимость от Индии, даже несмотря на то, что в Пакистане уже существует посвященный этому отдельный государственный праздник – «День солидарности с Кашмиром». 5 февраля в Пакистане ежегодно проходят парады в поддержку тех, кто борется за отделение союзных территорий Джамму и Кашмир и Ладакх от Индии. Так, по официальным заявлениям пакистанских властей, пакистанцы выражают свою солидарность с народом Кашмира, который находится «под индийской оккупацией», а также чтят память погибших в борьбе за независимость¹³.

Военные инструменты Пакистана

Основным и, возможно, самым эффективным инструментом влияния на ситуацию в Кашмире является использование военного ресурса. Характеристика индо-пакистанского противостояния как гибридной войны выглядит особенно справедливой при рассмотрении военных инструментов сторон (в рамках данной статьи военных инструментов Пакистана) [Krolikowski, 2016, p. 295–414]. Особенно, если учитывать, что отличительной особенностью гибридной войны является то, что главным инструментом сторон является не классическое военное вторжение, а сочетание скрытых операций, диверсий, кибервойны, а также финансовой и военной поддержки действующим на территории противника повстанцам [Hoffman, 2007].

Существует мнение, что с самого начала конфликта (в период раздела колониальной Индии) формирующийся Пакистан был склонен прибегать к помощи военных формирований. Индийские источники отмечают, что первым шагом молодого пакистанского правительства была организация вторжения пуштунских племен в Кашмир, что вызвало ответные действия со стороны Индии и спровоцировало первую индо-пакистанскую войну [Prasad, 1987, p. 17–18].

Однако следует отметить отсутствие фактов, однозначно указывающих на то, что вторжение пуштунов было организовано пакистанскими властями. С одной стороны, кажется, что в ситуации, когда стратегически важный регион с преимущественно мусульманским населением

¹³ Kashmir conflict dominates Pakistan Independence Day celebrations // DW. URL: <https://www.dw.com/en/kashmir-conflict-dominates-pakistan-independence-day-celebrations/a-19473788> (accessed 20.04.2022).

отходит под суверенитет Индии, использование военизированных пуштунских сил было для Пакистана единственным логичным шагом. Более того, сложно представить стройное наступление 5 тыс. человек без предварительной организации. С другой стороны, некоторые исследователи отмечают, что на тот момент в армии Пакистана присутствовало около 1 тыс. британских старших и высших офицеров, что не могло не стать серьезным препятствием для осуществления подобной операции, если бы она действительно планировалась пакистанскими властями [Борисов и др., 2019. с. 64–65].

Тем не менее, в будущем Пакистан не раз прибегал к использованию пуштунских сил в Кашмире, и более того, далее сделал их одним из главных военных инструментов влияния. Более очевидной иллюстрацией серьезной роли Пакистана в разжигании сепаратистской деятельности на территории Джамму и Кашмир является подготовленный еще в 1950-х гг. и осуществленный в 1965-м г. план «Гибралтар», подразумевавший организацию масштабного восстания против индийских властей в Джамму и Кашмире.

В июле–августе 1965 г. на фоне перевооружения Индии, ослабленной пограничной войной с Китаем, пакистанские военные в гражданской одежде и члены групп специального назначения начали пересечение контрольной линии в Кашмире. Их целью было разжечь мятежные настроения мусульманской части населения, а также осуществить ряд диверсионных действий, которые подорвали бы позиции Индии в Джамму и Кашмире. Таким образом пакистанские власти надеялись обеспечить разрешение кашмирской проблемы в пользу Пакистана. Однако местное население оказалось не готово к участию в вооруженных выступлениях против Индии, и проводимая агитация оказалась в целом неэффективной. Многие местные жители оповещали индийские власти о готовящихся диверсиях, препятствовали деятельности боевиков и сдавали их местной полиции.

Ответ Индии окончательно определил неудачу пакистанского плана «Гибралтар». Индийская операция по ликвидации боевиков быстро переросла в военную операцию на территории Пакистана, а потом и во вторую индо-пакистанскую войну.

Несмотря на отрицание правительством Пакистана организации подрывной деятельности на подконтрольной Индии территории, факт попытки осуществления плана «Гибралтар» подтверждается как многочисленными свидетельствами бывших пакистанских рекрутов, так и историческими документами (например, показательная рассекреченная телеграмма от представителей посольства США в Индии в Госдепартамент США, подтверждающая присутствие нескольких сотен

пакистанских боевиков в Джамму и Кашмире)¹⁴. В докладе индийского правительства, предоставленном для изучения секретариату ООН, присутствуют доказательства участия именно пакистанского военного персонала в диверсионных акциях в Джамму и Кашмире. Например, на боеприпасы, изъятые у боевиков, была нанесена маркировка пакистанского оружейного завода, что подтверждается рядом фотографий¹⁵.

В начале 1990-х гг. кашмирская проблема обострилась еще больше. Более того, в 1990-е гг. использование Пакистаном военного ресурса в деле поддержки сепаратизма в Кашмире вышло на новый уровень, в результате чего наблюдался рост террористической и сепаратистской активности. В 1994 г. двусторонние индо-пакистанские переговоры были сорваны, Пакистан увеличил масштабы военной помощи сепаратистам.

Другим важным аспектом было то, что в начале 1990-х Пакистан был важнейшим звеном в передаче американской военной помощи афганским моджахедам. КНР также снабжала моджахедов оружием, поставляя его через Пакистан. Это привело к тому, что пакистанский рынок наполнился оружием, и его легкая доступность придавала импульс росту исламского джихадизма внутри Пакистана. Вооруженное современными оружием, подвергнувшееся религиозной идеологической обработке и убежденное в близкой победе, новое поколение исламских джихадистов стало казаться Исламабаду эффективным инструментом для достижения приоритетных внешнеполитических целей.

Позже Пакистан активно содействовал вербовке «Талибаном» учеников из пакистанских религиозных школ и отправлял в Афганистан значительное число талибов из своей армии. Существенной была и финансовая помощь – в 1997/1998 г. Пакистан выделил талибам порядка 30 млн долл. [Искандеров, 2013, с. 96–111]. Такая поддержка, безусловно, стала одной из определяющих в развитии силового, экономического и политического ресурса «Талибана». Относительный успех Пакистана в Афганистане, а именно эффективность поддержки, которую Пакистан оказывал «Талибану», закрепил убеждение пакистанского руководства в том, что вполне реально достичь своих стратегических целей через поддержку боевиков или различных военных бандформирований на чужой территории [Pattanaik, 2002].

¹⁴ Ilyas Khan M. Operation Gibraltar: The Pakistani troops who infiltrated Kashmir to start a rebellion // BBC News. URL: <https://www.bbc.com/news/world-asia-34136689> (accessed: 30.09.2022).

¹⁵ Items in Peace-keeping operations – India/Pakistan. Description of events in Indian-Pakistani conflict. UN Secretariat. 1965. 31 p. URL: <https://search.archives.un.org/uploads/r/united-nations-archives/b/8/5/b85231aaf75139bb5d5eca8aeb57a59585bcec6cbbf7b9593cad9b0d7275c50a/S-0863–0004–01–00001.pdf> (accessed: 30.09.2022).

Даже несмотря на подписание в 1999 году Лахорской декларации и некоторое улучшение в отношениях Индии и Пакистана, использование Пакистаном военных инструментов для усиления своего влияния в Кашмире продолжилось. В индийской части штата все так же действовали боевики и партизаны, пытающиеся обеспечить ее отделение от Индии и присоединение к Пакистану. В этот период был разработан план проникновения пакистанских специальных групп в индийскую часть штата и занятия ряда позиций в горах в округе Каргил, вероятно, с целью заставить индийских военных покинуть находящийся восточнее ледник Сиачен, который на протяжении последних десятилетий был местом боевых столкновений между Индией и Пакистаном. Эта операция получила название «Бадр» [Lavoy, 2009, p. 25].

После военных столкновений власти Пакистана отрицали свое участие в конфликте, утверждая, что сопротивление индийским военным оказывали моджахеда и другие члены нерегулярных вооруженных групп, неподконтрольных Пакистану. Однако позже пакистанский генерал Шахид Азиз подтвердил не просто участие, но и организацию Пакистаном вторжения в Каргил [Krolikowski, 2016, pp. 395–414]. Аналогичные ситуации возникали и в 2000-х гг., и в 2010-х. После отмены в 2019 г. статьи 370 индийской конституции и резкого ухудшения индо-пакистанских отношений Пакистан активизировал свою деятельность по поддержке сепаратистских настроений на подконтрольной Индии территории.

В рамках данного исследования нет задачи освещать каждый исторически зафиксированный случай использования Пакистаном военного ресурса для дестабилизации ситуации в индийской части Кашмира. Тем не менее, представляется важным отметить, что провокации, вооружение и подготовка боевиков, попытки усиления сепаратистских настроений в Джамму и Кашмире и Ладакхе в совокупности с невоенными усилиями Исламабада и, что самое главное, параллельно с формированием и укреплением жесткой убежденности в том, что отказ от претензий на Кашмир может привести к уничтожению Пакистана, определяют невозможность завершения гибридной войны между Пакистаном и Индией в ближайшей перспективе.

За всю историю противостояния осуществлялись попытки проведения мирных переговоров между Индией и Пакистаном. Но стороны все равно возвращались к войне в основном гибридными методами, а с каждым провалом очередных мирных переговоров вероятность завершить конфликт и остановить гибридную войнукратно падала.

Существует целый ряд причин, по которым конфликт остается неурегулированным вот уже 75 лет. Однако в контексте данного исследова-

ния интересны факторы, имеющие прямое отношение именно к Пакистану и к его кашмирской политике как сочетающей в себе элементы гибридной войны.

Милитаризованное пакистанское общество и политическая система обусловили неспособность страны взглянуть на проблему Кашмира иначе и оставить бесконечную и бесплодную борьбу за него. Несмотря на целый ряд встреч пакистанских и индийских лидеров, организованных в 1980–1990-х гг., напряжение в регионе не спадало. Внутриполитическая система Пакистана функционировала таким образом, что любые попытки радикально изменить подход к кашмирской проблеме отторгались. Пакистанская армия обладала такой силой и влиянием, что могла обеспечить как выживание, так и стремительный крах пакистанской политической власти. Также достаточно быстро сформировалась зависимость правительства от религиозных партий и лобби, набиравших популярность в обществе и убежденных в необходимости жесткого подхода в кашмирском вопросе.

Если на политическом горизонте Пакистана появлялись политики, поддерживающие мирный процесс с Индией и приветствующие Симлское соглашение, такие как Беназир Бхутто в начале своего первого срока в качестве премьер-министра, система заставляла их кардинально менять свои взгляды. Чтобы удержать власть, им приходилось менять свои убеждения в пользу жесткого силового подхода. Например, уже в конце 1980-х Беназир Бхутто призвала к тысячелетней войне с Индией за освобождение Кашмира. Роль правительства, таким образом, оказывалась серьезно ограничена, а внешняя политика определялась в основном военными.

Таким образом, совокупность перечисленных инструментов, применяемых на базе утвердившихся во властных элитах и обществе социальных конструктов, рождает порочный круг вражды и ненависти, разорвать который мог бы только коренной слом политических и общественных убеждений, переросших за последние десятилетия в подобие религиозных догм.

Заключение

Пример Пакистана и его политики в рамках территориального конфликта с Индией является показательным в вопросе изучения гибридных войн и элементов, присущих им. Невозможность политического разрешения кашмирского конфликта, а также неспособность одержать победу в прямом военном противостоянии заставляют Пакистан использовать целый спектр инструментов косвенной борьбы с Индией: от политической и дипломатической политики до организации диверсий,

ведения кибервойны, поддержки кашмирских сепаратистов (или борцов за право на самоопределение) и др.

Таким образом, методы кашмирской политики Пакистана можно разделить на две большие группы: а) политические, дипломатические, финансовые инструменты и б) военная активность. Поддержка сепаратистских настроений оказалась наиболее эффективным военным методом, способным подорвать позиции Индии. Военные методы дополняются невоенными, такими как дипломатические усилия Пакистана на международных площадках и в рамках двусторонних отношений со странами исламского лагеря, организация давления на Индию в вопросе нарушения прав человека на подконтрольных ей частях Кашмира, а также формирование определенного общественного мнения внутри самого Пакистана.

За 75 лет конфликта пакистанская стратегия в Кашмире окончательно сформировалась – поддержание конфликта низкой интенсивности через использование скрытого военного и невоенного ресурса без прямого военного вмешательства и нанесение тем самым Индии экономического, политического и репутационного ущерба. Согласно пакистанскому видению, такой тлеющий конфликт заставляет Индию использовать значительные ресурсы как для ликвидации боевиков, так и для подавления сепаратистских настроений в Кашмире. Другими словами, Пакистан прикладывает все усилия для того, чтобы для обеспечения целостности Индии индийскому руководству приходилось бы сокращать политические права в бывшем штате Джамму и Кашмир (с 2019 г. в союзных территориях Джамму и Кашмир и Ладакх), выделять существенные финансовые средства на поддержание порядка с помощью армии, а также отвечать на регулярные обвинения в нарушении прав человека в Кашмире (действительно имеющие место).

Поскольку присущие гибридным войнам инструменты являются единственными доступными Пакистану, окончательного решения конфликта в Кашмире и восстановления там стабильности в обозримом будущем ожидать не стоит. Трагедия гибридной войны заключается в том, что она воспроизводит сама себя. Так, если сепаратистские настроения сформировались и живы внутри кашмирского общества в результате конфессиональных различий, то перерастание этих настроений в вооруженные столкновения с властями, в террористическую и подрывную деятельность есть отчасти результат пакистанской политики (а отчасти индийской). Агрессивное подавление Индией сепаратистской деятельности, а также её борьба с пакистанскими боевиками провоцирует пакистанский как военный, так и невоенный ответ, который накладывается на формировавшееся в Пакистане на протяжении последних 70 лет общественное мнение, поддерживающее бескомпромиссную

политику по агрессивной защите права кашмирцев на самоопределение. В дополнение политическая система Пакистана оказалась зависима от мнения и поддержки военного государственного аппарата, а многочисленные выступления высокопоставленных пакистанских чиновников по Кашмиру на международных площадках сформировали определенный образ Пакистана, изменить которому было бы сложно.

Создается впечатление, что проблема Кашмира глубже, чем этно-территориальный конфликт. С одной стороны, борьба за Кашмир для каждой из сторон – это борьба за восстановление исторической справедливости, понимание которой зависит от образов, закрепленных в исторической памяти обществ и властей. А с другой – это столкновение региональных амбиций Индии и Пакистана, и их взглядов на условия выживания и процветания своей страны и региона, сформированных вследствие секьюритизации сознания. «Дилемма безопасности» предопределяет невозможность разрешения конфликта, так как усиление одной стороны рождает ощущение растущей угрозы у другой и, соответственно, желание сдержать соперника.

Питирим Сорокин утверждал, что причиной появления и обострения конфликта в первую очередь является дезинтеграция устоявшейся системы отношений [Осипова, 2013, с. 91–110]. Раздел британской Индии стал причиной разрушения политического порядка, строившегося на протяжении многих лет. Этот слом повлек за собой дезорганизацию организованной до этого группы и отношений между акторами. Разрешение конфликтной ситуации такого рода также требует разлома сформированной годами комплексной системы отношений. Причем речь идет не только о двусторонних отношениях между Индией и Пакистаном, но и об отношениях внутри их политических систем, о прочных социальных конструктах, строившихся десятилетиями внутри индийского и пакистанского обществ, сегодня в высокой степени милитаризованных.

Литература / References

1. Баранов А. В. Сепаратизм в современном мире: политико-территориальный аспект // Человек. Сообщество. Управление. – 2005. – № 3. – С. 107–123.
2. Баранов С. А. Сепаратизм в Индии / Рос. акад. наук. Ин-т востоковедения. – М.: ИВ РАН, 2003. – 238 с.
3. Бартош А. А. Трансформация современных конфликтов // Вопросы безопасности. – 2018. – № 1. – С. 1–18.
4. Бельский А. Г. Идеология и политика современного индусского коммунизма. – М., 1984.
5. Белокреницкий В. Я., Москаленко В. Н., Шаумян Т. В. Южная Азия в мировой политике. – М: Междунар. отношения, 2003. – 368 с.

6. *Белокреницкий В. Я.* Пакистан, Южная Азия, исламский мир, Восток. Избранные публикации 2008–2016 гг. – М.: ИВ РАН, 2016. – 712 с.
7. *Дериглазова Л. В.* Асимметричные конфликты: уравнение со многими неизвестными. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009.
8. *Ганковский Ю. В.* Народы Пакистана. Основные этапы этнической истории / Ю. В. Ганковский, А. М. Дьяков // Главная редакция восточной литературы изд-ва «Наука». 1964. – 280 с.
9. *Искандеров К.* Фактор Пакистана в афганском конфликте // Центральная Азия и Кавказ. – 2013. – Том 16. – Вып. 3. – С. 96–111.
10. История Пакистана. XX век / В. Я. Белокреницкий, В. Н. Москаленко. – М.: ИВ РАН; Крафт+, 2008. – 576 с.
11. *Коган А. И.* Перспективы исследования этнической истории Кашмира // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. – 2009. – № 3. – С. 115–123.
12. *Кокошин А. А.* Феномен «гибридной войны» в силовой составляющей современной мировой политики // Вестник Российской академии наук. – 2018. – Том 88. – № 11. – С. 971–978.
13. *Леонова О. Г.* Индия и Пакистан: проблемы двусторонних взаимоотношений // Экономика и Управление: Проблемы и Решения. – 2018. – Том 3. – № 3. – С. 36–40.
14. *Лихачев К. А.* Особенности развития терроризма в республике Индии во второй половине XX века // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 4, Ист. – 2011. – № 1 (19). – С. 71–80.
15. *Матвеев Ю. В.* Исторические предпосылки политического кризиса в индийском штате Джамму и Кашмир: этноконфессиональный контекст // Вестник Московского Университета. Серия 13. Востоковедение. – 2010. – № 4. – С. 90–110.
16. *Мелехина Н. В.* Кашмирский конфликт: эволюция, типология и пути урегулирования: диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.03 / Мелехина Наталья Валерьевна; [Место защиты: Моск. гос. ин-т междунар. отношений]. – Москва, 2008. – 253 с.
17. *Мелехина Н. В.* Пути и перспективы решения кашмирской проблемы // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – 2008. – Вып. 3. – С. 82–94.
18. *Осипова Н. Г.* Проблема войны в социологии П. А. Сорокина // Вестник Московского Ун-та. Сер. 18. Социология и политология. – 2013. – № 3. – С. 91–110.
19. Пакистан: за рамками стереотипов / Т. И. Борисов, С. А. Денисенцев, В. Б. Капшин, А. В. Лавров, Ю. Ю. Лямин, Р. Ш. Мамедов, Е. А. Пахомов, А. М. Рамм, П. В. Топычканов, М. Ю. Шаповаленко; под ред. Т. И. Борисова, К. В. Макиенко. – М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2019. – 208 с.
20. *Положенцева И. В.* Феномен исторической памяти и актуализация личной исторической памяти студентов / И. В. Положенцева, Т. В. Кащенко // Власть. 2015. – Том 22. – № 12. – С. 42–46.
21. *Савельев А.* Теория и практика современной войны // Мировая экономика и международные отношения. – 2019. Том 63. – № 6. – С. 122–128.
22. *Фридман О.* Гибридная война понятий // Вестник МГИМО. – 2016. – № 5 (50). – С. 79–84.

23. *Цыганков П. А.* Гибридные войны в хаотизирующемся мире XXI века / Ачкасов В. А., Белозёров В. К., Будаев А. В., Володенков С. В., Грачиков Е. Н., Капицын В. М., Карякин В. В., Комлева Н. А., Кузнецов И. И., Ланцов С. А., Манойло А. В., Радиков И. В., Соловьев А. В., Столетов О. В., Терновая Л. О., Цыганков П. А., Чихарев И. А., Полулях Д. С. ; под ред. П. А. Цыганкова. – М.: МГУ, 2015. – 384 с. – (Библиотека факультета политологии МГУ).
24. *Цыганков П. А.* «Гибридная война»: политический дискурс и международная практика // Вестник Московского Университета. Серия 18. Социология и Политология. – 2015. – № 4. – С. 253–258.
25. *Шаумян Т. Л.* Кто и почему воюет в Кашмире? – М: Центр международных и политических исследований, 1999. – 63 с.
26. *Шах К. М.* Конец статьи 370: что дальше? // Валдай. Международный дискуссионный клуб. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/konets-stati-370-chto-dalshe/> (accessed: 21.04.2022).
27. *Ahmed M.* At UN, Pakistani leader calls India a sponsor of Muslim hate / M. Ahmed and A. Batrawy // The Washington Post. URL: https://www.washingtonpost.com/world/national-security/at-un-pakistani-leader-calls-india-a-sponsor-of-muslim-hate/2020/09/25/141dd7e4-ff62-11ea-b0e4-350e4e60cc91_story.html (accessed: 20.04.2022).
28. *Bell J.* What is Hybrid Warfare? // Global Security Review. 2019. URL: <https://globalsecurityreview.com/hybrid-and-non-linear-warfare-systematically-erases-the-divide-between-war-peace/> (accessed: 30.09.2022).
29. *Biscop S.* Hybrid Hysteria // Security Policy Brief. – 2015. – No. 64. – 4 p.
30. *Braspenning T.* Theories sociale-constructiviste de l'enlissement des guerreshybrides. URL: <http://ecpr.eu/Filestore/PaperProposal/a4191549-4914-45e9-b258-12b621a-82ef6.pdf> (accessed: 30.09.2022).
31. *Budania R.* India's national security dilemma. The Pakistan Factor and India's Policy Response // New Deli: Indus publishing company. – 2001. – 308 p.
32. *Buzan B.* Security: A New Framework for Analysis / B. Buzan, O. Wæver, J. de Wilde. – Boulder, Colo.: Lynne Rienner Pub., 1998. – P. 239.
33. *Dasgupta C.* War and Diplomacy in Kashmir, 1947–1948. – New Delhi: SAGE Publications Pvt. Ltd, 2002. – P. 256.
34. *Filipec O.* Hybrid Warfare: Between Realism, Liberalism and Constructivism // Central European Journal of Politics. – 2019. – Volume 5. – Issue 2. – Pp. 52–70.
35. *Fleming B. P.* The Hybrid Threat Concept: Contemporary War, Military Planning and the Advent of Unrestricted Operational Art // Kansas: School of Advanced Military Studies United States Army Command and General Staff College. – 2011. – P. 85.
36. *Glenn R. W.* Thoughts on Hybrid Conflict // Small Wars Journal. – 2008.
37. *Hoffman F. G.* Conflict in the 21-st Century: The Rise of Hybrid Wars. – Arlington, Virginia: Potomac Institute for Policy Studies. 2007. – 72 p.
38. Items in Peace-keeping operations – India/Pakistan. Description of events in Indian-Pakistani conflict. UN Secretariat. 1965. – 31 p. – URL: <https://search.archives.un.org/uploads/r/united-nations-archives/b/8/5/b85231aaf75139bb5d5eca8aeb57a59585b-cec6cbbf7b9593cad9b0d7275c50a/S-0863-0004-01-00001.pdf> (accessed: 30.09.2022).
39. *Jha Prem Sh.* Kashmir, 1947: Rival Versions of History. – New Delhi, 1996.

40. *Karim J.* An Analysis of Viewers' Perception Regarding Role of News Media in Promoting Peace Between Pakistan and India / J. Karim, Dr. S. Hussain // JPDC– 2019. – Vol. 3. – Issue 2. – Pp. 19–38.
41. *Khan S.* Pakistan suspends trade ties with India, asks Indian envoy to leave // DAWN. URL: <https://www.dawn.com/news/1498609/pakistan-to-downgrade-diplomatic-ties-suspend-bilateral-trade-with-india-national-security-committee> (accessed: 20.04.2022).
42. *Khan S. A. Q.* Kashmir Problem an Appraisal. In Tariq Jan and Ghulam Sarwar Ed., *Kashmir Problem: Challenge and Response* // Institute for Policy Studies. – Islamabad, 1990. – P. 67.
43. *Krolkowski H.* Indo-Pakistani «Hybrid war» for Kargil // *Politeja. Modern South Asia: A Space of Intercultural Dialogue*. – 2016. – No. 40. – Pp. 395–414.
44. *Lavoy P. L.* Asymmetric Warfare in South Asia. The Causes and Consequences of the Kargil Conflict. – Cambridge: Cambridge University Press. – 2009. – 426 p.
45. *McCuen, J.* Hybrid Wars // *Military. Review*. – 2008. – Vol. 88. – No. 2.
46. *Pattanaik S. S.* Pakistan's Kashmir Policy: Objectives and Approaches // *Strategic Analysis*. – 2002. – Vol. XXVI. – No. 2.
47. *Prasad S. N.* Operations in Jammu and Kashmir, 1947–48 / S. N. Prasad, D. Pal // *History Division. Ministry of Defence, Government of India*. – New Delhi: Thomson Press (India) Ltd, 1987. – Pp. 17–18.
48. *Williamson Murray, Peter R.* Mansoor. Hybrid Warfare: Fighting Complex Opponents from the Ancient World to the Present. – Cambridge University Press, 2012. – 334 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Заводник Софья Владимировна – канд. ист. наук, научный сотрудник Центра исследования общих проблем современного Востока, Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия

Zavodnik Sophia V. – Ph.D (History), scientific researcher of Centre for the Study of Near and Middle East Countries, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Science, Moscow, Russian Federation

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 30.09.2022. Одобрена после рецензирования: 26.10.2022.

Принята к публикации: 26.10.2022. Опубликована: 29.12.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 30.09.2022. Approved after peer reviewing: 26.10.2022.

Accepted for publication: 26.10.2022. Published: 29.12.2022.

The author has read and approved the final manuscript.

Научная статья. Политические науки
УДК 327.8 (540.11+549.1)
<https://doi.org/10.31696/2227-5568-2022-04-053-061>

НЕЛЕГАЛЬНАЯ НАРКОТОРГОВЛЯ В ПАКИСТАНО-АФГАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ (С КОНЦА XX В. ПО НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ)

Ольга Евгеньевна Митрофаненкова

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
mitrofanenkova.olga@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0076-2956>

Аннотация. В статье рассматривается роль нелегальной наркоторговли в пакистано-афганских отношениях. Автор исследует появление и развитие наркопроизводства в зоне пуштунских племен на афгано-пакистанской границе. Внимание также уделено и производству наркотиков в Пакистане в 1980-е гг. В XXI в. Пакистан входит в состав двух маршрутов афганского наркотрафика («Балканский маршрут» и «Южный маршрут»), позволяя осуществлять незаконные поставки наркотиков в страны Европы, Юго-Восточной Азии, Австралию и Океанию, а также и в страны Северной Америки.

Ключевые слова: Пакистан, Афганистан, наркотики, пакистано-афганские отношения, наркотрафик

Для цитирования: Митрофаненкова О. Е. Нелегальная наркоторговля в пакистано-афганских отношениях (с конца XX в. по настоящее время). *Восточная аналитика*. 2022;13(4):53–61. <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2022-04-053-061>

Original article. Politics studies

ILLEGAL DRUG TRADE IN PAKISTAN-AFGHAN RELATIONS (SINCE THE END OF THE 20th CENTURY — PRESENT)

Olga Mitrofanenkova

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
mitrofanenkova.olga@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0076-2956>

Abstract. The article discusses the role of illegal drug trafficking in Pakistani-Afghan relations. The author explores the emergence and development of drug production in the zone of Pashtun tribes on the Afghan-Pakistani border. Attention is also paid to drug production in Pakistan in the 1980s. In the 21st century Pakistan is a part of two Afghan drug-trafficking routes (the Balkan Route and the Southern Route), allowing illegal drug shipments to Europe, Southeast Asia, Australia and Oceania, as well as to North America.

Keywords: Pakistan, Afghanistan, drugs, Pakistani-Afghan relations, drug traffic

For citation: Mitrofanenkova O. E. Illegal drug trade in Pakistan-Afghan relations (Since the end of the 20th century — present). *Vostochnâ analitika = Eastern Analytics*. 2022;13(4):53–61. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2022-04-0053-061>.

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

Пакистан и Афганистан всегда имели тесные связи. Оба государства объединены не только близким соседством друг с другом, но также и единством народов. По обе стороны от афгано-пакистанской границы находится зона пуштунских племен. Кроме этого, Афганистан и Пакистан связаны общим историческим прошлым. Однако пути их развития разошлись в середине XIX в. Это произошло, когда бассейн реки Инд с Пенджабской равниной на севере и Синдской низменностью на юге оказался под контролем англо-индийских властей. Территория современного Пакистана вошла в состав Британской Индии. Афганистану же удалось избежать прямой колониальной зависимости. В результате этого он играл роль «буфера» между Британской Индией и российской Средней Азией¹. В период деколонизации в 1947 г. был образован независимый Пакистан (Афганистан стал независимым в 1919 г.). Поэтому отсчет современных пакистано-афганских отношений идет с середины XX в.

Тем не менее, афгано-пакистанские взаимоотношения никогда не были стабильными, и периодами между странами усиливалось напряжение. Подобные негативные изменения в отношениях Афганистана и Пакистана связаны с линией Дюранда, которая отделяет их друг от друга. Между ними периодически возникают конфликты, так или иначе связанные с границей, включающие территориальные споры и пуштунский вопрос. В результате афгано-пакистанская приграничная область является последние десятилетия зоной нестабильности, которая слабо контролируется центральной властью обоих государств. В свою очередь слабый пограничный контроль над этой территорией способствует распространению нелегальных афганских наркотиков не только по региону, но и по всему миру. Помимо этого именно этот слабо контролируемый участок стал тем местом, где зародился один из центров международного наркопроизводства («Золотой полумесяц»).

Исследование пакистанского наркопроизводства

Важно отметить, что в области производства наркотиков опиатной группы первопроходцем был Пакистан. Афганистан вступил в этот «бизнес» немного позже.

В отечественной и западной науке производство наркотиков в Пакистане практически не исследовалось. В источниках также весьма мало данных об объемах наркопроизводства и о площадях посевов опий-

¹ Белокреницкий В. Я. Афганистан – Пакистан: историческая динамика и перспективы эволюции ареала нестабильности/ Афганистан и Пакистан: современное состояние и перспективы развития. Отв. ред. М. Р. Арунова. – М., 2012. – С. 6.

ного мака. Подобная слабая изученность пакистанского наркобизнеса может быть связана с несколькими факторами. Прежде всего, сюда стоит отнести, что с 1950-х гг. по 1980-х гг. на международном уровне только происходили процессы, связанные с разработкой и принятием международного законодательства по контролю за наркотическими веществами, помимо этого отсутствовал и единый международный орган, который бы занимался мониторингом и исследованием наркотических веществ в разных странах. В период до конца 1980-х гг. в рамках ООН действовало несколько подразделений, которые занимались исследованием нелегального рынка наркотиков и проблемы наркозависимости (Комиссия по наркотическим средствам и Секретариат Международного комитета по контролю над наркотиками). В 1991 г. была образована единая структура, в рамках ООН, отвечающая за проблему нелегальных наркотиков (Программа ООН по международному контролю над наркотиками и предупреждению преступности). Позднее в 2002 г. было уже образовано Управление ООН по наркотикам и преступности (УНП ООН), которое сегодня является фактически единственной организацией в мире, имеющей возможность собирать данные о наркоситуациях во всех странах мира². Другая причина связана с тем, что на рубеже 1980–1990-х гг. в Мьянме (Бирма) произошел резкий рост производства опиатов на фоне внутреннего вооруженного конфликта. При этом практически до середины 1990-х гг. именно Мьянма являлась мировым лидером в области производства героина. В связи с этим, возможно, пакистанское наркопроизводство не привлекало повышенного внимания международного сообщества в тот период. И к последней причине наличия небольшого количества исследований пакистанского наркопроизводства стоит отнести все-таки его недолгое существование. К 2000 г. в Пакистане уже не было нелегального производства наркотиков.

Наркобизнес в Пакистане

Выше уже было отмечено, что в Пакистане начало наркопроизводства пришлось на конец 1970-х гг., дислоцировавшись в зоне пуштунских племен на границе с Афганистаном. Формирование очага нелегального производства наркотиков здесь можно связать со сложной политической ситуацией как в самой стране, так и по периметру ее границ в 70-е гг. XX в. (отделение Бангладеш, поражение в третьей индо-пакистанской войне, смена политического курса при З. А. Бхутто, военный переворот 1977 г., Саурская революция в Афганистане 1978 г., ввод

² Семьдесят лет Организации Объединенных Наций. URL: <https://www.unodc.org/unodc/frontpage/2015/un70.html> (дата обращения: 10.09.2022).

ограниченного контингента советских войск в Афганистан в 1979 г.). Расположение очагов наркопроизводства в Пакистане поблизости с афганской границей можно также связать с потоками беженцев из Афганистана, которые прибыли на фоне военных действий в своей стране. В свою очередь афганские крестьяне, занимавшиеся культивированием опийного мака у себя на родине, принесли этот вид незаконной деятельности в Пакистан. Поток беженцев из Афганистана в Пакистан на 80–85% состоял из пуштунов, главным образом выходцев из сельской местности. Несмотря на родство афганских и пакистанских пуштунов, приток беженцев способствовал сильной дестабилизации пояса племен в Пакистане. Основной причиной этому послужила конкуренция за пастбища и орошаемую землю. Это также привело к распространению криминальных видов бизнеса в Пакистане³.

В ряде источников также отмечается, что рост наркопроизводства мог быть связан с тем, что пакистанское руководство финансово поддерживало моджахедов в Афганистане по указанию американского ЦРУ⁴. При этом производство наркотиков давало возможность получать стабильный хороший доход в короткие сроки.

Впрочем, в 1970-е – 1980-е гг. в Пакистане проводилась политика исламизации. В связи с этим в 1979 г. правительство М. Зия-уль-Хака ввело запрет на производство и употребление одурманивающих веществ. По иронии судьбы в том же году в Пакистане был собран рекордный урожай опия сырка, составивший 800 т. В 1980-х гг. в стране также произошел резкий рост употребления героина среди населения. К 1983 г. около 100 тыс. человек употребляли героин на постоянной основе, тогда как в 1979 г. героиновой наркомании здесь не было. Это могло быть связано с ростом незаконного наркопроизводства в районе линии Дюранда⁵. Отсутствие политической стабильности и сложная экономическая ситуация в Пакистане способствовали не только росту наркопроизводства, но и распространению наркомании.

И. В. Жмуйда отмечает, что в 1980-е гг. Пакистан был одним из крупнейших производителей на мировом рынке нелегальных опиатов. В связи с геополитическими изменениями на Ближнем и Среднем Востоке во второй половине XX в. (революция в Иране и война в Афгани-

³ Белокреницкий В. Я. Указ. соч. С. 10.

⁴ Heads you lose. URL: <https://www.dawn.com/news/672266/heads-you-lose> (accessed: 17.09.2022). Роль ЦРУ в наркопроизводстве в Афганистане и Пакистане также упоминается в статье: Ikramul Haq Pak-Afghan Drug Trade in Historical Perspective // Asian Survey. University of California Press. – Vol. 36. – № 10. – Pp. 946–963

⁵ Opium trade and the spread of HIV in the Golden Crescent URL: <https://harmreductionjournal.biomedcentral.com/articles/10.1186/s12954-017-0170-1> (accessed: 15.08.2020).

стане) произошли сбои в традиционной системе по транспортировке и переработке наркотических веществ в районах Ирана и Афганистана, где выращивался опийный мак. К этому периоду относят и расширение сотрудничества пакистанских производителей наркотиков с международной наркомафией⁶.

В период нахождения у власти М. Зия-уль-Хака (1978–1988 гг.) многие высокопоставленные пакистанские чиновники также были вовлечены в незаконную торговлю героином⁷. Произошел не только сильный рост уровня коррупции среди чиновников и правительственных лиц, но и шел процесс криминализации государственного аппарата. В свою очередь данные процессы ослабляли власть на местах и центрального правительства, что подрывала уровень ее поддержки населением.

Попытки пакистанского правительства бороться с производством наркотиков в 1980-е гг. не приводили к успеху. И целое десятилетие Пакистан оставался производителем наркотиков опиатной группы.

В 1990-е гг. незаконное производство наркотиков в Пакистане стало стремительно снижаться и к 2000 г. практически полностью исчезло. Это было связано с действиями пакистанского руководства, осуществляемыми совместно с программами альтернативного развития, которые финансировались международным сообществом.

В 2021–2022 гг. проблема опиатных наркотиков в Пакистане заключалась в том, что его территория активно используется для афганского наркотрафика (здесь проходят Балканский и Южный маршрута наркотрафика⁸), а также в наркотизации пакистанского населения.

Афганский наркотрафик через территорию Пакистана

Пакистан с конца XX в. является важной транзитной зоной для афганских наркотиков. Через его территорию проходят два маршрута наркотрафика из Афганистана. Балканский маршрут, по которому наркотики поставляются в страны Центральной и Западной Европы, а также Южный маршрут, по которому афганские наркотики поступают в страны Юго-Восточной Азии, Австралию, Океанию и страны Северной Америки. Оба маршрута являются преимущественно морскими и активно задействуют пакистанские порты (например, порт г. Карачи). Тем не менее, часть наркотиков с территории Пакистана также перевозится самолетами в страны Европы и Северной Америки.

⁶ Жмуйда И. В. О борьбе с производством и транзитом наркотиков в Пакистане // Сборник Ближний Восток и современность. – Выпуск 24. – М., 2004. – С.185–186.

⁷ Там же.

⁸ World drug report 2022. Drug market trends: cannabis, opioids // UNODC. – Vienna, 2022. – P. 89.

Помимо этого, Пакистан играл значительную роль в поставке перкурсоров (уксусный ангидрит) для производства героина в Афганистан и оставался весьма долго единственным поставщиком. Из-за доступности уксусного ангидрита в Пакистане длительное время небольшие переносные нарколаборатории, где происходило производство героина, находились непосредственно на пакистанской территории близ афгано-пакистанской границы⁹. К середине 1990-х гг. талибам удалось наладить постоянные поставки уксусного ангидрита в Афганистане, что дало возможность производить конечный продукт (героин) на талибской территории. В середине 1990-х гг. в области наркопроизводства лидирующие позиции стал занимать Афганистан, тогда как за Пакистаном закрепились роль важного участка наркотрафика, а также поставщика реагентов.

Согласно оценкам Управления ООН по наркотикам и преступности (далее УНП ООН), Пакистан является зоной транзита и сбыта примерно для 40% всех афганских опиатов¹⁰. В свою очередь это негативно сказывается на жизни местного населения.

В отчетах УНП ООН за 2013 г. отмечается, что примерно 1% (1,06 млн человек) населения в Пакистане являются потребителями героина и опиума на постоянной основе. Наибольший процент потребителей опиатов (1,6% от местного населения) находится в Белуджистане¹¹. По последним данным в 2020–2021 гг. в Пакистане количество наркозависимых может достигать 9 млн человек¹². Тем не менее, точная статистика из авторитетного источника отсутствует. Но несмотря на это все равно отмечается рост потребления наркотиков местным населением. Что может говорить как об увеличении объемов наркотрафика через территорию Пакистана, так и о наличии внутренних проблем, способствующих распространению наркотиков.

Помимо исторического и географического контекста, связанного с близостью с Афганистаном, на рост употребления наркотиков в Пакистане влияют и другие факторы. Социально-экономические, демографические и психологические аспекты также влияют на рост потребления наркотиков в стране. Экономические проблемы сыграли не последнюю роль в распространении наркомании среди пакистанцев.

Например, высокий уровень безработицы в стране может способствовать распространению как наркомании среди местного населения,

⁹ Country profile. Pakistan // UNODC. URL: <https://www.unodc.org/pakistan/en/country-profile.html> (accessed: 15.06.2019).

¹⁰ Ibid.

¹¹ Drug use in Pakistan // UNODC. – Vienna, 2013. – P. 6–7.

¹² World drug day 2022. Karim Khan Afridi Welfare Foundation. URL: <https://www.kkawf.org/wdd2022/> (accessed: 7.10.2022).

так и криминальных видов деятельности (в том числе и незаконной торговли наркотиками).

Уровень безработицы среди населения Пакистана составлял 4,3% в 2020 г., что не является высоким показателем. Однако уровень безработицы среди молодежи равен 9,4%, что является высоким показателем. Помимо этого последние годы отмечается тенденция к незначительному росту уровня безработицы¹³. Важно отметить, что в Пакистане существует также и скрытая безработица, которая не всегда отражена официальной статистикой. Это может говорить о том, что реальные показатели безработицы намного выше, чем официальные показатели.

На весьма высоком уровне также находится коррупция в Пакистане. Согласно данным за 2021 г. Пакистан находится на 140 месте в мире по уровню коррупции из 180 стран. Хотя в 2017 г. он был на 117 месте¹⁴. Из этого видно, что проблема коррупции за последние годы усугубилась. Высокий уровень коррупции часто связан с криминальными видами деятельности, к которым относится и наркобизнес. При этом можно наблюдать обратное влияние коррупции на криминальные виды деятельности. Чем выше уровень коррупции тем проще наркоторговцам не только распространять свой товар в больших объемах в стране, но также и осуществлять его дальнейший экспорт в другие регионы мира.

Политика Пакистана по борьбе с распространением наркотиков

Проблемы, связанные с распространением наркотиков в Пакистане заставляют правительство предпринимать всесторонние меры, направленные на борьбу с наркоторафиком и с потреблением наркотиков.

Пакистан ратифицировал все международные Конвенции ООН по контролю над наркотиками и включил все международные обязательства в данной области в свое законодательство.

Антинаркотическая политика Пакистана базируется на трех пунктах: сокращение объемов незаконной контрабанды (наркотики и прекурсоры), сокращение спроса на наркотики, международное сотрудничество¹⁵.

Усилия Пакистана по борьбе с наркотиками возглавляют антинаркотические силы. Они организованы в пять региональных управлений со штаб-квартирой в Равалпинди. Они отвечают за сбор разведывательных

¹³ Pakistan youth unemployment rate 1991–2022. URL: <https://www.macrotrends.net/countries/PAK/pakistan/youth-unemployment-rate> (accessed: 17.08.2021).

¹⁴ Pakistan corruption rank. URL: <https://tradingeconomics.com/pakistan/corruption-rank> (accessed: 19.08.2022).

¹⁵ Белокреницкий В. Я. Указ. соч. С. 20.

данных, аресты, изъятия наркотиков, а также за расследования и судебные преследования нарушителей. Антинаркотические силы способствуют сокращению предложения с помощью перехвата контрабанды наркотиков, обеспечивают строгий контроль над прекурсорами. Для сокращения спроса на наркотики и лекарственные препараты наркотического действия проводится профилактическое просвещение населения о наркотиках. Осуществляет лечение и реабилитацию наркозависимых. В Кветте, Исламабаде и Карачи находятся центры по лечению наркозависимости¹⁶.

Кроме этого – также осуществляется контроль над безопасностью в аэропортах, в прибрежной зоне, проводится усиление служб пограничного и таможенного контроля и т. д.

Пакистан стал важным центром в распространении афганских наркотиков, а также главным контрабандным экспортером в Южной Азии. Проблема наркотрафика, которая встала перед пакистанским руководством, не может быть решена только запретительными мерами, а также и силовыми методами борьбы с их контрабандой. Данные меры становятся малоэффективными без проведения социальной политики и применения мер по реабилитации наркозависимых, а также мер по дальнейшей их интеграции в социум. Как отмечал О. В. Плешов, решение проблем, связанных с наркобизнесом, требует целого комплекса мероприятий. Кроме этого необходимо также и осуществлять борьбу с преступными группировками и коррупцией¹⁷.

Пакистанские правительства, сменявшие друг друга, признавали, что ситуация с производством и контрабандой наркотиков выходит из-под контроля, поскольку спрос на наркотики внутри страны, так и со стороны потребителей за границей постоянно растет¹⁸. Для решения этой проблемы требовалось не только усиление мер внутри Пакистана, но также поддержка и активное сотрудничество со стороны стран конечных потребителей афганских наркотиков (страны Европы, Северной Америки, Австралии, Океании и т. д.).

Можно выделить два основных фактора, которые затрудняют борьбу с наркотиками в Пакистане:

1) практически неохраняемая (в связи с особенностями горного рельефа) граница с Афганистаном;

2) наличие протяженного и малонаселенного Макранского побережья, облегчающего для контрабандистов выход в Аравийское море¹⁹.

¹⁶ Там же. С. 21.

¹⁷ Плешов О. В. Ислам и политическая культура в Пакистане. М., 2005. С. 176.

¹⁸ Там же. С. 177.

¹⁹ Там же.

В результате государственные структуры, которые пытаются закрыть доступ в страну для наркотиков и воспрепятствовать их распространению в другие регионы мира, весьма часто терпят неудачу.

В Пакистане сохраняется смертная казнь за преступления, связанные с наркотиками. Стоит отметить, что приговариваются к смертной казни в основном мелкие наркоторговцы, потребители наркотиков и т. д. Люди, которых легко заменить в наркотической цепочке. При этом крупные наркоторговцы и наркобароны остаются безнаказанными²⁰.

Проблемы в области борьбы с наркотиками в Пакистане связаны с политической нестабильностью, с комплексом социальных и экономических проблем.

Последние десятилетия территория Пакистана является важным участком для Южного и Балканского маршрутов афганского наркотрафика. Афганский наркобизнес представляет значимую угрозу для Пакистана. Маловероятно, что в ближайшие годы удастся решить проблему афганского наркотрафика через территорию Пакистана.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Митрофаненкова Ольга Евгеньевна – млад. науч. сотрудник, Институт востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия

Mitrofanenkova Olga E. – junior scientific researcher, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Science, Moscow, Russian Federation

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 12.10.2022. Одобрена после рецензирования: 26.10.2022.

Принята к публикации: 26.10.2022. Опубликовано: 29.12.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 12.10.2022. Approved after peer reviewing: 26.10.2022.

Accepted for publication: 26.10.2022. Published: 29.12.2022.

The author has read and approved the final manuscript.

²⁰ Foa M. Pakistan's drug crisis in numbers. URL: <http://foreignpolicy.com/2015/09/01/pakistans-drug-crisis-in-numbers/> (accessed: 13.04.2020)

Научная статья. Политические науки
УДК 327 (470+571)+(581)
<https://doi.org/10.31696/2227-5568-2022-04-062-075>

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ В АФГАНИСТАНЕ ПОСЛЕ ВОЕННОГО ПЕРЕВОРОТА 2021 Г. СТРАТЕГИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ КАК ИМПЕРАТИВ

Арег Арменович Петросян

МГИМО МИД РФ, Москва, Россия,
areg123456789@mail.ru

Аннотация. После военного переворота в Афганистане в 2021 г. появилась необходимость по-новому взглянуть на его геополитическое значение. В этом контексте для России существует императив построения взаимовыгодных и стабильных отношений с новыми властями Кабула, учитывая не только стратегическое значение Афганистана в архитектуре безопасности Москвы (в основном связанное со Средней Азией и угрозой терроризма), но и, на фоне неудавшихся попыток США стабилизировать Афганистан, учитывая возможность посредством сотрудничества с новым афганским правительством добиться долгосрочного мира в стране и в регионе. Добившись этого, Россия обеспечит безопасность своих союзников и партнеров в Средней Азии и минимизирует угрозы региональной безопасности и региональным интересам России.

Ключевые слова: Афганистан после военного переворота 2021 г., стратегическая стабильность, правительство талибов, внешняя политика России

Для цитирования: Петросян А. А. Внешняя политика России в Афганистане после военного переворота 2021 г. Стратегическая стабильность как императив. *Восточная аналитика*. 2022;13(4):62–75. <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2022-04-062-075>

Original article. Politics studies

RUSSIAN FOREIGN POLICY IN AFGHANISTAN AFTER THE MILITARY COUP OF 2021. STRATEGIC STABILITY AS AN IMPERATIVE

Areg Petrosyan

MGIMO University, Moscow, Russia,
areg123456789@mail.ru

Abstract. After the military coup in Afghanistan in 2021 there was a need to look anew at the geopolitical significance of the region. In this context, there is an imperative for Russia to build mutually beneficial and stable relations with the new Kabul authorities, given the strategic importance of Afghanistan in Moscow's security architecture (mainly related to Central Asia and threat of terrorism). Besides, the opportunity emerged, against the backdrop of failed US attempts to establish peace in Afghanistan, to achieve long-term stability in Afghanistan and overall, the region through cooperation with the new Afghan government. Having achieved this, Russia will ensure the security of its allies and partners in Central Asia and minimize threats to regional security and regional interests of her.

This work is licensed under a Creative Commons
Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

Keywords: Afghanistan, strategic stability, Taliban government, foreign policy of Russia

For citation: Petrosyan A. A. Russian foreign policy in Afghanistan after the military coup of 2021. Strategic stability as an imperative. *Vostochnââ analitika* = *Eastern Analytics*. 2022;13(4):62–75. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2022-04-062-075>.

Введение

Сегодня стратегическая стабильность¹ является одним из ключевых понятий в определении международной стабильности и региональной безопасности. Военный переворот в Афганистане в 2021 г. поставил ряд задач перед международным сообществом в деле понимания и достижения вышеотмеченного. Данное понятие было разработано в период Холодной войны и преимущественно касалось проблем разработки ядерного оружия, ядерного сдерживания, возможности нанесения превентивного первого внезапного ядерного удара. Как и все научные концепции, пережив этапы развития и дойдя до второй декады XXI века, трактовка и понимание понятия СС вышло за рамки сугубо «ядерной плоскости». Такие нетрадиционные вызовы международной безопасности как международный терроризм и трансграничная преступность, кибертерроризм и прокси войны (на примере Сирии) вошли в перечень основных вызовов стратегической стабильности мира. Афганистан сегодня является турбулентной точкой в геополитической карте мира, где на протяжении десятилетий новые виды (выше отмеченные) угрозы международной безопасности и стратегической стабильности имели место быть. Ввиду того, что в научной литературе данное понятие охватывает в основном ядерную проблематику, появляется необходимость по-новому взглянуть на нее. Ставится цель провести ретроспективный анализ становления концепции СС, и методом кейс-стади применить ее на примере сегодняшнего Афганистана. Последняя является стратегически важным регионом для мировых игроков, в частности для России в деле обеспечения региональной безопасности и безопасности своих границ со Средней Азией.

1. Становление, развитие и модернизация понятия стратегической стабильности

В период Холодной войны конфронтация двух сверхдержав – СССР и США – в ядерной сфере была чревата непредсказуемыми последствиями для всего мирового сообщества. В этом свете нужна была концепция,

¹ Далее СС.

которая могла бы анализировать ядерную проблематику и предложить варианты избегания ядерной катастрофы.

Дж. Килиан, президент Массачусетского технологического института, в своем отчете 1955 г. президенту Д. Эйзенхауэру под названием «Навстречу угрозе неожиданного нападения» подчеркивал уязвимость США в вопросе неожиданного нападения СССР². В своей статье «Деликатный баланс страха» 1959 г., изданной в «*Foreign Affairs*», А. Волстеттер говорил, что просто сопоставить или превзойти размеры Советского ядерного арсенала было достаточно для сдерживания, однако реальная проблема заключалась в способности пережить ядерную атаку и нанести ответный удар. Он также подчеркивал проблему уязвимости в период, когда США пытались создать более «живучие» вооруженные силы³. В отчете Р. Гейтера Д. Эйзенхауэру говорилось уже о контроле над вооружениями и их сокращении⁴. Эти три работы легли в основу понятия, которое в будущем будет называться «стратегическая стабильность».

СС – динамичный феномен, сосредоточенный на взаимодействии и стимулах двух (или более) сторон. Если США сочли бы в качестве логичного ответа к своей уязвимости запустить ядерные силы при предупреждении о нападении противника (т. е. Советского Союза), то же самое предпринял бы СССР. М. Жерсон говорил о «**зеркальном отображении видов**» – предполагающем, что Советский Союз будет иметь те же стимулы, что и США в аналогичных ситуациях⁵.

СССР и США впервые пришли к более или менее общему пониманию термина СС в период заключения СНВ-I⁶: «Стратегическая стабильность определяется как отношения, устраняющие стимулы для нанесения первого ядерного удара»⁷.

Одним из первых исследователей, который пытался ввести данный термин в научный оборот, был Э. Уорнер. Он считал, что:

- наиболее узко СС описывает отсутствие стимулов для применения ядерного оружия в первую очередь (кризисная стабильность)

² Report by the Technological Capabilities Panel of the Science Advisory Committee: Meeting the Threat of Surprise Attack // FRUS. 1955–57. Vol. 19. Pp. 42–43.

³ Wohlstetter A. The Delicate Balance of Terror // *Foreign Affairs*. 1959. Vol. 37. Pp. 211–212

⁴ Report to the President by the Security Resources Panel of the ODM Science Advisory Committee on Deterrence and Survival in the Nuclear Age // FRUS. 1957. Vol. 19. Pp. 651–653.

⁵ Gerson M. S. The Origins of Strategic Stability // Strategic Studies Institute, US Army War College. 2013. Pp. 26–27.

⁶ Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений от 1990 г.

⁷ Государственный визит президента СССР М. С. Горбачева в Соединенные Штаты Америки, 30 мая – 4 июня 1990 года. Документы и материалы. М.: Политиздат, 1990. С. 335.

и отсутствие стимулов для наращивания ядерной силы (стабильность гонки вооружений);

- в более широком смысле – отсутствие вооруженного конфликта между государствами, обладающими ядерным оружием;
- наиболее широко СС описывает региональную или глобальную среду безопасности, в которой государства живут в мирных и гармоничных отношениях⁸.

В период холодной войны широкая трактовка понятия СС зиждилась на конкретных примерах. В рамках заседания Совбеза ООН 5 января 1980 г. в Нью-Йорке представитель советской делегации О. А. Троянский, исходя из просьбы, озвученной 14 раз⁹ правительством Афганистана в лице Н. Тараки и Х. Амина, о предоставлении военной помощи, основывавшейся на советско-афганском договоре о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве от 5 декабря 1978 г., заявил о решении Советского Союза удовлетворить ее полностью согласно праву государств на индивидуальную или коллективную оборону, зафиксированному в Уставе ООН¹⁰. Решение о введении ОКСВ¹¹ в Афганистан, помимо укрепления власти легитимного главы государства Х. Амина, было призвано также обеспечить безопасность советских мусульманских республик и защитить их от надвигавшейся угрозы исламского фундаментализма и терроризма. ООН в итоге осудила введение ОКСВ в Афганистан в связи с отсутствием официального обращения. Данную операцию, при проведении параллели, можно сравнить с российско-американской международной кампанией по борьбе с международным терроризмом в результате событий 9/11¹². Однако в 1980-х гг., ввиду геополитического противостояния между СССР и США, афганская кампания оставалась предметом разночтений.

Кризис в советско-американских отношениях усложнялся и ядерной проблематикой. Т. Шеллинг заметил, что в условиях кризиса страх быть подвергнутым упрежденному удару сам по себе мог создать давление на то, чтобы предпринять упреждающий удар. Поскольку ядерное

⁸ Warner E. L. Remarks on "How is Deterrence and Stability Enhanced/Diminished by Arms Control Beyond New Start?" 2011 United States Strategic Command Deterrence Symposium. Omaha, NE. August 3–4, 2011. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=sVwlhZx9sA4> (Timecode: 52:25–1:10:05).

⁹ Гусева Ю., Христофоров В. Военная стратегия Советского Союза в Афганистане: просчет планирования и общественное неприятие. Московский городской педагогический университет. Самарский филиал. Самара, Россия // Problema voluminis. No 2. 2020. С 390.

¹⁰ См.: Черемисова Э. А. Ввод Советских войск в Афганистан: политический ход СССР или стратегия США в контексте холодной войны? // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2012. Сер. 9. Вып. 4. С. 124.

¹¹ Ограниченный контингент советских войск в Афганистане.

¹² Черемисова Э. А. Указ. соч. С. 126.

оружие одной стороны может уничтожить оружие противника, возможно, есть реальные преимущества при нанесении первого ядерного удара. В результате два государства могут оказаться на грани войны, потому что одно государство решило, что **риск нанесения удара первым** перевешивает **риск ожидания удара**. Подытожив, он говорит, что оружие и военные организации вряд ли могут считаться исключительно определяющими факторами в международных конфликтах, но и они не могут считаться **нейтральными**¹³. «Стратегия касается не только разделения выгод и потерь между двумя заявителями, но и возможностей, когда конкретные результаты хуже (лучше), чем некоторые другие результаты для обеих сторон... Международные конфликты – это не «**игры с постоянной суммой**», а «**игры с переменной суммой**». Как покажет время, именно афганская кампания СССР, направленная, в первую очередь, на стабилизацию Афганистана и не получившая международной поддержки, станет только началом многолетней дестабилизации как в самом государстве Афганистан, так и в регионе в целом.

Существует общий интерес в достижении результатов, которые взаимовыгодны»¹⁴. В связи с большим охватом и неопределенностью того, что подразумевается под СС, Дж. Актон предложил заменить СС на «**сдерживающую стабильность**», чтобы она соответствовала общему смыслу ядерной политики¹⁵. К. Грей и Д. Уолтон внесли свои коррективы в СС. Ранние подходы они называли **ориентированными на оружие и архаичными**. Приведя пример Вестфальского мира, Первой мировой войны и сегодняшнюю многополярность, они утверждали, что СС выходит за рамки сугубо военной составляющей и учитывает политический контекст, технологическое развитие, эмоциональную природу человека, внутрисоциальное положение государства и в целом – положение мирового сообщества¹⁶.

В российской действительности подход к традиционному пониманию СС сохранился (читай – ядерное оружие как краеугольный камень в понимании СС. – *А.П.*). Переходя в практическую плоскость, это касается таких договоров, как СНВ и ликвидация РСМД¹⁷, которые влияют

¹³ Schelling T. C. *Arms and Influence*. New Haven. CT: Yale University Press, 1966. P. 234.

¹⁴ Schelling T. C. *The Strategy of Conflict: I. Elements of a Theory of Strategy: 1. The Retarded Science of International Strategy*. MA: Harvard University, 1960 & 1980. P. 5.

¹⁵ Acton J. M. *Reclaiming Strategic Stability*. From the book "Strategic Stability: Contending Interpretations" // Strategic Studies Institute. 2013. P. 138.

¹⁶ Walton C. D., Gray C. S. *The Geopolitics of Strategic Stability: Looking Beyond Cold Warriors and Nuclear Weapons*. From the book "Strategic Stability: Contending Interpretations" // Strategic Studies Institute. 2013. Pp. 85, 94–95, 109–111.

¹⁷ Договор о сокращении ракет средней и малой дальности от 1988 г. Прекратил действие в 2019 г.

на сегодняшнюю стратегическую стабильность¹⁸. Новые коррективы в понимание СС вводят кибертехнологии и искусственный интеллект¹⁹ и также экстремистские и террористические группировки, которые претендуют на приобретение ядерного оружия^{20,21}. Подчеркивается, что вовлеченность государства, обладающего ядерным оружием, в военный конфликт и влияние просто вооруженных конфликтов может подтолкнуть к ядерному конфликту²². Параллельно в российских доктринах 2010²³, 2014²⁴ и 2021²⁵ гг., наряду с необходимостью предотвратить возможный ядерный конфликт, отмечается необходимость создать и укрепить региональную безопасность, что обеспечит международную безопасность (следовательно, СС. – А.П.). То есть цепочка «региональная-международная-глобальная стабильность» сегодня крайне очевидна. Афганистан после военного переворота 2021 г. является одним из примеров того, насколько сегодня концепция СС аморфна, и вспышка в одном регионе может привести к цепной реакции и – как итог – к глобальной дестабилизации.

СНВ I от 1991 г. (окончание действия – 2009 г.), СНВ II от 1993 г. (США вышли в 2002 г., Россия вышла в качестве ответной меры) и СНВ III от 2010 г., подписанные между Россией и США, являются лишь кусочками пазла в общей мозаике концепции СС, тогда как многополярность мира диктует новые условия для миропорядка, и, следовательно, появляются вызовы, подталкивающие к *ре-дефиниции* понятия СС. Подытожив, можно сказать, что стратегическая стабильность – это динамично развивающийся феномен, который, в зависимости от вызовов мировому сообществу, геополитических, геостратегических интересов крупных мировых и региональных держав, наполняется новым содержанием.

¹⁸ Дворкин В. Стратегическая стабильность: сохранить или разрушить? // Московский центр Карнеги. 2018.

¹⁹ Ромашкина Н. Стратегическая стабильность: новые вызовы инфосферы // Российский совет по международным делам. 2017.

²⁰ Тренин Д. Стратегическая стабильность в XXI веке. Как ее сохранить? // Московский центр Карнеги. 2018.

²¹ Арбатов А., Дворкин В. Стратегическая стабильность до и после холодной войны // Мировая экономика и международные отношения. 2011. № 3. С. 10.

²² Кокошин А. А. Стратегическая стабильность в условиях критического обострения международной обстановки // Полис. Политические исследования. 2018. № 4. С. 18–19.

²³ Военная доктрина Российской Федерации от 2010. URL: www.kremlin.ru/supplement/461 (дата обращения: 12.05.2022).

²⁴ Военная доктрина Российской Федерации от 2014. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420246589> (дата обращения: 12.05.2022).

²⁵ Военная доктрина Российской Федерации от 2021. URL: static.kremlin.ru/media/events/files/41d527556bec8deb3530.pdf (дата обращения: 12.05.2022).

II. Афганистан после военного переворота 2021 г. во внешней политике России сквозь призму стратегической стабильности

Прежде чем обратиться к нынешнему этапу развития отношений Кабула с Москвой, следует рассмотреть период реактуализации внешней политики России в отношении Афганистана. Отправной точкой был 2014 г., когда в массовом порядке начался вывод войск США и НАТО из Афганистана. С одной стороны, это бросало новые вызовы – с постепенным выводом войск США и НАТО назревала нестабильность на южном фланге России, а с другой – появилась возможность переоценить роль России как доминирующего геополитического игрока в отношении Афганистана²⁶. Существуют две основные проблемы, угрожающие национальной безопасности РФ, которые исходят из Афганистана. Это **возможная радикализация Средней Азии** (как это было в период существования Исламского Эмирата Афганистана, когда талибы поддерживали повстанческую деятельность среднеазиатских исламистов и предоставляли тренировочные лагеря чеченским боевикам)²⁷. Несмотря на заверения нынешних властей талибов о том, что границы среднеазиатских государств нарушаться не будут²⁸, следует вспомнить, что в период существования Исламского Эмирата Афганистан талибы предъявляли территориальные претензии среднеазиатским государствам, вплоть до узбекских Бахара и Самарканд. Эмират был первым и единственным государством, признавшим независимость Чечни (Ичкерии) в 1990 г.²⁹ Второй основной проблемой является **незаконный оборот наркотиков**. Россия превратилась из транзитного пункта наркотрафика в крупного потребителя афганского героина³⁰. 21% процент афганского героина течет в Россию³¹. 80% производства опиума в мире в 2020 г. приходилось на Афганистан³².

Резолюция № 2593 ООН по Афганистану, принятая летом 2021 г. (голосование проходило 30 августа; Россия и Китай не поддержали дан-

²⁶ Lewis D. G. Return to Kabul? Russian Policy in Afghanistan // George C. Marshall European Center For Security Studies. No 60. 2020. P. 3.

²⁷ Trenin D., Malashenko A. Afghanistan. A view from Moscow // Carnegie Endowment For International Peace. 2010. Pp. 13–14.

²⁸ Мансур А. Л. Зачем в Москву приезжала делегация запрещенного в России «Талибана» // Новости РБК. 2021. URL: <https://www.rbc.ru/politics/09/07/2021/60e82fc69a7947693f4f9c91> (дата обращения: 12.05.2022).

²⁹ Картунов А. Решение проблемы Афганистана: необходимые условия и международные последствия // Российский совет по международным делам. 2021, № 76. С. 18.

³⁰ Trenin D., Malashenko A. Ibid. P. 14.

³¹ Федяшин А. Россия-НАТО: два подхода к одному опиуму // РИА Новости. 2021. URL: <https://ria.ru/20100325/216337803.html> (дата обращения: 12.05.2022).

³² УНП ООН: производство опиума в Афганистане увеличилось на 8 процентов // Новости ООН. Глобальный взгляд Человеческой судьбы. 2021. URL: <https://news.un.org/ru/story/2021/11/1413952> (дата обращения: 12.05.2022).

ный документ), выявила серьезные противоречия в Совбезе ООН, в частности между коллективным Западом и Россией³³. Итоговая резолюция не внесла в параграф про терроризм организации ИГИЛ и «Исламское движение Восточного Туркестана»^{34, 35}. Первое поныне представляет реальную угрозу для Афганистана (например – взрыв в шиитской мечети в Кундузе³⁶ и взрыв в афганской провинции Кандагар³⁷, ответственность за которые взяло ИГИЛ). Вывод войск США и НАТО оставил вакуум в военной и политической сфере для правительства Кабула. В частности, речь идет о возможной активизации т. н. отделения ИГИЛ – «Вилаята Хорасана» и также сетей Аль-Каиды³⁸, которые, несмотря на заявления правительства талибов о недопущении выращивания опиумного мака³⁹, вероятно, будут финансировать свою деятельность с помощью торговли наркотиками⁴⁰.

После военного переворота 2021 г. в Афганистане Москва обеспечивает стратегическую стабильность в регионе с помощью учений ОДКБ. В 2021 г. были проведены совместная контртеррористическая операция в Кыргызстане под названием «Рубеж-2021»⁴¹ и в 20 км от таджикско-афганской границы, в рамках «Взаимодействие-2021» и специальных учений «Поиск-2021», «Эшелон-2021», операция по локализации приграничного вооруженного конфликта, связанного с попытками проникновения на территорию государства-члена ОДКБ⁴². «Россия продолжит

³³ Гуца С. Совет Безопасности ООН принял резолюцию по Афганистану // *Немецкая волна* (Deutsche Welle, DW). 2021.

³⁴ Комментарий официального представителя МИД России М. В. Захаровой в связи с принятием резолюции Совета Безопасности ООН по Афганистану. URL: https://archive.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/ckNonkJE02Bw/content/id/4849282?utm_ (дата обращения: 12.05.2022).

³⁵ ИГИЛ и ИДВТ запрещены в РФ.

³⁶ В шиитской мечети на севере Афганистана прогремел взрыв // *РИА Новости*. 2020. URL: <https://ria.ru/20211008/afghanistan-1753660495.html> (дата обращения: 12.05.2022).

³⁷ При взрыве в мечети в Кандагаре погибли 32 человека, сообщил источник // *РИА Новости*. 2020. URL: <https://ria.ru/20211015/vzryv-1754718927.html> (дата обращения: 12.05.2022).

³⁸ Обе организации запрещены в РФ.

³⁹ *Rasmussen S. E., S. Z., Marson J.* Taliban Move to Ban Opium Production in Afghanistan // *The Wall Street Journal*. 2021. URL: <https://www.wsj.com/articles/taliban-afghanistan-heroin-ban-opium-production-11630181316> (дата обращения: 12.05.2022).

⁴⁰ *Taieb R., Rizwan A., Jami M.* A Road Untraveled. Reluctant Reentrance? Russia and Afghanistan post 2021 // *The Institute of War and Peace Studies*. P. 4.

⁴¹ КСБР ЦАР в ходе активной фазы учения «Рубеж-2021» в Кыргызстане провели совместную контртеррористическую операцию // ОДКБ. 2021. URL: <https://odkb-csto.org/training/rubezh/ksbr-tsar-v-khode-aktivnoy-fazy-ucheniya-rubezh-20212-v-kyrgyzstane-proveli-sovmestnuyu-kontrterrori/#loaded> (дата обращения: 12.05.2022).

⁴² В Таджикистане состоялся заключительный этап совместного учения «Взаимодействие-2021» и специальных учений «Поиск-2021», «Эшелон-2021» // ОДКБ. 2021. URL: https://odkb-csto.org/news/news_odkb/v-tadjikistane-sostoyalsya-zaklyuchitelnyy-etap-sovmestnogo-ucheniya-vzaimodeystvie-2021-i-spetsial/#loaded (дата обращения: 12.05.2022).

совмещать свою размеренную деятельность по обеспечению безопасности в Центральной Азии с сохранением удаленности от вооруженного конфликта в Афганистане»⁴³. Аналогичные учения были организованы и в 2022 г.⁴⁴

Для Москвы вывод сил НАТО и США определялся дихотомией. С одной стороны, присутствие сил Коллективного Запада в Афганистане представляло угрозу региональным интересам России (читай – в общей конфронтации Запад-Россия. – А.П.), но с другой – поспешный вывод войск мог бы дестабилизировать регион⁴⁵. Чтобы не допустить этого, сегодня основной задачей для всего мирового сообщества должно быть избежание **гуманитарной катастрофы**. Иностранная помощь сегодня составляет около 42,9% ВВП Афганистана и около 75% его национального бюджета⁴⁶. На международной конференции доноров, проходившей в Женеве в 2021 г., удалось собрать \$1,2 млрд для гумпомощи Кабулу⁴⁷. На этом фоне около \$9,5 млрд Центробанк Афганистана блокированы на счетах в США⁴⁸, и Международный Валютный Фонд заблокировал сумму в \$460 млн в виде резервных средств, предназначенных для него⁴⁹, в то время, когда страна остро нуждается в такой помощи. Россия предоставила 100 тонн гуманитарной помощи в ноябре 2021 г.⁵⁰, 3 самолета с 36 тоннами в декабре 2021 г.⁵¹ и 24 тонны медикаментов и предметов первой необходимости в июле 2022 г.⁵² Это очередной шаг на пути

⁴³ Stepanova E. Russia's Afghan Policy In The Regional and Russia-West Contexts // French Institute of International Relations (IFRI). Report No 23. 2018. P. 47.

⁴⁴ Учения «Взаимодействие-2021», «Поиск-2022» и «Эшелон-2022» // ОДКБ. URL: <https://odkb-csto.org/training/trainings2022/> (дата обращения: 12.05.2022).

⁴⁵ Sharan T., Watkins A. Meeting in the Middle? Russia, Afghanistan, and Europe // Friedrich-Ebert-Stiftung. 2020. P. 3.

⁴⁶ Химишашвили П. «Большая двадцатка» решила не признавать режим талибов в Афганистане // РБК Новости. 2021. URL: <https://www.rbc.ru/politics/12/10/2021/616572669a794723129590f8> (дата обращения: 12.05.2022).

⁴⁷ Keaten J., Lederer E. M. Donors pledge \$1.2 billion in emergency funds for Afghans // AP News. 2021. URL: <https://apnews.com/article/europe-afghanistan-geneva-united-nations-taliban-e719ed118ce0bdc4fe31aeb1bf3d8047> (дата обращения: 12.05.2022).

⁴⁸ Mohsin S. U. S. Freezes Nearly \$9.5 Billion Afghanistan Central Bank Assets // Bloomberg. 2021. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-08-17/u-s-freezes-nearly-9-5-billion-afghanistan-central-bank-assets> (дата обращения: 12.05.2022).

⁴⁹ Rappeport A. The I. M.F. says it will block Afghanistan from getting \$460 million in reserve funds // The New York Times. 2021. URL: <https://www.nytimes.com/2021/08/18/business/taliban-imf.html> (дата обращения: 12.05.2022).

⁵⁰ Первая партия гуманитарной помощи из РФ прибыла в Афганистан. 2021. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/12957417> (дата обращения: 12.05.2022).

⁵¹ Россия отправила гуманитарную помощь в Афганистан. 2021. URL: <https://lenta.ru/news/2021/12/18/gumanitarka/> (дата обращения: 12.05.2022).

⁵² Россия отправила 24 тонны гуманитарной помощи в Афганистан. 2022. URL: <https://ria.ru/20220720/gumpromosch-1803881402.html> (дата обращения: 12.05.2022).

обеспечения стратегической стабильности в регионе. Политика на гуманитарном треке – это одна из составляющих внешней политики России в Афганистане после военного переворота 2021 г. Для сравнения, совокупная экономическая и гуманитарная помощь ЕС Афганистану вдвойне превышает объемы США⁵³.

Другим направлением внешней политики РФ является вопрос **признания нынешних властей** Афганистана. Москва пока не спешит признавать легитимность нынешних властей и придерживается позиции создания инклюзивного коалиционного правительства⁵⁴. Параллельно гипотетическое возобновление «опиумной политики» нынешними властями в Афганистане, вероятность новой вспышки джихадистского движения на Северном Кавказе и в других мусульманских частях России, поддержка радикализации среди недовольных местных жителей вкупе с возможным проникновением различных ультраисламистских группировок в соседние Узбекистан, Таджикистан и Туркменистан создадут новые угрозы как для региональных, так и для национальных интересов России⁵⁵. Значительное влияние будут играть в регионе такие государства, как Китай и Пакистан. В ближайшем будущем вряд ли произойдет активизация контактов талибов⁵⁶ с Западом (в частности, с США). Россия должна вести осторожную политику с нынешними властями Афганистана и предпринять необходимые шаги для обеспечения региональной и стратегической стабильности в Средней Азии и в Афганистане.

Заключение

Резюмируя все вышесказанное, можно утверждать, что Афганистан сегодня находится на новом этапе своего развития, который как чреват непредсказуемыми последствиями, так и открывает новые возможности для России, чтобы усилить свои позиции в регионе Южной Азии. Москва выступает в качестве одной из ключевых фигур для обеспечения мира и стабильности в Средней Азии как с помощью ОДКБ, так и на основе двустороннего диалога со странами региона. Внешняя политика России сквозь призму стратегической стабильности в отношении Афганистана

⁵³ Bildt C. Afghanistan: How it could have been different // European Council on Foreign Relations. 2021. UR: https://ecfr.eu/article/afghanistan-how-it-could-have-been-different/?utm_source=newsletter&utm_ (дата обращения: 12.05.2022).

⁵⁴ МИД России: Пока вопрос о признании новых властей Афганистана не стоит. 2021. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2021/09/02/mid-rossii-poka-vopros-o-priznanii-novyh-vlastey-afganistana-ne-stoit> (дата обращения: 12.05.2022).

⁵⁵ Bugajski J. What the Taliban's restoration means for Moscow // Washington Examiner. 2021. URL: <https://www.washingtonexaminer.com/opinion/what-the-talibans-restoration-means-for-moscow> (дата обращения: 12.05.2022).

⁵⁶ Террористическая организация, запрещенная в РФ.

в нынешний период базируется на триптихе: обеспечение безопасности близлежащих границ (границы с Средней Азией как ближний рубеж) посредством ОДКБ, предоставление гумпомощи Афганистану и проведение осторожной дипломатической работы по вопросу установления двусторонних отношений, признания и легитимации отношений с нынешними властями Кабула, что займет немало времени.

Литература / References

1. *Acton J. M.* Reclaiming Strategic Stability. From the book "Strategic Stability: Contending Interpretations" // Strategic Studies Institute.
2. *Bildt C.* Afghanistan: How it could have been different // European Council on Foreign Relations. 2021. URL: https://ecfr.eu/article/afghanistan-how-it-could-have-been-different/?utm_source=newsletter&utm_ (дата обращения: 12.05.2022).
3. *Bugajski J.* What the Taliban's restoration means for Moscow // Washington Examiner. 2021. URL: <https://www.washingtonexaminer.com/opinion/what-the-talibans-restoration-means-for-moscow> (дата обращения: 12.05.2022).
4. *Gerson M. S.* The Origins of Strategic Stability // Strategic Studies Institute, US Army War College. – 2013. – Pp. 26–27.
5. *Keaten J., Lederer E. M.* Donors pledge \$1.2 billion in emergency funds for Afghans // AP News. 2021. URL: <https://apnews.com/article/europe-afghanistan-geneva-united-nations-taliban-e719ed118ce0bdc4fe31aeb1bf3d8047>
6. *Lewis D. G.* Return to Kabul? Russian Policy in Afghanistan // George C. Marshall European Center For Security Studies. – No 60. – 2020.
7. *Mohsin S.* U. S. Freezes Nearly \$9.5 Billion Afghanistan Central Bank Assets // Bloomberg. 2021. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-08-17/u-s-freezes-nearly-9-5-billion-afghanistan-central-bank-assets> (дата обращения: 12.05.2022).
8. *Rappeport A.* The I. M. F. says it will block Afghanistan from getting \$460 million in reserve funds // The New York Times. 2021. URL: <https://www.nytimes.com/2021/08/18/business/taliban-imf.html> (дата обращения: 12.05.2022).
9. *Rasmussen S. E., S. Z., Marson J.* Taliban Move to Ban Opium Production in Afghanistan // The Wall Street Journal. 2021 URL: <https://www.wsj.com/articles/taliban-afghanistan-heroin-ban-opium-production-11630181316> (дата обращения: 12.05.2022).
10. Report by the Technological Capabilities Panel of the Science Advisory Committee: Meeting the Threat of Surprise Attack // FRUS. – 1955–57. – Vol. 19.
11. Report to the President by the Security Resources Panel of the ODM Science Advisory Committee on Deterrence and Survival in the Nuclear Age // FRUS. – 1957. – Vol. 19.
12. *Schelling T. C.* Arms and Influence. – New Haven, CT: Yale University Press, 1966.
13. *Schelling T. C.* The Strategy of Conflict: I. Elements of a Theory of Strategy: 1. The Retarded Science of International Strategy. – MA: Harvard University, 1960 & 1980.
14. *Sharan T., Watkins A.* Meeting in the Middle? Russia, Afghanistan, and Europe // Friedrich-Ebert-Stiftung – 2020.

15. *Stepanova E.* Russia's Afghan Policy In The Regional and Russia-West Contexts // French Institute of International Relations (IFRI). Report No 23. – 2018.
16. *Taieb R., Rizwan A., Jami M.* A Road Untraveled. Reluctant Reentrance? Russia and Afghanistan post 2021 // The Institute of War and Peace Studies. – 2021.
17. *Trenin D., Malashenko A.* Afghanistan. A view from Moscow // Carnegie Endowment For International Peace. – 2010.
18. *Wohlstetter A.* The Delicate Balance of Terror // Foreign Affairs. – 1959. – Vol. 37.
19. *Walton C. D., Gray C. S.* The Geopolitics of Strategic Stability: Looking Beyond Cold Warriors and Nuclear Weapons. From the book "Strategic Stability: Contending Interpretations" // Strategic Studies Institute. 2013.
20. *Warner E. L.* Remarks on "How is Deterrence and Stability Enhanced/Diminished by Arms Control Beyond New Start?" // 2011 United States Strategic Command Deterrence Symposium. – Omaha, NE. – August 3–4, 2011. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=sVwIhZx9sA4> (дата обращения: 12.05.2022).
21. *Арбатов А., Дворкин В.* Стратегическая стабильность до и после холодной войны // Мировая экономика и международные отношения. – 2011. – № 3.
22. Военная доктрина Российской Федерации от 2010. URL: www.kremlin.ru/supplement/461 (дата обращения: 12.05.2022).
23. Военная доктрина Российской Федерации от 2014. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420246589> (дата обращения: 12.05.2022).
24. Военная доктрина Российской Федерации от 2021. URL: statikremlin.ru/media/events/files/41d527556bec8deb3530.pdf (дата обращения: 12.05.2022).
25. Государственный визит президента СССР М. С. Горбачева в Соединенные Штаты Америки, 30 мая – 4 июня 1990 года. Документы и материалы. – М.: Политиздат, 1990.
26. *Гусева Ю., Христофоров В.* Военная стратегия Советского Союза в Афганистане: просчет планирования и общественное неприятие. Московский городской педагогический университет. Самарский филиал. Самара, Россия // Problema voluminis. – 2020. – № 2. – С. 382–398.
27. *Гуца С.* Совет Безопасности ООН принял резолюцию по Афганистану // Немецкая волна (Deutsche Welle, DW). – 2021.
28. *Дворкин В.* Стратегическая стабильность: сохранить или разрушить? // Московский центр Карнеги, 2018.
29. МИД России. Пока вопрос о признании новых властей Афганистана не стоит. 2021. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2021/09/02/mid-rossii-poka-vopros-o-priznanii-novyh-vlastey-afganistana-ne-stoit> (дата обращения: 12.05.2022).
30. *Кокошин А. А.* Стратегическая стабильность в условиях критического обострения международной обстановки // Полис. Политические исследования. – 2018. – № 4.
31. Комментарий официального представителя МИД России М. В. Захаровой в связи с принятием резолюции Совета Безопасности ООН по Афганистану. URL: https://archive.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4849282?utm_ (дата обращения: 12.05.2022).

32. *Кортунов А.* Решение проблемы Афганистана: необходимые условия и международные последствия // Российский совет по международным делам. – 2021. – № 76.
33. Россия отправила гуманитарную помощь в Афганистан. 2021. URL: <https://lenta.ru/news/2021/12/18/gumanitarka/> (дата обращения: 12.05.2022).
34. *Мансур А. Л.* Зачем в Москву приезжала делегация запрещенного в России «Талибана» // Новости РБК. 2021. URL: <https://www.rbc.ru/politics/09/07/2021/60e82fc69a7947693f4f9c91> (дата обращения: 12.05.2022).
35. КСБР ЦАР в ходе активной фазы учения «Рубеж-2021» в Кыргызстане провели совместную контртеррористическую операцию. 2021. URL: <https://odkb-csto.org/training/rubezh/ksbr-tsar-v-khode-aktivnoy-fazy-ucheniya-rubezh-20212-v-kyrgyzstane-proveli-sovmestnuyu-kontrterrori/#loaded> (дата обращения: 12.05.2022).
36. В Таджикистане состоялся заключительный этап совместного учения «Взаимодействие-2021» и специальных учений «Поиск-2021», «Эшелон-2021». 2021. URL: https://odkb-csto.org/news/news_odkb/v-tadzhikistane-sostoyalsya-zaklyuchitelnyy-etap-sovmestnogo-ucheniya-vzaimodeystvie-2021-i-spetsial/#loaded (дата обращения: 12.05.2022).
37. УНП ООН: производство опиума в Афганистане увеличилось на 8 процентов // Новости ООН. Глобальный взгляд Человеческой судьбы. 2021. URL: <https://news.un.org/ru/story/2021/11/1413952> (дата обращения: 12.05.2022).
38. Учения «Взаимодействие-2021», «Поиск-2022» и «Эшелон-2022». URL: <https://odkb-csto.org/training/trainings2022/> (дата обращения: 12.05.2022).
39. *Ромашкина Н.* Стратегическая стабильность: новые вызовы инфосферы // Российский совет по международным делам. – 2017.
40. В шиитской мечети на севере Афганистана прогремел взрыв. 2020. URL: <https://ria.ru/20211008/afganistan-1753660495.html> (дата обращения: 12.05.2022).
41. При взрыве в мечети в Кандагаре погибли 32 человека, сообщил источник // РИА Новости. 2020. URL: <https://ria.ru/20211015/vzrygv-1754718927.html> (дата обращения: 12.05.2022).
42. Россия отправила 24 тонны гуманитарной помощи в Афганистан. 2022. URL: <https://ria.ru/20220720/gumpomosch-1803881402.html> (дата обращения: 12.05.2022).
43. Первая партия гуманитарной помощи из РФ прибыла в Афганистан. 2021. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/12957417> (дата обращения: 12.05.2022).
44. *Тренин Д.* Стратегическая стабильность в XXI веке. Как ее сохранить? // Московский центр Карнеги. – 2018.
45. *Федяшин А.* Россия-НАТО: два подхода к одному опиуму // РИА Новости. 2021. URL: <https://ria.ru/20100325/216337803.html> (дата обращения: 12.05.2022).
46. *Химшиашивили П.* «Большая двадцатка» решила не признавать режим талибов в Афганистане // РБК Новости. 2021. URL: <https://www.rbc.ru/politics/12/10/2021/616572669a794723129590f8> (дата обращения: 12.05.2022).
47. *Черемисова Э. А.* Ввод Советских войск в Афганистан: политический ход СССР или стратегия США в контексте холодной войны? // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2012. – Сер. 9. – Вып. 4. – С. 121–127.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Петросян Арег Арменович –
магистрант Московского
государственного института
международных отношений
(Университет) МИД России, Москва,
Россия

Petrosyan Areg A. – master's student,
MGIMO University, Moscow, Russian
Federation

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 12.05.2022. Одобрена после рецензирования: 26.10.2022.
Принята к публикации: 26.10.2022. Опубликована: 29.12.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 12.05.2022. Approved after peer reviewing: 26.10.2022.
Accepted for publication: 26.10.2022. Published: 29.12.2022.

The author has read and approved the final manuscript.

Научная статья. Политические науки
УДК 327 (549.1)
<https://doi.org/10.31696/2227-5568-2022-04-076-085>

АФГАНСКИЙ ВОПРОС В ОТНОШЕНИЯХ ПАКИСТАНА С МЕЖДУНАРОДНЫМ СООБЩЕСТВОМ

Сергей Алексеевич Чекалин

МГИМО МИД РФ, Москва, Россия,
ChekalinSergey@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8619-287X>

Аннотация. В статье анализируется становление и проведение политики интернационализации афганского вопроса, проводимой активно властями Исламской Республики Пакистан (ИРП) с момента начала вооруженного конфликта в Афганистане в конце 1970-х гг. Автор доказывает, что афганская проблематика неизменно была и остается одним из важнейших факторов выстраивания Пакистаном отношений с международным сообществом. Для получения значительных объемов финансовой и военной помощи Пакистан стремился позиционировать себя как прифронтовое государство. С конца 2000-х гг. ИРП использует афганский вопрос для диверсификации международных связей, поиска партнеров из смежных регионов как противовеса США. Автор рассматривает специфику и результативность участия Пакистана в различных многосторонних форматах, в рамках которых так или иначе затрагивается афганский вопрос. Отдельно внимание уделяется важнейшим инфраструктурным проектам, которые свяжут Южную и Центральную Азию, а также потенциально окажут позитивное влияние на пакистанскую экономику. Особый упор в статье сделан на место афганской проблематики во внешнеполитической стратегии Пакистана после прихода талибов к власти в Афганистане в 2021 г.: анализируются ключевые стратегические документы ИРП, заявления пакистанских официальных лиц, ожидания международного сообщества от властей Пакистана. Исходя из этого, делается прогноз, что ИРП по ряду причин вынуждена «сверять часы» с глобальными и региональными игроками и не пойдет первой на признание талибского правительства Афганистана. Автор приходит к выводу, что правильный подход к афганскому вопросу со стороны властей Пакистана будет способствовать росту авторитета страны, прежде всего, в региональной подсистеме международных отношений как конструктивного игрока и поможет социально-экономическому развитию ИРП.

Ключевые слова: Пакистан, афганский вопрос, внешняя политика Пакистана, Талибан, многосторонняя дипломатия, интернационализация конфликта

Для цитирования: Чекалин С. А. Афганский вопрос в отношениях Пакистана с международным сообществом. *Восточная аналитика*. 2022;13(4):76–85. <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2022-04-076-085>

Original article. Politics studies

THE AFGHAN ISSUE IN PAKISTAN'S RELATIONS WITH THE INTERNATIONAL COMMUNITY

Sergey Chekalin

MGIMO University, Moscow, Russia,
ChekalinSergey@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8619-287X>

This work is licensed under a Creative Commons
Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

Abstract. The article analyzes the development and active implementation of Pakistan's policy of internationalization of the Afghan issue since the outbreak of the armed conflict in Afghanistan in the late 1970s. The author proves that the Afghan conflict has always been one of the pivotal factors for Pakistan in building its relations with the international community. In order to receive significant amounts of financial and military assistance, Pakistan sought to position itself as a frontline state. Since the late 2000s Pakistan has instrumentalized the Afghan issue to diversify its international relations searching for partners from the neighboring regions as a counterweight to the USA. The author examines the features and effectiveness of Pakistan's participation in various multilateral forums concerning the Afghan issue to some extent. The article emphasizes the essential infrastructure projects that will connect South and Central Asia, as well as potentially have a positive impact on the Pakistani economy. The article especially focuses on the Afghan issue as a part of Pakistan's foreign policy strategy since the Taliban's coming to power in Afghanistan in 2021. In this regard, Pakistan's key strategic documents, statements by Pakistani officials, and international community's expectations from the Pakistani authorities are analyzed. Based on this, it is predicted that Pakistan has to harmonize its position with the global and regional powers for a number of reasons and does not appear to be the first to recognize the Taliban government of Afghanistan. The author comes to the conclusion that Pakistan's correct approach towards the Afghan issue will contribute to its rise, above all, in the regional subsystem of international relations as a constructive actor and boost its socio-economic development.

Keywords: Pakistan, Afghan conflict, foreign policy of Pakistan, Taliban, multilateral diplomacy, internationalization of conflict

For citation: Chekalin S. A. The Afghan Issue in Pakistan's Relations with the International Community. *Vostochnââ analitika = Eastern Analytics*. 2022;13(4):76–85. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2022-04-076-085>.

Решение афганского вопроса входит для Пакистана в число, прежде всего, экзистенциальных задач, т. е. связанных с вопросами национальной безопасности. Вместе с тем – коэкзистенциальная составляющая внешней политики Исламской Республики Пакистан (ИРП), т. е. усилия по достижению существенной роли на региональной и международной арене, также во многом реализуется через призму афганского вопроса.

В стратегическом внешнеполитическом документе ИРП «Национальная политика по вопросам безопасности на 2022–2026 гг.» Афганистан упоминается первым в главе «Отношения с соседями» раздела «Внешнеполитические условия», перед Китаем и Индией (более важен лишь кашмирский вопрос, вынесенный в самое начало данного раздела). При этом особо отмечается, что Пакистан намерен «поддерживать мир и стабильность в Афганистане в тесном сотрудничестве с международным сообществом»¹. Так каковы же истоки подобной пакистанской политики интернационализации и инструментализации афганской

¹ National Security Policy of Pakistan 2022–2026 // National Security Division. 2022. URL: <https://onsa.gov.pk/assets/documents/policy.pdf> (дата обращения: 10.09.2022).

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

проблематики и насколько она перспективна в нынешних международных реалиях?

На протяжении первых десятилетий после обретения Пакистаном независимости, в 1940–70-е гг. для Исламабада взаимодействие с Кабулом оставалось двусторонним вопросом, интернационализировалась же проблематика пакистано-индийских отношений, включая кашмирский конфликт. Полномасштабная эксплуатация афганской повестки в отношениях с международным сообществом началась после обострения афганского внутривнутриполитического кризиса в конце 1970-х гг. и прихода к власти в ИРП генерала М. Зия уль-Хака.

Новый пакистанский лидер отлично понимал, что вовлеченность сверхдержав в афганский конфликт – ценный шанс для его страны извлечь максимально возможные геополитические и экономические выгоды [Naqqani, 2005, pp. 166–167]. М. Зия уль-Хак стал активно разыгрывать «афганскую карту» в отношениях с традиционными союзниками – США, КНР и мусульманским миром. Лейтмотивом стало позиционирование Пакистаном себя как прифронтового государства, которому крайне необходима всевозможная и объемная помощь. В отношениях с Вашингтоном, который не желал напрямую ввязываться в конфликт, но и не мог уступить Москве в Юго-Западной Азии, эта риторика усиливалась заявлениями о глобальных замыслах СССР, остановить продвижение которого к Индийскому океану через Афганистан мог лишь Пакистан². Подобная политика оказалась весьма успешной – Исламабад не только привлекал огромные размеры помощи, но и фактически стал играть роль распределителя средств, направляемых афганской оппозиции [Naqqani, 2005, p. 167].

Преемственность данной стратегии проявилась и в 1990-е гг., даже несмотря на демократизацию внутривнутриполитической жизни и частые смены правительств. Однако, учитывая снижение интереса Запада к афганской проблематике на фоне распада биполярной системы международных отношений и новых ближневосточных конфликтах, объемы помощи Пакистану снижались. Можно констатировать, что Пакистан попал в геополитическую зависимость от афганского конфликта.

Как известно, на фоне вакуума власти в Афганистане в середине 1990-х гг. на авансцену вышло движение «Талибан» (запрещено в РФ), становление которого как самостоятельной военно-политической силы проходило, во-первых, во многом на территории Пакистана, а во-вторых, с ведома пакистанского руководства [Waldman, 2010, pp. 3–5]. При этом

² См., напр., Memorandum of Telephone Conversation. Washington, December 28, 1979, 1:42–1:50 p.m. // The Office of the Historian. URL: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v12/d111> (дата обращения: 11.09.2022).

на то, что Пакистан решил в конечном итоге сделать ставку на талибов, также не могли не повлиять внешнеполитические факторы. К талибам как провозвестникам подлинной исламской идеологии благосклонно относилась Саудовская Аравия, от которой Исламабад резонно ждал экономической помощи. У США же существовали и чисто экономические интересы по освоению ресурсов отныне независимых центральноазиатских республик, прежде всего, нефтегазовые залежи Каспийского моря [Белокреницкий, Москаленко, 2008, с. 378–379]. Для их доставки к Индийскому океану необходимо было проложить трубопроводы через афганскую и пакистанскую территории – это диктовало необходимость взаимодействия Пакистана и эффективного, стабильного режима в Афганистане и обусловило очередной виток сотрудничества Вашингтона и Исламабада.

Талибский режим Исламского Эмирата Афганистан (ИЭА; 1996–2001) был официально признан лишь тремя государствами мира (Пакистан, ОАЭ, Саудовская Аравия). Исламабад в этой связи выделялся особенно: он фактически взял на себя функцию посредника между талибским Афганистаном и мировым сообществом, отстаивая интересы первого в различных международных организациях и содействуя запуску переговорного формата «6 + 2» с участием шести стран-соседей ИЭА, а также России и США [Москаленко, 2008, с. 204]. Однако попытки пакистанского руководства добиться от других государств, по крайней мере, скрытой поддержки режима талибов оказались неудачны.

Факт официального признания Пакистаном талибов фактически рассматривался как одобрение их жестоких методов управления страной и их деструктивных действий по отношению к другим странам (в частности, поддержка экстремистов и террористов). Именно тогда Пакистан начали широко обвинять в содействии трансграничному терроризму³. Имидж государства, спонсирующего и укрывающего террористов, впоследствии надолго закрепился за Пакистаном, препятствуя его доверительному партнерству с мировым сообществом на протяжении 2000-х и даже 2010-х гг.

После 2001 г. участие в действиях антитеррористической коалиции в Афганистане помогло Исламабаду вновь попасть в поле первоочередного внимания мирового сообщества и вновь начать получать колоссальную помощь, прежде всего, от стран Запада. Многие из санкций, наложенных на ИРП за проведение ядерных испытаний в 1998 г., были незамедлительно сняты, возобновилась экономическая помощь. В 2004 г. Исламабаду был дан статус основного союзника вне НАТО.

³ См., напр., отчет Госдепартамента США: Patterns of Global Terrorism // U. S. Department of State. April 2000. URL: <https://1997–2001.state.gov/global/terrorism/1999report/patterns.pdf> (дата обращения: 11.09.2022).

В дальнейшем, однако, в условиях растущих противоречий в отношениях с Вашингтоном Исламабад негативно воспринял новую стратегию президента США Б. Обамы в отношении Афганистана и Пакистана (2009 г.), которая предполагала рассмотрение этих двух стран в неразрывной связке («две страны, один вызов») – фактически в рамках единого военно-политического пространства, получившего название «АфПак». Вашингтон де-факто отказывал Пакистану в правосубъектности, признавая его, как и Афганистан, несостоявшимся государством⁴. К тому же, в этом пространстве как бы стиралась линия Дюранда – потенциальная реконфигурация границы и обострение вопроса пуштунского сепаратизма не отвечали интересам ИРП.

На этом фоне в конце 2000-х гг. Пакистан не пренебрег возможностью прибегнуть к политике мультилатеризма. Так Исламабад имел шанс приступить к реальному решению насущных проблем в Афганистане (и, следовательно, своих собственных – наркотрафик, приток беженцев, экстремизм и т. д.) с помощью стран-соседей, а с другой стороны, продолжал бы получать колоссальную военную и экономическую помощь из США и других западных стран.

В частности, Пакистан стал одной из сторон «Душанбинской четверки» – форума, инициированного президентом Таджикистана Э. Рахмоном, для обсуждения путей решения проблем Афганистана. По итогам трех встреч лидеров России, Пакистана, Афганистана и Таджикистана в 2009–2011 гг. были предложены многочисленные меры содействия экономическому восстановлению Афганистана и общерегиональному развитию.

С началом небоевой миссии НАТО в Афганистане (2015 г.) и определенным спадом напряженности в Южной Азии в начале 2010-х гг. перед Пакистаном встала задача нормализации внешней политики, возвращение статуса дееспособного актора международной политики.

Весьма успешные результаты контртеррористических операций, проведенных пакистанскими властями в 2014–2016 гг., способствовали укреплению интереса КНР к полномасштабному сотрудничеству с Пакистаном и заключению в 2015 г. первых соглашений по проекту Китайско-пакистанского экономического коридора (КПЭК) в рамках инициативы КНР «Пояс и Путь» [Замараева, 2020, с. 28].

Законные интересы Пакистана в вопросе стабилизации внутренней и региональной обстановки находят понимание у стран исламского мира. Во многом на базе совместной критики действий США и НАТО в Афга-

⁴ *Magnier M.* 'Everyday' Pakistanis speak out // Los Angeles Times. 05.05.2009. URL: <https://www.latimes.com/archives/la-xpm-2009-may-05-fg-pakistan-summit5-story.html> (дата обращения: 12.09.2022).

нистане с конца 2000-х гг. последовательно укрепляются пакистано-иранские связи [Борисов и др., 2019, с. 53–54]. В отсутствие помощи со стороны США у Исламабада по-прежнему сохраняются значительные внешние источники финансовых поступлений – арабские страны. Кроме того, в 2015 г. Пакистан был включен в состав Исламской военной анти-террористической коалиции, инициированной Саудовской Аравией. Показателем того, что ИРП занимает особое место в исламском мире, является то, что с 2017 г. данную коалицию возглавляет экс-начальник Штаба Сухопутных войск Пакистана генерал Р. Шариф [Борисов и др., 2019, с. 50–51].

Кроме того, важно отметить активное задействование Пакистаном механизмов многосторонней дипломатии в контексте решения афганского вопроса. В частности, еще с момента запуска в 2011 г. Пакистан принимал участие в широком региональном формате «Сердце Азии – Стамбульский процесс». Вопросы обеспечения безопасности, в особенности борьбы с терроризмом, в Афганистане и Центральной Азии обсуждаются также в рамках инициированного КНР Четырехстороннего механизма по сотрудничеству и координации, куда входят Пакистан, Афганистан и Таджикистан⁵. Принципиальным новшеством площадки являются саммиты с участием высшего военного – а не политического – руководства стран-участниц. Это, на наш взгляд, принципиально важно для Пакистана, где влияние вооруженных сил на все общество, включая политическую сферу, крайне велико, – данный механизм позволяет напрямую вовлечь те круги, которые реально принимают решения в пакистанской политике.

Важнейшей международной структурой, в которую был принят Пакистан в последнее десятилетие, а именно в 2017 г., безусловно, является Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), где в рамках различных институциональных форматов, а также на встречах на высшем уровне, помимо прочего, регулярно затрагивается афганская проблематика. ШОС стала площадкой, продемонстрировавшей схожесть, по крайней мере, официальных подходов ключевых региональных игроков, включая Россию и Китай, и Пакистана по вопросу мирного процесса в Афганистане – руководить им должен сам афганский народ, а конечная цель – создание инклюзивного правительства с участием всех конструктивно настроенных сил, не исключая талибов⁶.

⁵ Подробнее о работе Четырехстороннего механизма см. [Фролова, 2020].

⁶ См. напр. Самаркандская Декларация Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества // Шанхайская организация сотрудничества. URL: <http://rus.sectscsco.org/load/801866/> (дата обращения: 20.09.2022).

Кроме того, Исламабад активно продвигает повестку развития инфраструктурных проектов, призванных содействовать нормализации ситуации в Афганистане и его инкорпорации в региональное пространство – а заодно и социально-экономическому развитию ИРП. Среди них стоит отметить энергетический коридор из Киргизии и Таджикистана в Пакистан и Афганистан CASA-1000, строительство которого началось в 2016 г., и газопровод ТАПИ, идущий из Туркменистана в Индию (к 2019 г. был проложен туркменский участок, с 2018 г. началось строительство афганского⁷), а также дорогу из Таджикистана в Пакистан через афганский Ваханский коридор⁸. В 2018 г. началась прокладка ЛЭП и линии оптоволоконной связи по маршруту Туркменистан – Афганистан – Пакистан⁹. Наконец, о намерении продлить КПЭК в Афганистан заявил Китай¹⁰, ввиду этого поощряющий активную роль своего стратегического союзника Пакистана в стабилизации обстановки в соседней стране.

По этому поводу в «Национальной политике по вопросам безопасности на 2022–2026 гг.» недвусмысленно заявляется, что «потенциал Афганистана как шлюза для экономических взаимосвязей с центрально-азиатскими государствами является важнейшим драйвером поддержки Пакистаном мира в Афганистане». А налаживание трансафганских коридоров выступает основой экономической безопасности Пакистана, поскольку в налаживании связей на восточных границах он «стал заложником регрессивного подхода Индии»¹¹.

Заинтересованность мирового сообщества в решении афганского вопроса дает Пакистану возможность проявить себя как одну из ведущих сил мирного процесса в Афганистане. Попытки наладить диалог различных афганских сил Исламабад предпринимал еще с середины 2000-х гг. [Замараева, 2020, с. 27–28]¹². После 2018 г., по заявлениям Исламабада, именно он помог установить контакты с талибами. Например,

⁷ Касаев Э. О. О начале строительства афганского участка газопровода ТАПИ. Часть 1 // Институт Ближнего Востока. 27.02.2018. URL: <http://www.iimes.ru/?p=41898> (дата обращения: 24.09.2022).

⁸ Таджикистан и Пакистан вновь подняли вопрос о дороге через Ваханский коридор // Avesta. 06.07.2017. URL: <https://avesta.tj/2017/07/06/tadzhikistan-i-pakistan-vnov-podnyali-vopros-o-stroitelstve-dorogi-cherez-vahanskij-koridor/> (дата обращения: 24.09.2022).

⁹ Касаев Э. О. Указ. соч.

¹⁰ Бовдунов А. «Новая «большая игра»: как приход Китая в Афганистан затронет интересы США и России // Russia Today. 27.12.2017. URL: <https://russian.rt.com/world/article/464907-kitai-vliyanie-afganistan-ssha-rossiya> (дата обращения: 24.09.2022).

¹¹ National Security Policy of Pakistan 2022–2026 // National Security Division. 2022. URL: <https://onsa.gov.pk/assets/documents/policy.pdf> (дата обращения: 10.09.2022).

¹² Замараева Н. А. Пакистан и вызовы переговорному процессу в Афганистане (2003–2020 гг.) // Азия и Африка сегодня. 2020. Выпуск № 11. С. 26–33.

главным переговорщиком от талибов стал мулла А. Г. Барадар, который ранее почти десятилетие содержался в пакистанской тюрьме и был выпущен по настоянию США именно как раз перед началом первых контактов движения «Талибан» (запрещено в РФ) с Белым домом¹³. Причем еще в конце 1990-х гг. пакистанские власти рассматривали его как одного из лидеров т. н. «умеренных» талибов, с которым можно было бы вести конструктивные переговоры о создании инклюзивного афганского правительства.

Тем не менее, содействовав в запуске маховика переговоров, решающую роль в заключении Дохийского соглашения Пакистан не сыграл. В этой связи видится, что высокая оценка усилиям Пакистана по установлению мира в Афганистане и регионе стала на протяжении 2018–2020 гг. скорее неким ритуалом (причем как у США и стран Запада, так и у талибов, и у кабульского правительства), каким чуть ранее была критика этой же страны за укрывание террористов.

После взятия талибами власти в Афганистане в августе 2021 г. пакистанское руководство продолжает призывать мировое сообщество наладить диалог с афганским временным правительством и «не бросать Афганистан», поскольку это может привести к негативным последствиям в области региональной безопасности и стабильности. В свою очередь, у мирового сообщества сохраняется представление о том, что Пакистан по-прежнему обладает сильными рычагами воздействия на талибов, ввиду чего от Исламабада ждут оказания некоего влияния на талибов (например, в таком духе высказался президент России В. В. Путин на встрече с премьер-министром ИРП Ш. Шарифом на полях саммита ШОС в Самарканде в 2022 г.¹⁴). Однако подобная точка зрения, на наш взгляд, учитывая явную напряженность в пакистано-талибских отношениях по ряду причин, не вполне корректна.

На сегодняшний день ИРП в высокой степени зависит от иностранной помощи, что диктует необходимость «сверять часы» по афганской проблематике как с региональными (Турция, Иран), так и глобальными (США, КНР, Россия) игроками. Официально признать Исламский Эмират Афганистан Исламабад, вероятно, сможет в случае установления дипломатических отношений с ними каких-либо крупных держав – но не раньше них. Именно поэтому Исламабад ведет активную работу

¹³ Pakistan frees Taliban co-founder at US request; will play constructive role in Afghan peace initiative // National Herald. 09.02.2019. URL: <https://www.nationalheraldindia.com/international/pakistan-frees-taliban-co-founder-at-us-request-will-play-constructive-role-in-afghan-peace-initiative> (дата обращения: 28.09.2022).

¹⁴ Встреча с Премьер-министром Пакистана Шехбазом Шарифом // Президент России. 15.09.2022. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69355> (дата обращения: 01.10.2022).

по легитимации нового афганского режима. Так, в марте 2022 г. благодаря активной роли Пакистана было открыто представительство Организации исламского сотрудничества в Кабуле¹⁵.

Сегодня, как и все последние десятилетия, афганская проблематика выступает одной из неизменных тем двусторонних отношений Пакистана фактически со всеми странами мира, а кроме того, регулярно поднимается на различных международных форумах с участием пакистанской стороны¹⁶. Среди новых форматов, активизированных после прихода талибов к власти, – заседания расширенной «тройки» (Россия, США, Китай, Пакистан), «московский формат» консультаций по Афганистану в составе стран-членов ШОС с подключением представителей талибов, а также встречи глав МИД стран-соседей Афганистана.

Тот факт, что Исламабад активно вовлечен в переговорный процесс по афганской проблематике, говорит о признании иными государствами объективной реальности, что без его деятельной роли становление поистине стабильного и безопасного Афганистана не представляется возможным. Более того, официальный подход Пакистана по многим пунктам совпадает с позицией большинства сторон указанных форматов, в особенности России и Китая, что, на наш взгляд, благоприятно влияет на имидж Пакистана как конструктивного актора региональной подсистемы международных отношений.

В случае если Пакистан сможет найти правильный подход к афганской проблеме и реализовать хотя бы часть своих экономических планов в отношении Центральной Азии (а многие проекты, как CASA-1000, в настоящее время заморожены), то его, наряду с Китаем, активно продвигающим проект «Один пояс – Один путь», можно будет назвать главным выгодоприобретателем от статуса кво в Афганистане.

Таким образом, благодаря прочному консенсусу в военно-политическом руководстве Пакистана насчет не только обеспечения мирного и безопасного Афганистана, но и интернационализации этого вопроса, Пакистан – при должных усилиях и политической воле – имеет возможность диверсифицировать международные связи, повышать свою роль в региональной подсистеме международных отношений и выполнять задачи своего экономического развития ввиду повышения взаимосвязанности регионов Южной и Центральной Азии.

¹⁵ *Taieb R.* OIC Opens Office in Kabul for Humanitarian Efforts // Tolo News. 08.03.2022. URL: <https://tolonews.com/afghanistan-176990#:~:text=The%20Organization%20for%20Islamic%20Cooperation,OIC%20said%20today%20on%20twitter> (дата обращения: 28.09.2022).

¹⁶ См. официальные пресс-релизы Офиса Премьер-министра Пакистана (URL: https://pmo.gov.pk/press_releases.php) и Министерства иностранных дел Пакистана (URL: <https://mofa.gov.pk/>).

Литература / References

1. Белокреницкий В. Я., Москаленко В. Н. История Пакистана. XX век. – М.: ИВ РАН; Крафт+, 2008. – 576 с.
2. Замараева Н. А. Пакистан и вызовы переговорному процессу в Афганистане (2003–2020 гг.) // Азия и Африка сегодня. – 2020. – Вып. 11. – С. 26–33.
3. Москаленко В. Н. Пакистано-афганские отношения на современном этапе // Ближний Восток и современность. Сборник статей (выпуск тридцатый) / Отв. ред. А. О. Филоник. – М.: ИВ РАН; Институт Ближнего Востока, 2007. – С. 198–209.
4. Пакистан: за рамками стереотипов / Т. И. Борисов, С. А. Денисенцев, В. Б. Капшин, А. В. Лавров, Ю. Ю. Лямин, Р. Ш. Мамедов, Е. А. Пахомов, А. М. Рамм, П. В. Топычканов, М. Ю. Шеповаленко; под ред. Т. И. Борисова, К. В. Макиенко. – М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2019. – 208 с.
5. Фролова И. Ю. Взаимодействие в рамках по сотрудничеству и координации с участием Китая, Афганистана, Пакистана и Таджикистана // Проблемы национальной стратегии. – 2020. – № 1(58). – С. 37–48.
6. Haqqani H. Pakistan: between Mosque and Military. – Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2005. – 380 p.
7. Waldman M. The Sun in The Sky: The Relationship Between Pakistan's ISI and Afghan Insurgents // Crisis States Discussion Papers. – June 2010. – Discussion Paper 18. – 27 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Чекалин Сергей Алексеевич –

студент Московского государственного
института международных отношений
(Университет) МИД России, Москва,
Россия

Chekalin Sergey Alekseevich –

student, MGIMO University, Moscow,
Russian Federation

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 12.10.2022. Одобрена после рецензирования: 26.10.2022.

Принята к публикации: 26.10.2022. Опубликовано: 29.12.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 12.10.2022. Approved after peer reviewing: 26.10.2022.

Accepted for publication: 26.10.2022. Published: 29.12.2022.

The author has read and approved the final manuscript.

Original article. Politics studies
УДК 327 (549.1)
<https://doi.org/10.31696/2227-5568-2022-04-086-098>

PLACE AND ROLE OF PAKISTAN IN GLOBAL AND REGIONAL AFFAIRS

Dr. Zainab Ahmed

Golden Ring Economic Forum, Lahore, Pakistan,
zainabamalikpu@gmail.com, info@gref.org.pk

Engr. Hasnain Reza Mirza

Golden Ring Economic Forum, Lahore, Pakistan,
info@gref.org.pk

Abstract. The global dynamics are rapidly changing owing to compounded, augmented and complexed security issues, asymmetric conflicts, economic challenges overlapping issues of sovereignty and territorial integrities and socio-economic implications of these threats. At the core of this transitory phase lies the shift of power from the West to Asia. These realities have zoomed in the geo-economics and the twenty first century is being drawn on this as the twentieth century belonged to the geopolitics. This fundamental transition is elevating the strategic significance of Pakistan, the "Zipper State", connecting the Eurasian Vision and a clipping state for Belt and Road Initiative. The primary factor of US to compete China and the former determining Russia a malign factor intensifies the bidding to have maximum influence in this region. India, has become a natural and potential choice of priority for the US. India's new found position in the Indo Pacific as the US Net Security Provider, it's foundational agreements with the US for huge logistic, intelligence and military systems cooperation renders it a valuable partner for the West to contain China and Russia. The emerging nexus of US-India-Israel in the Indian Ocean is clearly a bid to encircle China and Russia in which Pakistan elevates to be the front line or the first target, or if tapped and incentivized adequately, to be a defense. Russia's prudent Eurasian Vision and International North South Trade Corridor is a win-win project to engage Iran and India. Yet the former's natural inclination towards the the US and the latter's highly limited options due to Arab-Israel nexus in the Strait of Hormuz post Abraham Accords may pose a challenge to the practicality of these connectivity visions. The growing requirements of regional connectivity align China, Russia, Iran, Pakistan and Turkey naturally for the mutual and regional security and prosperity. The most significant point in this regional connectivity is the Gwadar Port having huge potential of catering to regional trade, connectivity and aligning with other regional trade routes with much better security prospects. Russia, an important global actor and regional player, and Pakistan have the suitable prospects to leverage Pakistan's magnified role in global politics for practical gains, can jointly play a better counter game.

Keywords: Zipper State, Indo-Pacific, QUAD, AUKUS, Abraham Accord, Net Security Provider, BRI, CPEC

For citation: Zainab Ahmed, Hasnain Reza Mirza. Place and role of Pakistan in global and regional affairs. *Vostochnaâ analitika = Eastern Analytics*. 2022;13(4):86–98. (In Russ.)
<https://doi.org/10.31696/2227-5568-2022-04-086-098>.

This work is licensed under a Creative Commons
Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

Научная статья. Политические науки

МЕСТО И РОЛЬ ПАКИСТАНА В ГЛОБАЛЬНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ДЕЛАХ

Зайнаб Ахмед

Экономический форум Золотого кольца, Лахор, Пакистан,
zainabamalikpu@gmail.com, info@gref.org.pk

Хаснаин Реза Мирза

Экономический форум Золотого кольца, Лахор, Пакистан,
info@gref.org.pk

Аннотация. Глобальная динамика быстро меняется из-за сложных проблем безопасности, асимметричных конфликтов, экономических вызовов, перекрывающих вопросы суверенитета и территориальной целостности, а также социально-экономических последствий этих угроз. В основе этой переходной фазы лежит смещение центров силы с Запада на Азию. Эти реалии усилились в геоэкономике, на которую опирается XXI век, так как XX век принадлежал геополитике. Этот фундаментальный переход повышает стратегическое значение Пакистана, как «Зиппер-государства», соединяющего Евразийское видение с инициативой «Пояса и пути». Основной фактор конкуренции США с Китаем, где первый рассматривает Россию в качестве пагубного фактора, усиливает стремление этих государств к максимальному влиянию в данном регионе. Новый статус Индии в Индо-Тихоокеанском регионе в качестве поставщика сетевой безопасности США, ее основополагающие соглашения с США о всеобъемлющем сотрудничестве в области логистики, разведки и военных систем делают ее ценным партнером для Запада в сдерживании Китая и России. Формирующаяся связь между США, Индией и Израилем в Индийском океане, очевидно, является попыткой окружить Китай и Россию, в которой Пакистан становится линией фронта или первой мишенью, а при надлежащем использовании и стимулировании – защитой. Дальновидный Евразийский подход России и Международный торговый коридор Север-Юг – это беспроигрышный проект для вовлечения в него Ирана и Индии. Тем не менее, естественная предрасположенность последней к США и крайне ограниченные возможности Тегерана из-за нормализации арабо-израильских отношений в Ормузском проливе после заключения соглашений Абрахама могут поставить под сомнение практическую реализацию этих концепций взаимосвязанности. Растущая потребность в региональной связанности естественным образом объединяют Китай, Россию, Иран, Пакистан и Турцию для обеспечения взаимной и региональной безопасности и процветания. Наиболее важным пунктом в этой региональной взаимосвязанности является порт Гвадар, обладающий огромным потенциалом обеспечения региональной торговли, связанности и сопряжения с другими региональными торговыми маршрутами с гораздо лучшими перспективами безопасности. Россия, как важный глобальный и региональный игрок, и Пакистан с его перспективами использования своей возросшей роли в глобальной политике для получения практических выгод могут сыграть совместную взаимовыгодную партию.

Ключевые слова: «Зиппер-государство», Индо-Тихоокеанский регион, ЧСДБ, АУКУС (трехсторонний оборонный альянс Австралии, Великобритании и США), соглашения Абрахама, поставщик сетевой безопасности, ИПП, КПЭК

Для цитирования: Зайнаб Ахмед, Хаснаин Реза Мирза. Место и роль Пакистана в глобальных и региональных делах. *Восточная аналитика*. 2022;13(4):86–98. <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2022-04-086-098>

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

Introduction

The world is in the phase of extensive yet convoluted transition. The entire twentieth century revolved around geopolitics but the twenty first century is concentrated on the geo-economics. The shift from geopolitics to geo-economics has transformed the global political arena intrinsically. Furthermore, the gradual shift of power from the West to Asia is jolting the world at different levels. The transition in power paradigms and structure have elevated the position of various global and regional powers. During the last decade, where China has emerged as the world economic power, on one hand, whereas, the resurgence of Russia has also augmented its potential to implicate global politics and geo-economics multifold. In this transition, Pakistan happens to become strategically and geopolitically more significant than it ever was. According to the concept, as presented by Mr. Andrew Korybko, Pakistan is a "Zipper State". Pakistan holds an immensely significant geographical position for connecting Eurasian Union and South Asian Region¹. This connectivity is vital for the Russian vision of regional cooperation and connectivity to South Asia and China's BRI. The shift of power cannot just be gauged from traditional power paradigm. Rather the nontraditional elements of power now exhibit more significance. Demography, economy, natural resources, cultures, ethnicities and regional tendencies in the wake of globalization matter most. The transition from uni polarity to multi-polarity and regionalism or bipolar multilateralism is the new reality. Territorial security, energy security and trade connectivity are the major convergences having the prospects to bring the regional countries closer and build more constructive bilateral and multilateral relationships.

Asymmetric challenges and conflicts are evolving rapidly. In particular, during the last few years, US-China competition has emerged as the major factor, shaping global strategic environment transforming the ongoing uni-polar order after the disintegration of Soviet Union. The challenges are much grave now as the world is bracing with the implications of Covid-19 pandemic. According to World Bank, a global economic slowdown may be in making and become more visible during 2023².

Transforming Global and Regional Environment

During the last decade the global trade and connectivity has been revolving around the Chinese vision of Belt and Road Initiative. The unprecedented vision of BRI amasses entire Eurasia in the net of connectivity and trade multi-

¹ "Pakistan is the Zipper of Pan-Eurasian Integration", Andrew Korybko. URL: <https://crss.pk/pakistan-is-the-zipper-of-pan-eurasian-integration/>

² "Risk of Global Recession in 2023 Rises Amid Simultaneous Rate Hikes", September 15, 2022. The World Bank Press Release URL: <https://www.worldbank.org/en/news/press-release/2022/09/15/risk-of-global-recession-in-2023-rises-amid-simultaneous-rate-hikes>

lateralism. However, the US strategy of containment of China is spread in entire Indo Pacific through military and economic partnerships and by instigating tensions in and around Taiwan, the Eastern Coast of China. The Strait of Taiwan has another strategic importance as it connects South China Sea and East China Sea, practically an important point to connect Indian Ocean and Pacific Ocean. Though Pacific Ocean is of primary interest to the US, as had been during the twentieth century, but the significance of Indian Ocean remained paramount even then. Looking at the foreign military presence picture in the area, there is NATO, CMF with its CTFs (Counter Terrorism Forces)-150, 151 and 152 covering all the way starting from Persian Gulf, Arabian Sea and from Indian Ocean's Western coasts of India to Somalia and Red Sea. Then there are AUKUS (Australia, United Kingdom and United States of America) and QUAD (Quadrilateral Security Dialogue) Accords and lately the inclusion of Israeli factor through Arab-India-Israel-US nexus under Abraham Accords. India, though a very important state in Indian Ocean, has recently evolved huge and deep-rooted strategic interests with the US limiting its ability to vividly align with the regional requirements. India has also been given the status of US Net Security Provider in the Indo Pacific.

These US led partnerships in the Indo Pacific are critically important. The most significant is the QUAD; the alliance of Australia, India, Japan and the US. Since 2020 the rejuvenation of QUAD, in military cooperation primarily all QUAD members in the entire Indo Pacific region, encompasses the entire trade hub of the world setting a new theatre of competition in Asia. India had hosted last year military exercises of QUAD nations which basically was a declaration of militarization³. QUAD navies are conducting exercises this November off the Japan coast in Pacific⁴. With the advent of twenty first century, the focus of global politics and in particular geo economic tendencies shifted from the Atlantic to the East. For decades the region was known as Asia Pacific but the term of Indo Pacific coincides with the rise of China and as soon as the US started considering it its primary challenge. The Indo Pacific is more like an imaginative map encompassing the entire region encircling China through the seas⁵. The great power competition between the US and China has triggered a power balancing in the region with all regional powers considering China to

³ "The QUAD Conducts Malabar Naval Exercise", The Diplomat, August 27, 2021. URL: <https://thediplomat.com/2021/08/the-quad-conducts-malabar-naval-exercise/>

⁴ "QUAD navies to exercise off Japan in November in Pacific", November 2, 2022. URL: <https://www.hindustantimes.com/india-news/quad-navies-to-exercise-off-japan-in-pacific-in-november-101664253954430.html>

⁵ "The Coming of QUAD and Balance of Power in Indo Pacific". Soumyodeep Web & Nathan Wilson, Journal of Indo Pacific Affairs, 2021. URL: <https://media.defense.gov/2021/Dec/12/2002907687/-1/-1/1/JIPA%20-%20DEB%20&%20WILSON.PDF> p 112, 111–122

be their primary threat⁶. The balance of power theory describes that the states' agenda to balance any competing power invokes internal balancing for power also to enhance their comparative power capabilities. This internal and external balancing of the regional and extra regional powers with intense interests in the region culminated in AUKUS with the most important implication of nuclearization of Australia in Indian Ocean⁷. These all developments coincide with the unprecedented project initiated by China; Belt and Road Initiative. The more this was embraced by the Eurasian states the more US's response intensified. In the National Security Strategy of 2017, there is a definite prioritization of China as the primary challenge for the US global interests. The strategy identifies that this is the competition between the free and repressive powers. The same strategy declares Russia as the malign factor to be contained⁸. The US declared the Indo Pacific Region as the single most 'consequential region for the American future'. The US has bilateral trade of USD2.3 trillion with ASEAN countries (Association of South East Asian Nations) and investment of USD1.3 billion in this region, which constitutes integral part of Indo Pacific⁹.

In the US National Security Strategy of 2022, the policy of competition with China continues. The global priority it has set for itself is primarily out-competing China and constraining Russia¹⁰.

The above Figure-1 clearly shows that the activities of QUAD are focused in this entire region that certainly encircles and contains China and along with-it Russia; both are now the main targets. The agreement of AUKUS (Australia, United Kingdom and United States of America) is a bid to nuclearize Indo Pacific by arming Australia with nuclear submarines and carriers; a territorial and maritime stakeholder in the Indo Pacific. The In 2018, the Pacific Command was renamed as Indo Pacific Command which encompasses about half of the world¹¹.

⁶ "The Coming of QUAD and Balance of Power in Indo Pacific". Soumyodeep Web & Nathan Wilson, Journal of Indo Pacific Affairs, 2021. URL: <https://media.defense.gov/2021/Dec/12/2002907687/-1/-1/1/JIPA%20-%20DEB%20&%20WILSON.PDF> p 113, 111–122

⁷ "The Coming of QUAD and Balance of Power in Indo Pacific". Soumyodeep Web & Nathan Wilson, Journal of Indo Pacific Affairs, 2021. URL: <https://media.defense.gov/2021/Dec/12/2002907687/-1/-1/1/JIPA%20-%20DEB%20&%20WILSON.PDF> p 114, 111–122

⁸ "National Security Strategy of the United States of America," The White House, Washington: 2017. URL: <https://www.hsdl.org/c/abstract/?docid=806478>

⁹ "Indo Pacific Strategy Report: Preparedness, Partnerships and Promoting Networked Region," Department of Defense, 2019. URL: <https://www.state.gov/wpcontent/uploads/2019/11/Free-and-Open-Indo-Pacific-4Nov2019.pdf>

¹⁰ The US National Security Strategy, 2022, The White House. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf>

¹¹ Cleo Pascal. "Indo Pacific Strategies, Perceptions and partnerships", March 23, 2021, Chatham House. URL: <https://www.chathamhouse.org/2021/03/indo-pacific-strategies-perceptions-and-partnerships/02-us-and-indo-pacific>

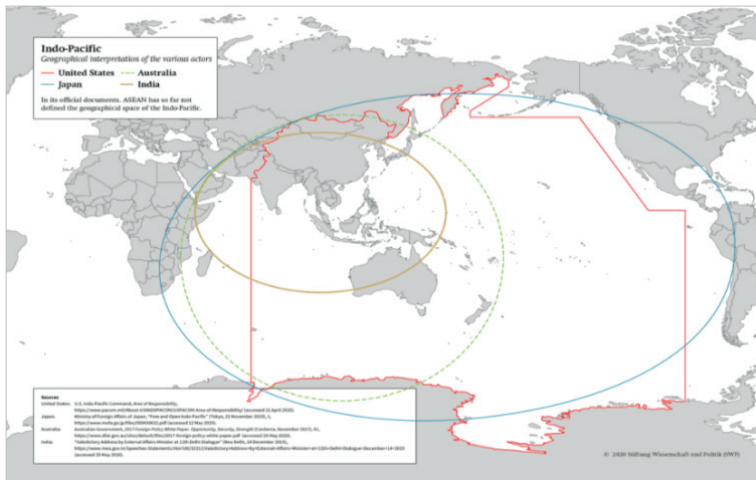

Figure 1. Area of Operations for QUAD and AUKUS

Source: <https://bahria.edu.pk/polaris/the-us-free-and-open-indo-pacific-strategy-implications-for-china-2017-present/>

All of these developments in the region are not only clearly challenging the BRI and NSTC (North South Trade Corridor) connectivity initiatives, but also focus on encircling and containing China, Iran and Russia, entangling Pakistan into it. Any attempt to out compete China and constrain Russia necessarily involves the encircling architecture in Indo Pacific which directly implicates Pakistan. Pakistan assumes more importance in this scenario as it happens to be on the cusp of most important part of Indian Ocean having the potential to provide huge opportunity to Russia and China with an alternate shortest route and to exert influence in the Indian Ocean. If you see the map of Pakistan (Figure-2), on its Eastern borders it has its arch rival and enemy India, in the North the time-tested greatest friend, China, in the North West, extremely instable Afghanistan, in South West sanctions ridden Iran and in the South Arabian Sea and Persian Gulf opening into the Indian Ocean, the great game arena (Figure-2).

Therefore, Pakistan offers a great opportunity in the form of Gwadar port; an already established very important deep-sea port with huge trade potential and also Jiwhani Port with a complete strategic positioning at the mouth of Persian Gulf and the Strait of Hormuz on one hand, the Arabian Sea and far, on the other hand. This brewing strategic environment calls for a regional response in which Pakistan's natural alliance is, with China, Iran, Russia and Turkiye. The natural choice of the US to pose regional challenge to China is India. India's elevation to the status of Net Security Provider and the US's unfaltering support in enabling this alliance with operational capacity building agreements brings more pressure on to Pakistan. The foundational

agreements signed between the US and India enables the mutual exploitation of military hardware, bases, geo spatial data sharing and intelligence and reconnaissance sharing¹².

Figure 2. Map of Pakistan

Another reality is the Russia-Ukraine war with huge regional and global implications. The strategic location of this war makes it a global conflict at the choke point of Eurasia. This conflict has three basic implications; affecting oil supplies in the global market, impacts of sanctions on Russia's gas supply to Europe and plausible global bifurcation over the response to conflict. As a consequence, to this war Russia has not only been able to establish its position in this region but also it stays firm on its position to not let the West and in particular, NATO, to expand. Russia reestablishes its influence on the trade routes of Black Sea also. This region has become the global flashpoint of military conflict and energy politics intricately wrapped. The immediate message it sent into the adjacent Middle East, in particular, and the world generally that Ukraine is paying a heavy price of believing in the US guarantees of security and support in conflict¹³. The agreement it signed to allow Ukrainian wheat supplies through the ports of Black Sea is practically under the watch and influence of

¹² Zainab Ahmed. "Great Power Rivalry in Indo Pacific: Implications for Pakistan", 2021, Strategic Studies Vol. 41 (4). URL: https://issi.org.pk/wp-content/uploads/2022/02/4-SS_Zainab_Ahmed_No-4_2021.pdf

¹³ Medlir Mema. "A Regional Perspective on the Russia-Ukraine Conflict", Middle East Policy Council, July 3, 2022. URL: <https://mepc.org/commentary/regional-perspective-russia-ukraine-conflict>.

Russia. Any disturbance in this supply under the watch of Russia send global waves of uncertainty in food supplies¹⁴The US National Security Strategies since 2017 have been categorizing Russia as a 'malign factor' in global politics¹⁵. It is considered by the US to be the biggest support and major strategic partner of China. Russia-Ukraine conflict has also been designed at hitting the main point of BRI connectivity with Europe through Russia by affecting the Middle Corridor.

Strategic Place of Pakistan and Evolving Role

Amid all this situation of rising tensions and conflicts of various kinds and forms, the US-China competition and the US desire to suppress Russia in Europe, the multipolar and multilateral trends in the global trade and connectivity are under extreme pressure. Pakistan is strategically an extremely important country which is serving as a lynchpin in BRI connecting its land and sea routes. In this situation Pakistan's position even gets more important to connect and provide an important and safe alternate route to global and regional trade and in particular for the Central Asia, China, Iran and Russia through the strategic Gwadar Port. Pakistan faces immense pressure from the growing influence from the US, militarization and exceeding US support to India.

Today, Pakistan is facing major internal and external problems. After the alleged Regime Change operation by the US, toppling the democratically elected majority government, the Country has plunged deep into economic and political crises and instability, the instable Afghanistan is a source of terrorism, not only, inside Pakistan but also in the region, the dictations from IMF and blackmailing pressures from FATF have made Pakistan internally vulnerable. The extreme external pressures and pressures from the US to pull Pakistan into US China Containment Policy and to use Pakistani soil against Afghanistan, China, Iran and Russia and for controlling the region. Another major undeniable factor is Iran-Saudi Arabia rivalry which is a huge challenge for the region and the Strait of Hormuz. Here once again Pakistan gets the heat due to its strong relations with both the countries and one of them is also a neighbor.

This pressure and its dire need to uplift its economy, joins Pakistan with Asian nations to have safe trade routes. Russia has recently opened the North South Trade Corridor (NSTC) from Saint Petersburg to Mumbai (Figure-3) through a short route via Iran, evading the longer route through Mediterranean Sea.

¹⁴ "Russia changes course, rejoins key Ukraine grain export deal". CNN, November 2, 2022. URL: <https://edition.cnn.com/2022/11/02/europe/russia-resumes-ukraine-grain-deal-intl/index.html>

¹⁵ "National Security Strategy of the United States of America," The White House, Washington: 2017. URL: <https://www.hsdl.org/c/abstract/?docid=806478>

Figure 3. Russia's North South Transport Corridor

Source: <https://www.onthemosway.eu/international-north-south-transport-corridor-set-to-expand-capacity>

This route passes through Iran traversing Pakistan's coastline. It can be of great multilateral benefit if this route also passes through Pakistan. Although, Iran offers an opportunity through Bandar Abbas connecting to Mumbai yet the sanctions are a challenge therefore, inclusion of Pakistan can also provide alternative land routes, enhancing the strategic importance, in case the Port of Bandar Abbas has been blocked by the US or NATO Navies in the Persian Gulf.

The major oil trade emanating from Persian Gulf into the Indian Ocean Region and being hub of 40% global commercial trade, 64% of global oil trade, and 40% of global oil supply¹⁶ the Persian Gulf and the Arabian Sea reinvigorates their unique place in the region. Asia and Africa, collectively inhabit 64% of global population. The presence of NATO Navies under the CENTCOM project of Combined Maritime Force (CMF) with three Task Forces CTF150, 151 and 152, (Figure-4) in the region is an alarming situation. About 80% of China's energy imports and 95% of goods transport pass through Indian Ocean.

All the major chokepoints of Indian Ocean are under the influence and military control of the US and India¹⁷. Although, their role has been portrayed

¹⁶ Sajjad Ashraf. "America Seeks Partner to Contain China in the Indian Ocean", July 22, 2021, China US Focus. URL: <https://www.chinausfocus.com/peace-security/america-seeks-partner-to-contain-china-in-the-indian-ocean>

¹⁷ Sajjad Ashraf. "America Seeks Partner to Contain China in the Indian Ocean", July 22, 2021, China US Focus. URL: <https://www.chinausfocus.com/peace-security/america-seeks-partner-to-contain-china-in-the-indian-ocean>

as "anti-Piracy/anti-terrorism" but often they are blocking shipments from and to Iran which changes their role to strategic and not the peace-keeping. It is to be noted that QUAD was also started to help Tsunami victims and providing vaccination but got converted into a strategic alliance against China in the Indian Ocean. CMF is no different, as and when required it will be used against not only Iran but also to block the influence of China and Russia in the region by chocking or blocking their sea trade routes into Indian Ocean. In addition, the CMF will also be controlling all oil trade from the Persian Gulf. At present over 80% of Pakistan's oil and gas supplies come from the Persian Gulf.

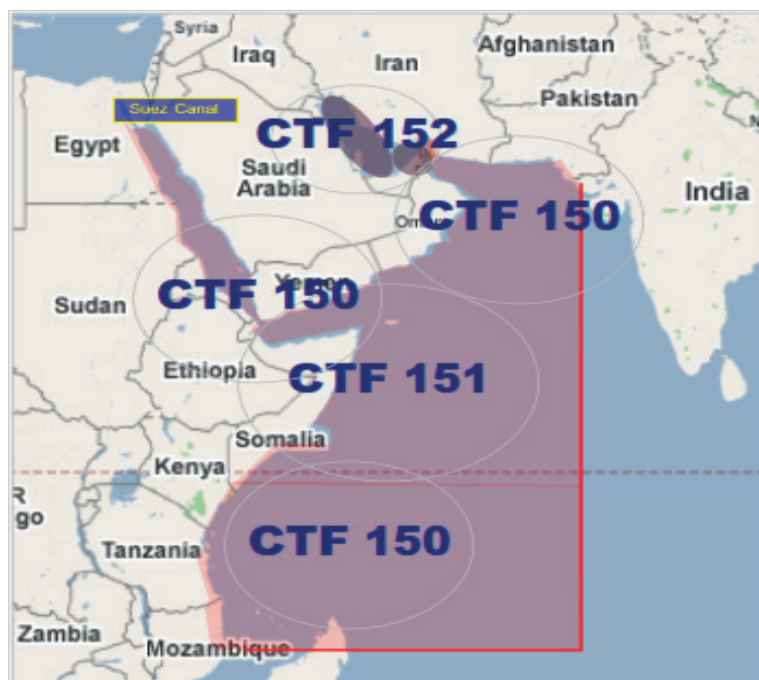

Figure 4. CMF Task Forces

This is the century of connectivity and trade and global politics revolving around geo-economics. Pakistan also provides with huge opportunity for digital connectivity through being a choke point of optical fiber network in the region. Pakistan has the potential to provide, from Gwadar, with a myriad of land, railways network and sea routes connecting Central Asia, Eurasia and Russia with South Asia, South East Asia, Middle East, Africa and Indian Ocean Rim on one hand, and for China with Africa, Middle East and Indian Ocean on the other (Figure-5).

The situation in Afghanistan and convergent stake of regional security for China, Pakistan and Russia entangle them further to join hands on var-

ious issues emanating from Afghan soil. The trade corridors through Pakistan can further help in bringing the regional countries together. Pakistan with its geostrategic and geopolitical significance also has imminent problem of its energy (oil and gas) needs and development of advanced infrastructure, yet it offers a huge return in shape of a shortest connectivity for the region. The port of Gwadar has the capacity to accommodate tankers, oil pipelines and cater to digital connectivity. The strategic significance of this port increases manifolds in the present circumstances. It has the potential to provide considerable trade connectivity alternative to the region and can be joined with the routes of Central Asia, East Europe, Iran and Russia. The port had already 200 meters long three multipurpose berths with capacity of catering to 50,000 deadweight tonnage carriers at the rate of 12.5 meters depth. In 2020, government had allowed transit trade imports for further transportation to Afghanistan¹⁸.

Figure 5. Alternate Land Routes for Regional Connectivity

Conclusion

It is an established reality that the US is a waning power exhibiting China as the declared target, which also knits Russia as a part of this containment target. China has shown clear signs of surviving this competition with an elevated status and after Russia-Ukraine conflict, Russia has also shown its capac-

¹⁸ "Government to enhance Gwadar port's scope & capacity", China Radio International, August 9, 2020. URL: <http://cpecinfo.com/government-to-enhance-gwadar-ports-scope-capacity/>

ity to absorb the impact of stringent sanctions yet bringing Europe at a break-away point with the US on gas supplies. The Indo-Israel-US alliance is clearly challenging China and Russia which naturally involves Pakistan, Iran and Turkey. The bilateral concrete engagements pave the way for strengthened multilateralism. Pakistan and Russia have the capacity to bolster ties with huge mutual benefit for each other. However, new possibilities are to be discovered and created to find a way to bolster mutually, which primarily is available in connectivity. Pakistan, China, Iran, Russia and Turkiye also share so many interests in this new world of twenty first century. The opportunities and challenges vary from strategic to economic and trade to diplomacy. Russia, a large emerging economy, can capitalize upon Pakistan's strategic location, its potential making it seventh largest retail market globally and its fulcrum position to keep regional and global balance of power. In the wake of above challenges Pakistan offers a unique regional opportunity to International North South Trade Corridor via Iran for unhindered connectivity. The entire Asia, Europe, and Africa can capitalize upon Pakistan natural strategic advantage. Pakistan and Russia have the capacity to bolster economic and political ties with huge mutual benefits. Like China, Russia's strategic economic collaboration and support to Pakistan for its economic recovery in the fields of agriculture, energy, advanced industry, infrastructure and other sectors will mater a lot in Pakistan's struggle for self-reliance and pursuing its independent foreign policy. Russia can also capitalize upon Pakistan's strategic location and its fulcrum position to keep regional and global balance of power. It is a high time that we the regional countries must form a strategic economic cooperation bloc or a group, with common currency, common market with barter trade, mutual and shared economic development and to safeguard national economic security.

As late President Field Marshal Ayub Khan said "Pakistan needs friends not masters".

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Хаснаин Реза Мирза – основатель и президент «Экономического форума Золотого кольца» (ГРЕФ) – аналитического центра по исследованию политики стратегического экономического сотрудничества, работающего над созданием нового Стратегического экономического блока из Китая, Центральной Азии, Ирана, Пакистана, России и Турции. Лахор, Пакистан

Hasnain Reza Mirza – Founder and President of the Golden Ring Economic Forum (GREF) – a Strategic Economic Cooperation Policy Research think-tank working on formation of a new Strategic Economic bloc of China, Central Asia, Iran, Pakistan, Russia and Turkey. Lahore, Pakistan

Зайнаб Ахмед – старший научный сотрудник аналитического центра «Экономический Форум Золотого Кольца» (ГРЕФ), канд. наук в области международных отношений, доцент Лахорского гарнизонного университета. Лахор, Пакистан.

Zainab Ahmed – Senior Research Fellow at GREF, Ph.D (International Relations), Assistant Professor at Lahore Garrison University. Lahore, Pakistan

Раскрытие информации о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 12.10.2022. Одобрена после рецензирования: 26.10.2022.

Принята к публикации: 26.10.2022. Опубликована: 29.12.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure

The authors declare that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 12.10.2022. Approved after peer reviewing: 26.10.2022.

Accepted for publication: 26.10.2022. Published: 29.12.2022.

The authors have read and approved the final manuscript.

ЭКОНОМИКА

ECONOMICS

Научная статья. Экономические науки
УДК 323.2+338 (549.1)
<https://doi.org/10.31696/2227-5568-2022-04-100-112>

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРИЧИНЫ ОБОСТРЕНИЯ ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В ПАКИСТАНЕ

Вячеслав Яковлевич Белокреницкий

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
eniysky@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0001-8471-928X>

Аннотация. В статье рассматриваются основные экономические причины, создавшие социальный фон, на котором с февраля 2022 г. резко обострилась внутриполитическая ситуация в Исламской Республике Пакистан. Автор выделяет несколько тенденций – замедление темпов роста экономики, обвал на валютном рынке, рост инфляции, внешнего долга, усиление бедности и неравномерности в доходах – как демонстрирующие неудачи в деятельности правительства во главе с премьер-министром Имран Ханом. Вместе с тем, не они, по мнению автора, привели к замене кабинета министров в апреле 2022 г., а обстоятельства иного, политического и внешнеполитического, характера.

Ключевые слова: Пакистан, экономические причины, политическая ситуация, Имран Хан

Для цитирования: Белокреницкий В. Я. Экономические причины обострения внутриполитической ситуации в Пакистане. *Восточная аналитика*. 2022;13(4):100–112. <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2022-04-100-112>.

Original article. Economics studies

ECONOMIC REASONS OF THE AGGRAVATION OF THE POLITICAL SITUATION IN PAKISTAN

Vyacheslav Belokrenitsky

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
eniysky@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0001-8471-928X>

Abstract. The article discusses the main economic reasons that created the social background, on which the internal political situation in the Islamic Republic of Pakistan has sharply worsened since February 2022. The author identifies several trends – a slowdown in economic growth, a collapse in the foreign exchange markets, an increase in inflation, and external debt, growing poverty and income inequality – as demonstrating the failures of the government led by Prime Minister Imran Khan. At the same time, these were not the reasons, according to the author, that led to the replacement of the government in April 2022, but factors of the other, political and foreign policy, nature.

Keywords: Pakistan, economic factors, political situation, Imran Khan

For citation: Belokrenitsky V. Y. Economic Reasons of the Aggravation of the Political Situation in Pakistan. *Vostochnâ analitika = Eastern Analytics*. 2022;13(4):100–112. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2022-04-100-112>.

This work is licensed under a Creative Commons
Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

С февраля 2022 г. политическая жизнь в Пакистане попала в полосу турбулентности. После визита в Москву премьер-министра страны Имран Хана над его правительством нависла угроза. Премьер встретился с президентом В. В. Путиным спустя несколько часов после объявленной им специальной военной операции против Украины. Совпадение событий вызвало, судя по всему, сильное раздражение в Вашингтоне. Надо иметь в виду, что пакистанская экономика к тому моменту оказалась в крайне тяжелом положении и остро нуждалась в серьезной помощи со стороны США и контролируемых ими международных финансовых институтов. Вашингтон полагал, что попытка И. Хана сохранить нейтралитет в обострившихся отношениях между США и Россией является выражением нелояльности и нарочитой бравады. Пакистанский премьер своей встречей как бы одобрил действия России, что в США восприняли весьма и весьма болезненно. Как стало известно позднее, помощник госсекретаря США Дональд Ли в беседе с послом Пакистана в Вашингтоне дат понять, что американцы не одобряют поведение премьера. Посол направил в Исламабад зашифрованную телеграмму, в которой сообщал о степени недовольства американцев. Вопрос о содержании шифровки стал поводом для обострения политического противостояния вплоть до осени, то есть на протяжении полугода, прошедшего после объявления Имран Хану как премьер-министру вотума недоверия нижней палатой парламента.

Процесс вынесения вотума в целом соответствовал конституции, но ему предшествовал отказ части депутатов от правящей партии поддержать премьера, что и предрешило исход голосования. Хотя И. Хан был вынужден подчиниться, и в начале апреля был заменен на посту главы правительства лидером оппозиции Шехбазом Шарифом, он не прекратил борьбы. Обвинив армию в нейтралитете, которая на деле сыграла на руку его противникам, Имран призвал активистов и сторонников своей партии Пакистанское движение за справедливость (ПДС, на урду – *Пакистан Техрик-е-инсаф*) выйти на улицу и протестовать против прихода к власти «импортированного» (насажденного извне) кабинета министров. При этом он старался не называть Америку по имени, но все в Пакистане понимали, о какой стране идет речь. Думается, что такая тактика, очень напоминающая ту, что избрал другой популярный лидер страны З. А. Бхутто накануне своего свержения военными в 1977 г., осложняет его положение. Впрочем, вопрос о власти далеко еще не решен, и мы вернемся к нему в заключении.

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

Основная часть статьи посвящена экономическим причинам политического кризиса, который был достаточно острым и до поездки И. Хана в Москву и выражался, прежде всего, в жестком противостоянии между правящей ПДС и коалицией оппозиционных сил под названием Пакистанское демократическое движение (ПДД). Основу коалиции составила Пакистанская мусульманская лига (Н). За литером Н. стоит имя бессменного главы партии Наваза Шарифа, возглавлявшего пакистанское правительство три раза в 1990–1993, 1997–1999 и 2013–2016 гг. С 2016 по 2018 гг. правительство ПМЛ(Н) возглавлял Ш. Х. Аббаси, соратник Наваза (сам он лишился статуса парламентария и возможности оставаться премьером из-за обвинений в «нечестности»). В коалицию в качестве второй опоры входит Пакистанская народная партия (ПНП), основанная З. А. Бхутто в конце 1960-х гг. и возглавляемая ныне его внуком, сыном бывшего премьера Беназир Бхутто и бывшего президента А. А. Зардари Билавалом Бхутто-Зардари. Проявлениями политического кризиса, помимо острой межпартийной борьбы, надо считать скрытую конкуренцию между политиками и военными. Последние сохраняют за собой фактический контроль за ситуацией, удовлетворяясь ролью неперемennого участника высшего совещательного органа – Национального совета безопасности. В конфликт между гражданской и военной властью втянуты также президент (символическая) и Верховный суд (судебная власть).

Стоит отметить, что валютекущий кризис в Пакистане обострился после неожиданной полной победы в августе 2021 г. в соседнем Афганистане радикального исламского движения «Талибан» (запрещено в РФ). В союзе с последним находится «Пакистанское движение талибан» (*Техрик-е-талибан Пакистан*), угрожающее стабильности и правопорядку на пакистанской территории пуштунских племен. Вопрос об отношении к афганским и своим талибам способствовал обострению кризиса власти. Подрывные действия боевиков в межгорных долинах и котловинах территории племен усугубляют обстановку на всем пуштунском северо-западе страны, включающем, помимо провинции Хайбер-Пахтунхва (с 2018 г. в нее входит и бывшая Территория племен федерального управления), северную часть провинции Белуджистан¹.

* * *

Итак, переходя к обсуждению экономических причин политического кризиса, можно выделить следующие факторы и тенденции:

¹ О начальных годах деятельности коалиционного правительства во главе с Имран Ханом см: *Замараева Н. А.* Пакистан: демократические институты и армия (вызовы 2018–2020 гг.) – Мусульманский Ближний и Средний Восток: современные процессы, история и историография. М., 2021, ИВ РАН, с. 317–335.

I. Снижение темпов роста экономики

Понижение наблюдалось в среднем на протяжении пребывания у власти правительства во главе с ПДС в 2018–2022 гг. и заметно при сравнении с темпами роста ВВП при кабинетах ПМЛ (Н) в 2014–2018 гг.

Таблица 1

Экономический рост в Пакистане, %²

Годы *(июнь-июль)	Прирост ВВП**
2013–14 г.	4,7
2014–15 г.	4,7
2015–16 г.	5,5
2016–17 г.	5,6
2017–18 г.	5,8
2018–19 г.	1,1
2019–20 г.	- 0,9
2020–21 г.	3,9***
2021–22 г.	2,5****

* Финансовые годы – 1 июня – 31 июля.

** В рупиях в постоянных ценах 2005/06 г. (согласно данным Азиатского банка развития).

*** Оценка министерства финансов Пакистана: согласно Всемирному банку – 3,5.

**** Предварительная оценка министерства финансов.

Согласно скорректированным по состоянию на начало 2022 г. показателям, прирост в 2020/21 г. составил 5,7%, а предварительные оценки прироста в 2021/22 г. равнялись 5,9%. Таким образом, экономика Пакистана продемонстрировала выход из кризиса 2018/19 г., что как будто не ожидалось экономистами, работающими в министерстве финансов Пакистана, а тем более специалистами по пакистанской экономике в ведущих международных организациях (МВФ и ВБ) и частных рейтинговых агентствах. Они оценивали показатели роста ВВП в 2021 и 2022 гг. неизменно ниже, чем национальные ведомства.

Но и с учетом последних корректировок среднегодовой темп роста за пять лет с 2014 по 2018 гг. составил 5,3%, а за четыре года с 2019 по 2022 гг. – 3,0%. Таким образом, за четыре года пребывания у власти кабинет И. Хана не добился стабильного и существенного роста экономики, особенно с учетом высокого прироста населения более чем на 2% в год³.

² В капитальной работе С. Н. Каменева приведены несколько иные данные о росте ВВП в период пребывания у власти правительства ПМЛ(Н), основанные на национальной статистике: 2014 фин. г. – 4,0%, в 2015 г. – 4,1%, в 2016 г. – 4,5%, в 2017 г. – 5,3%. См.: Каменев С. Н. История экономических процессов в Пакистане (XX – начало XXI в). – М., 2019. – С. 122.

³ О некоторых итогах на начало 2020 г. см.: Белокреницкий В. Я. Современное состояние пакистанской экономики // Восточная аналитика. 2020. № 2. С. 13–24.

Помимо субъективных, зависящих от экономической политики правительства, для этого были и объективные причины – пандемия COVID-19 и вызванное ей сокращение спроса на мировых рынках, а также неблагоприятные условия в виде нашествия на поля вредителей (саранчи) весной 2019 г. и разрушительных паводков осенью 2020 и 2021 гг. Доступный сельхозкредит вместе с тем поддержал сельскую экономику, а увеличение денежной массы в обращении и размеров кредитования расходов по производству товаров и услуг помогли удержать национальное хозяйство от глубокой длительной рецессии.

II. Обвал на валютном рынке

Если обменный курс пакистанской рупии на долл. США (далее долл.) держался в середине 2010-х гг. на неизменном уровне примерно в 90–100 рупий (в Индии в тот период для сравнения 60–70 рупий), то в 2021 – начале 2022 гг. он понизился до 160–170 рупий, затем пробил потолок (точнее, пол) в 180 рупий⁴, приблизившись к 190 рупиям. Произошло это, правда, уже при новом кабинете и во многом вследствие политики министра финансов Мифтаха Исмаила, который шел на удовлетворение всех требований и пожеланий МВФ, чтобы получить его согласие на скорейшее возобновление помощи в рамках пакета, предоставленного Пакистану в 2019 г. Одобрение МВФ с большим трудом было получено лишь в конце августа. К тому времени курс рупии упал сначала ниже 200 рупий, скатившись в июле до рекордных 240 рупий за доллар США.

Обвальное обесценение рупии, наряду с готовностью принять навязываемые МВФ меры по установлению надбавки на цену бензина и другие топливные товары привели к усилению и без того высокой инфляции и вызвали тревогу новой правящей коалиции в связи с потерей популярности. Свидетельством этому были результаты проведенных в августе довыборов в нижнюю палату парламента, в результате которых победу в большинстве округов одержала ПДС Имран Хана. После консультаций с главой ПМЛ(Н) Навазом Шарифом, находящимся пока еще под следствием и проживающим в Лондоне, было принято решение о замене министра финансов на Исхак Дара, возглавлявшего министерство в 2013–2017 гг. Будучи фактически членом семьи Наваза (его сын женат на дочери Наваза), Дар в свое время обладал полномочиями второго лица в правительстве, а проводимая им политика стабильно

⁴ 1 апреля еще при кабинете И. Хана обменный курс опустился до 183,7 рупий, а в начале года составлял 172,3. *Iqbal S.* Rupee plunges after SBP reserves fall by \$2/9 bn. URL: <http://www.dawn.com/news/1254598/rupee-plunges-after-SBP-reserves-fall-by-%2,9%bn> (дата обращения: 1.04.2022).

завышенного курса рупии получила в Пакистане название «дарономики». Завышенный курс негативно влиял на экспортные возможности страны, касаясь, прежде всего, основного для товарного экспорта текстильного сектора, и его возвращение в страну из добровольной ссылки, немедленное избрание сенатором и вступление в должность министра финансов было с настороженностью встречено деловыми кругами. Бывший министр М. Исмаил, промышленник из Карачи, обладающий ученой степенью по экономике, видимо, в большей степени удовлетворял предпочтениям крупного бизнеса и международного капитала. Но после назначения И. Дара курс рупии, как и ожидалось, пошел вверх, но поднялся не намного до 220 рупий, зато котировки на главной Карачинской фондовой бирже стали снижаться. Впрочем, заинтересованность США в поддержании на плаву пакистанской экономики и сохранении у власти нынешней правительственной коалиции может создать условия, которые позволят обновленному составу кабинета повысить популярность среди избирателей, заинтересованных в обуздании инфляции. Между тем, и результаты последних довыборов в федеральный и провинциальные парламенты, состоявшиеся 16 октября, отразили сохраняющуюся популярность Имран Хан⁵.

III. Ускорение инфляции

Рост цен на потребительские и капитальные товары в середине 2010-х гг. не превышал минимальных значений (в среднем менее 5% в год). При И. Хане инфляция стала двузначной или близкой к 10%⁶. За последние годы быстрыми темпами (на 20–30%) росли цены на продовольствие и товары первой необходимости. Крайне непопулярным, как легко понять, был спурт цен на бензин и другое автотопливо. Парк автомобилей в Пакистане за последние десятилетия серьезно вырос. Наряду с автомобилями, увеличилось количество автобусов, грузовиков, джипов и средств малого пассажирского транспорта – скутеров, мотоциклов, мопедов и моторикш.

Рост цен на нефтепродукты при правительстве Имран Хана сопровождался ухудшением работы энергетической системы – участились перебои с подачей электроэнергии в крупных городах, т. н. «веерные отключения», охватившие в том числе почти 20-миллионный Карачи. Помимо

⁵ Editorial. Imran's victory. URL: <http://www.dawn.com/news/1715634/imrans-victory> (дата обращения: 18.10.2022).

⁶ Дефлятор ВВП в 2014 фин. г. равнялся 7,4, а индекс потребительских цен – 8,6%, в 2015 г. – соответственно 4,3 и 4,5%, в 2016 г. – 0,5 и 2,9%, в 2017 г. – 4,0 и 4,8%, в 2018 г. – 2,4 и 4,7%, в 2019 г. – 8,6 и 6,8%, в 2020 г. – 10,1 и 10,7%, в 2021 г. – 9,8 и 8,6%. Pakistan Economic Survey 2020–21. Economic and Social Indicators. Table 1. P. 2. URL: www.finance.gov.pk/survey/PES_2020-21.pdf (дата обращения: 07.02.2022).

того, усилились воровство и технические потери при передаче электроэнергии. В результате на государственный бюджет все в большей степени ложились расходы по покрытию разницы между предоставленной потребителям электроэнергии и оплатой ее ими. Существующий в результате этого т.н. циркулярный, или постоянно возобновляемый, долг увеличился к 2022 г. до 15,5 трлн рупий, более чем вдвое по сравнению с июлем 2018 г.⁷ Причем этот долг казна выплачивает частным компаниям, занимающимся распределением и продажей электроэнергии. Таких компаний немного, они созданы для обслуживания нужд определенного региона. В главном промышленном центре Карачи действует самая старая из них, возникшая как государственная, а затем проданная в частные руки (при этом сведения о владельцах Карачинской электрической компании не раскрываются).

В годы правления Имран Хана неуклонно росли цены на продовольствие, прежде всего, пшеничную муку, которую надо было ввозить, в том числе и из России. Правительство, кстати, оказалось, образно говоря, между молотом и наковальней – необходимостью поддержать сельского производителя повышенными закупочными ценами и обеспечить низкими ценами бедное городское население.

И то, и другое требовало увеличения субсидий, увеличение которых вызывает неизменную критику международных спонсоров. Наряду с сохранением субсидий на высоком уровне таким же оставался и бюджетный дефицит. Норма дефицита (отношение к ВВП) колебалась в 2019–2021 гг. в районе высоких 6–8%. Основная часть кумулятивных расходов (федерального центра и провинций) шла на текущие, а не капитальные цели. Среди текущих ассигнований львиная доля направлялась на военные нужды и обслуживание госдолга. Рост ассигнований по этим статьям, хотя и умеренный по части расходов на текущие военные цели, сочетался в годы правления ПДС с сохранением на низком уровне собираемости налогов.

Отношение налоговых и прочих текущих поступлений в бюджет к ВВП не превышало 7–9%. По этому показателю Пакистан находится на одном из последних мест в мире и на самом последнем среди государств Южной Азии (для сравнения, в Индии – 13–15%). Неспособность правительства И. Хана обеспечить сдвиг в этой области – свидетельство неизменности социальной политики пакистанских администраций, их нежелании облагать повышенным налогом богатых и сверхбогатых (не платят налоги, по оценкам прессы, не менее 3 млн человек), вводить

⁷ Husain. K. Where does Pakistan's economy go from here? URL: <http://www.dawn.com/news/1715309/where-does-paksitans-economy-go-from-here> (дата обращения: 16.10.2022).

реальный и эффективный налог на владение землей, в первую очередь, сельскохозяйственными угодьями, а также городской недвижимостью. Доходы от сельского хозяйства при Имран Хане, как и раньше, пользовались иммунитетом, и даже разговоры об их введении публично, как правило, не велись (крупная земельная собственность имеет в Пакистане, по всем признакам, статус «священной коровы»). Малая собираемость государственных налогов во многом определяла низкую норму сбережений и ненамного более высокую норму накоплений⁸. Все это создавало порочный круг стагнирующего экономического роста.

Помимо причин, воздействующих в основном на низы общества и действующих через цены и доступность товаров и услуг, а также – через доходы самозанятых и заработную плату наемных работников, выделяются факторы ухудшения делового климата, возможностей делать бизнес в Пакистане. Причины при режиме Имран Хана оставались прежними – бюрократическая волокита, кумовство, личные связи, в целом высокая коррумпированность госаппарата сверху донизу, начиная с верхних этажей власти и кончая низшими ее звеньями в виде институтов местного самоуправления, деревенских и поселковых советов, городских советов и муниципалитетов.

IV. Рост внешней задолженности

В добавление к снижающемуся обменному курсу местной валюты, в годы правления И. Хана наблюдался стремительный рост внешней задолженности. Увеличение внешнего долга непосредственно вызывалось высоким уровнем дефицита текущего платежного баланса и низкими валютными резервами. Оба параметра обусловлены дефицитом внешней торговли, в первую очередь торговли товарами (в меньшей – услугами), т. е. хроническим большим превышением импорта над экспортом. Источником пополнения валютных резервов помимо экспорта служили поступления от пакистанцев, работающих за рубежом. Эти поступления неуклонно и быстро росли в течение 4 лет правления ДПС и служили подспорьем для резервов. Но попадая на пакистанский рынок, они способствовали росту спроса на импортные товары и тем самым увеличению импорта сверх возможностей, которые давал экспорт.

Надо отметить, что внешнеторговый и платежный дефициты были велики уже к началу правления ПДС. Несмотря на попытки сократить

⁸ Объем прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в Пакистане никогда не был значительным. В 2021 г. он уменьшился почти на треть, с 2,3 млрд до 1,6 млрд долл. *Siddiqi S.* Foreign investment drops 32,5% in 10 months. URL: <https://tribune.com.pk/story/2301017/foreign-investment-drops-3255...> (дата обращения: 22.05.2021).

торговый дефицит, он в 2020–21 г. вырос по сравнению с 2019–20 г., превысив 21 млрд долл.⁹ У Пакистана, заметим, одна из самых низких в мире норм товарного экспорта, т. е. отношения экспорта к ВВП. При этом, в отличие от Ирана, его экономику нужно отнести к категории открытых. Тем не менее, нишу для экспорта своих товаров Пакистан не нашел, самая крупная по размерам текстильная промышленность не утвердилась в полной мере на мировом рынке, в отличие, например, от промышленности готовой одежды Бангладеш, а также многих отраслей, как традиционных, так и новых, Индии и ряда других стран. При Имран Хане мало что изменилось к лучшему для промышленного сектора, в том числе для мелкой и средней промышленности, которая обеспечивает заметную часть поступлений от вывоза готовых изделий (спорттовары из кожи, стальные хирургические инструменты, ковры и др.).

Между тем внешняя задолженность возросла, и существенно, несмотря на желание ее сократить и избавиться от зависимости извне. Декларативные попытки натолкнулись на непреодолимые препятствия. Правительству Имран Хана пришлось вновь, в 22-й раз за 60 с небольшим лет, обратиться к МВФ с просьбой о предоставлении кредита¹⁰. Нужно отметить, что и предшествующее правительство ПМЛ(Н), пришедшее к власти после победы на выборах в 2013 г., начало свою деятельность в финансовой сфере с получения займа в 6,8 млрд долл. от МВФ. После долгих проволочек и подспудных препирательств кабинету И. Хана удалось заручиться согласием на выделение займа в 6 млрд долл. сроком на 3 года и заключить соответствующее соглашение летом 2019 г. Вместе с заимствованиями у дружественных государств (КНР, КСА и ОАЭ), как правило, экстренными и краткосрочными (максимум на три года), а также целевыми кредитами Всемирного банка и Азиатского банка развития, долг увеличился за время правления Имран Хана, согласно данным МВФ, с 66 до 100 млрд долл. (причем ровно треть – 33 млрд – приходится на обязательства перед КНР)¹¹. Хотя по национальным оценкам внешний долг в 2022 г. был несколько меньше (90,6 млрд долл.), он в любом случае равнялся примерно трети ВВП. По расчетам иностранных частных агентств, в 2023 фин. г. Пакистану придется выплатить неподъемную сумму в 15,5 млрд долл. Реальным представляется дефолт, невыполнение обязательств по внешним займам уже в конце 2022 г.

⁹ Pakistan Economic Survey 2020–21. Overview of the Economy. P.xiy. URL: www.finance.gov.pk/survey/chapters_2/overview.pdf (дата обращения: 22.10.2021).

¹⁰ Abbasi S. 22 loans in 61 years: Pakistan's unwavering habit of going to the IMF. URL: <http://www.dawn.com/story/1744023/22-loans-in-61-years...> (дата обращения: 19.04.2019).

¹¹ Husain K. Where does Pakistan's economy go from here? URL: <http://www.dawn.com/news/1715309/where-does-pakistans-economy-go-from-here> (дата обращения: 16.10.2022).

Стоит учесть, что возросла при И. Хане и нагрузка от роста внутреннего долга. К внутренним заемным источникам государство широко прибегало в целях погашения расходов на обслуживание ранее сделанных позаимствований. Совокупный государственный долг (внутренний и внешний) стабильно превышал три четверти ВВП¹².

V. Рост безработицы и бедности

Среди экономических причин кризиса важное подспудное место занимает высокий уровень безработицы и широкое распространение неполной занятости, сезонной в сельской местности и постоянной в городской. Помимо экономических, на эти показатели действует демографический фактор – молодая структура населения (средний возраст по медиане – 22 года, т. е. половина населения состоит из детей, подростков и молодежи, 20% – молодые люди от 15 до 24 лет)¹³.

Несмотря на некоторые расчеты, говорящие о тенденции к снижению уровня бедности в последние десятилетия, кардинальных сдвигов в борьбе с бедностью не произошло. Более того, как следует из наблюдений не только над ситуацией в Пакистане, но и в других развивающихся странах Востока, тренд к улучшению социальных показателей сохранялся до середины 2010-х гг., затем он прервался, положение ухудшилось и в области доступности продовольствия, и по другим аспектам бедности¹⁴. Для перенаселенных стран Южной Азии, включая Пакистан, доля бедных колеблется на отметке в треть или более трети (до 40%) населения, крайняя бедность (нищета) далеко не изжита¹⁵. При Имран Хане государство оказывало поддержку обездоленным слоям – продолжала действовать программа благотворительной помощи имени Беназир Бхутто, вводились новые схемы помощи по программам «эхсас» («действенного сострадания»), но главными факторами, способствующими некоторому облегчению бедственного положения людских масс и повышению их благосостояния, оставалась частная благотворительность, весьма распространенная в Пакистане, и переводы денег от пакистанцев, работающих за рубежом. Переводы за 20 лет нынешнего века выросли примерно

¹² Rana S. Pakistan's debt to rise over 78% of GDP: IMF. URL: <https://pakistans-debt-to-rise-to-over-78%-of-gdp> (дата обращения: 16.10.2019).

¹³ URL: www.population.un.org/wpp/Publications/Files/WPP2019_Volume_II_Demographic_Profile-pdf. Р. 912 (дата обращения: 21.12.2021). Интересны, кстати, оценки Демографической службой ООН будущего роста числа жителей в Пакистане. Если в 2019 г. оно равнялось 217 млн, то в 2025 г. – 247 млн, в 2023 г. – 272 млн, в 2040 г. – 325 млн, в 2050 г. – 383 млн. Ibid. Table A-10.

¹⁴ Благодарим И. В. Дерюгину за наблюдение, которым она поделилась с автором.

¹⁵ Kiani K. WB sees poverty rise, muted recovery in Pakistan over two years. URL: <http://www.dawn.com/story/1278975/wb-sees-poverty-rise...> (дата обращения: 8.10.2020).

в пять раз с 3–5 млрд до 20–25 млрд долл.¹⁶ Они стремительно возрастали при Имран Хане, создавая правительству одновременно и отмеченные выше немалые трудности, поскольку во многом из-за них возрастал дефицит торгового баланса и государству требовалась валюта для оплаты импорта. Между тем приток валюты извне по другим каналам сокращался из-за считающейся небезопасной обстановки в стране. Остерегался пакистанского рынка даже спекулятивный капитал, хотя учетная ставка Госбанка долгое время держалась на уровне 13,5%.

За годы правления ПДС увеличился, по всей видимости, разрыв между богатыми и бедными. Неравенство в доходах, измеряемое с помощью коэффициента Джини, обычно для Пакистана оценивалось невысоко (порядка 0,4), но, как отмечает видный пакистанский экономист Ишрат Хусейн, с учетом незарегистрированной, черной экономики (30–40% официального ВВП), этот показатель превысил бы 0,5 (как в некоторых государствах Африки)¹⁷. Неравенство в условиях жизни отражается на умонастроениях в обществе, вызывает разочарование, фрустрацию, стремление уехать из страны в поисках лучшей жизни (по оценкам, за рубежом находится до 20 млн пакистанцев).

Помимо разрывов по вертикали, увеличились, очевидно, в последнее время и разрывы по горизонтали – между более развитыми регионами (северным Панджабом и городским Синдом, прежде всего мегаполисом Карачи) и более отсталыми территориями страны (сельским Синдом, Белуджистаном, провинцией Хайбер-Пахтунхва и полосой горных пуштунских племен). При этом попытки Имрана сдвинуть с места проблему неравномерности не дали результатов. За исключением законодательных акций, а именно соединения полосы племен с провинцией Хайбер-Пахтунхва и продвижения проекта создания новой провинции Южный Панджаб, ничего существенного сделать не удалось.

* * *

Правительство Шехбаза Шарифа после вынесения 10 апреля 2022 г. вотума недоверия премьер-министру Имран Хану (в первый раз в истории страны реализовался заложенный в конституции 1973 г. принцип) подхватило эстафету исключительно серьезных трудностей и проблем. Правительство в конце июня с. г. подвело экономические итоги 2021/22 фин. года. Впервые в истории страны оно отчитывалось перед парламентом за работу в основном прежнего кабинета. Надо отдать

¹⁶ *Iqbal S.* FY20 remittances soar to record \$23 bn. URL: <http://www.dawn.com/news/1568832/fy2-remittances-soar-to-record-23bn> (дата обращения: 14.07.2020).

¹⁷ *Husain I.* Pakistan. The Economy of an Elitist State. Karachi, Oxford University Press, 2006. P. 233.

должное министру финансов М. Исмаилу, который в целом одобрительно отозвался о политике предшествующего кабинета. Что, впрочем, и неудивительно, поскольку основополагающие документы (экономический обзор 2021/22 г. и проект бюджета на 2022/23 г.) готовила неизменная команда экспертов. К тому же экономические итоги года (они подводятся предварительно, по данным за июль–март), как отмечено выше, оказались лучше, чем ожидалось. А потому надо считать, что не экономическая конъюнктура, отраженная в официальной статистике, была главной причиной правительственного кризиса, а факторы иного, политического и даже внешнеполитического характера, о которых говорилось в начале статьи. Вместе с тем, базовым, глубинным для политического кризиса стал сжато проанализированный выше комплекс экономических явлений.

В дополнение к хроническим проблемам, летом этого года добавились новые, в виде катастрофических бедствий, вызванных небывалым наводнением. Проливные дожди начались в июне и закончились лишь в конце августа – начале сентября. Основной удар стихии пришелся на регион к западу от реки Инд – провинции Синд, Белуджистан и Хайбер-Пахтунхва. Вода из рек, оросительных каналов, озер и запруд затопила огромные площади главным образом сельскохозяйственной земли, повредила более миллиона построек, разрушила целые деревни и небольшие сельского типа города. По последним данным, бедствие затронуло 33 млн человек, из них более 3 млн вынужденно покинули свои дома, более 1400 (по другим данным – 1600) человек погибло. Ущерб от «эпического» наводнения оценивается в 10–30 млрд долл. По своим масштабам бедствие 2022 г. превосходит сильнейшее наводнение 2010 г. Причем удар стихии пришелся на едва ли не самую бедную часть страны. Масштабу катастрофы способствовало и то, что уроки из аналогичных бедствий извлечены, судя по всему, не были¹⁸.

Касаясь в завершении перспектив преодоления экономических трудностей и политического кризиса, следует указать на два обстоятельства, заставляющие считать быстрый выход на послекризисный этап развития Пакистана весьма маловероятным. Во-первых, надо иметь в виду ущерб от наводнения, необходимость выделения средств на ликвидацию его последствий. Во-вторых, скажется, очевидно, общая малоблагоприятная обстановка в мировой экономике.

Экономические проблемы будут осложняться традициями политической борьбы и особенностями социально-политического устройства.

¹⁸ Raz B. 2022 floods, a living nightmare. UBL: <http://www.dawn.com/news/1710561/2022-floods-a-living-nightmare> (дата обращения: 17.09.2022).

Наиболее правдоподобными в данный момент представляются три варианта развития событий в политической сфере – парламентские выборы, досрочные или в срок, в ноябре 2023 г., введение военного положения, либо установление моратория на политическую борьбу и назначение президентом по инициативе истеблишмента (высшей военной и военно-гражданской бюрократии) переходного технического кабинета (так было в Бангладеш в 2006–2008 гг.).

Литература / References

1. *Белокреницкий В. Я.* Современное состояние пакистанской экономики // Восточная аналитика – 2020. – № 2. – С. 13–24.
2. *Замараева Н. А.* Пакистан: демократические институты и армия (вызовы 2018–2020 гг.) // Мусульманский Ближний и Средний Восток: современные процессы, история и историография. – М.: ИВ РАН, 2021. – С. 317–335.
3. *Каменев С. Н.* История экономических процессов в Пакистане (XX – начало XXI в). – М., 2019. – 392 с.
4. *Husain I.* Pakistan. The Economy of an Elitist State. – Karachi, Oxford University Press, 2006. – 451 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Белокреницкий Вячеслав

Яковлевич – д-р ист. наук, канд. экон. наук, зав. Центром изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия

Belokrenitsky Vyacheslav Y. – Doct. of Sc. (Hist.), Cand. of Sc. (Econ.), Head of Centre for the Study of Near and Middle East Countries, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Science, Moscow, Russian Federation

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 30.09.2022. Одобрена после рецензирования: 26.10.2022.

Принята к публикации: 26.10.2022. Опубликована: 29.12.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 30.09.2022. Approved after peer reviewing: 26.10.2022.

Accepted for publication: 26.10.2022. Published: 29.12.2022.

The author has read and approved the final manuscript.

Научная статья. Экономические науки
УДК 661.721.4
<https://doi.org/10.31696/2227-5568-2022-04-113-125>

РОЛЬ И МЕСТО МЕТАНОЛА В ЭНЕРГЕТИЧЕСКОМ ПЕРЕХОДЕ

Михаил Глебович Борисов

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
mg.borisov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7660-7410>

Аннотация. Для декарбонизации экономики недостаточно одного лишь перехода на возобновляемые источники энергии в экономике. Возможности «чистой» электроэнергии не безграничны. Ископаемое топливо по-прежнему господствует в технологических процессах в промышленности, на транспорте и в жилищно-коммунальном хозяйстве. Возникает потребность в альтернативном синтетическом топливе с минимальным углеродным следом. Такое топливо возможно произвести из многообразного сырья путем химических реакций с применением «чистой» электроэнергии от возобновляемых источников. Наиболее доступным и не требующим кардинальной перестройки существующей инфраструктуры синтетическим топливом представляется в ближайшей перспективе «зеленый» метанол.

Ключевые слова: «голубой» метанол, «коричневый» метанол, «зеленый» метанол, энергетический переход, декарбонизация, синтетическое топливо, возобновляемые источники энергии

Для цитирования: Борисов М. Г. Роль и место метанола в энергетическом переходе. *Восточная аналитика*. 2022;13(4):113–125. <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2022-04-113-125>.

Original article. Economics studies

THE ROLE AND PLACE OF METHANOL IN ENERGY TRANSITION

Mikhail Glebovich Borisov

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
mg.borisov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7660-7410>

Abstract. To decarbonize the economy it is not enough to adopt renewable energy sources alone. The opportunities of "clean" electric power are not unlimited. Fossil fuel continues to dominate in industrial technological processes, transport and in housing sector. A need arises in alternative synthetic fuel with the minimum carbon footprint. Such fuel is possible to produce from various raw materials through chemical reactions with the use of "clean" electric power from renewable sources. In the foreseeable future "green" methanol seems to be the synthetic fuel which is the easiest to obtain without changing the existing infrastructure.

Keywords: "blue" methanol, "brown" methanol, "green" methanol, energy transition, decarbonization, synthetic fuel, renewable energy sources

For citation: Borisov M. G. The Role and Place of Methanol in Energy Transition. *Vostochnaia analitika = Eastern Analytics*. 2022;13(4):113–125. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2022-04-113-125>.

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

Развертывающийся в мире энергетический переход (energy transition), который именуют «революцией 3D» (decarbonization, digitalization, decentralization), стал возможен благодаря быстрому технологическому прогрессу в возобновляемой энергетике. «Зеленые» энергетические мощности предоставили возможность декарбонизировать не только одну лишь энергетику. Электроэнергия от возобновляемых источников позволяет избавиться от «углеродного следа» на транспорте (1/4 антропогенных выбросов диоксида углерода) и, главное, в промышленности (главный эмитент CO₂). Однако промышленные выбросы формируются не только сжигаемым ископаемым топливом (уголь, кокс, мазут, природный газ), но и в ходе многочисленных технологических процессов по превращению исходного сырья в промежуточные и конечные продукты.

Одним из основных источников промышленной эмиссии диоксида углерода является производство метанола, которое дает 10% всех выбросов мировой химической и нефтехимической промышленности¹. При этом выпуск метанола быстро возрастает. В период 2020–2050 гг. его годовое производство должно будет увеличиться в пять раз – со 100 млн т до 500 млн т, выбросив в атмосферу 1,5 Гт CO₂ при условии, если он будет производиться традиционными методами². Одно лишь это ставит под сомнение реализуемость Парижских соглашений и способно привести к катастрофическим климатическим изменениям.

Основным методом получения метанола является паровая конверсия природного газа (65%) и угля (35%). Технологический процесс осуществляется при огромных температуре и давлении, то есть является крайне энергоемким и, соответственно, углеродно-«грязным». Поэтому это производство «ушло» из развитых стран, производивших когда-то весь этот крайне необходимый продукт. Ныне первая мировая «пятерка» производителей метанола – это КНР, Саудовская Аравия, Тринидад и Тобаго, Иран и Россия³.

Между тем значение метанола в экономике неуклонно возрастает. Область его применения расширяется: производство лаков, эмалей, кра-

¹ Innovation Outlook. Renewable Methanol. URL: www.irena.org/-/Files/IRENA/Agency/Publication/2021/Jan/IRENA_Innovation_Renewable_Methanol.pdf (дата обращения: 19.12.2021).

² Methanol Production Capacity May Quintuple on Decarbonized Industry. URL: www.ihsmarket.com/research-analysis/methanol-production-capacity-may-quintuple-on-decarbonized-ind.html (дата обращения: 19.12.2021).

³ Methanol Production is Turning Green. URL: www.motorship.com/news104/alternative-fuels/methanol-production-is-turning-green-and-shipping-is-turnig-note (дата обращения: 10.12.2021).

сок, синтетических консервантов, реагентов для дорог, фанеры, ДСП, новых отделочных материалов, формальдегида, изопрена и проч. Кроме того, в условиях нестабильности энергетических рынков и ужесточающихся экологических норм обозначились перспективы метанола как недорогого низкоуглеродного топлива.

Быстрое развитие возобновляемой энергетики и технологический прогресс последнего времени предоставляют возможность производить так называемый «зеленый» метанол, то есть метанол с минимальным «углеродным следом» (углеродно-нейтральным он быть не может, так как содержит углерод). Об экологических преимуществах «зеленого» метанола свидетельствуют данные табл. 1.

Таблица 1

«Углеродоемкость» различных способов производства метанола

Технологический тип метанола	Диоксид углерода, эмитированный в процессе производства, г/л
«Зеленый»	2–13
«Серый» (риформинг природного газа)	102–105
«Коричневый» (риформинг угля)	219–262
«Голубой» («голубой» водород плюс диоксид углерода)	91–94

Источник: Innovation Outlook. Renewable Methanol. www.irena.org/-/Files/IRENA/Agency/Publication/2021/Jan/IRENA_Innovation_Renewable_Methanol.pdf (дата обращения: 19.12.2021)

Доля «зеленого» метанола в общем мировом производстве метанола составляла в 2020 г. лишь 0,2%, однако эксперты Международного агентства во возобновляемой энергии (IRENA) полагают, что к 2050 г. этот показатель возрастет до 50% при том, что стоимость возобновляемого метанола составляла в 2020 г. 770–850 долл. за т против 100–200 долл. за т метанола, произведенного из газа или угля⁴. К 2050 г. «зеленый метанол» не станет дешевле традиционного (соотношение цен сократится, согласно прогнозам, до 1:1,5–2,1)⁵. Драйвером же перехода к производству возобновляемого водорода станет угроза штрафов, введения налогов на «углеродный след» и квот на выбросы парниковых газов.

Способы получения возобновляемого метанола многообразны. Наиболее «зеленым» (и самым дорогостоящим) способом является каталитическая реакция диоксида углерода, взятого из атмосферы с «зеленым»

⁴ Innovation Outlook. Renewable Methanol. URL: www.irena.org/-/Files/IRENA/Agency/Publication/2021/Jan/IRENA_Innovation_Renewable_Methanol.pdf (дата обращения: 19.12.2021)

⁵ Там же.

водородом, полученным электролизом из воды с помощью ВИЭ. В этом случае производство метанола будет частью круговорота, при котором можно будет осуществлять абсорбцию диоксида углерода из атмосферы. По сути речь идет об имитации природного фотосинтеза. Серьезным технологическим препятствием является крайне низкая концентрация диоксида углерода в атмосфере (0,67%). В качестве источника CO_2 можно использовать дымы тепловых электростанций, металлургических и цементных заводов (концентрация диоксида углерода до 15%). В целом этот способ не только углеродно-нейтрален, но и является нетто-поглотителем углерода из атмосферы Земли. Несмотря на высокую стоимость, такой метанол (именуемый е-метанол) начал производиться в ряде стран (Исландия, Нидерланды, Швеция, Канада, КНР). Этот способ получения метанола имеет наибольшую перспективу в странах Восточной и Южной Азии, а также Ближнего Востока, где локализована большая часть «дымных труб» мировой экономики.

Самым разработанным и применяемым способом получения «зеленого» метанола является его производство из биомассы. К ней относятся древесина и отходы ее переработки (поэтому метанол часто называют древесным спиртом), твердые бытовые отходы, сельскохозяйственные культуры и отходы их переработки, водоросли и любой органический углеродсодержащий материал. Как и в случаях, когда исходным сырьем являются уголь и природный газ, метод основан на газификации биомассы в синтез-газ с последующим синтезом метанола на основе тех же процессов, что и на установках по синтезу метанола из ископаемого топлива. Метод существует уже длительное время и в некоторых энергодефицитных странах стал основой получения моторного топлива. В Бразилии, например, биотопливо (синтезируется другой одноатомный спирт из гомологического ряда – этанол) стало основой функционирования автомобильного транспорта.

Для газификации при синтезе биометанола подходит любая биомасса. Более всего используется сырье с небольшой влажностью – древесина, отходы ее переработки, травянистые растения, побочные продукты сельскохозяйственного производства (жмыхи, жомы, отруби). Очень перспективен побочный продукт целлюлозно-бумажной промышленности, так называемый «черный щелок» – богатая органикой жидкость, способная передать метанолу при газификации до 70% энергии биомассы⁶. В странах с развитой лесной и целлюлозно-бумажной промышленностью (Малайзия, Индонезия, Мьянма, Лаос) этот способ получения метанола (в том числе на экспорт) имеет будущее. В европейских лесных

⁶ Там же.

и вместе с этим энергодефицитных странах – Финляндии и Швеции – он уже обеспечивает до одной трети потребности в моторном топливе⁷.

Самым перспективным сырьем для производства биометанола являются водоросли. Они представляют собой самую быстрорастущую биомассу (она за сутки удваивается), для их роста требуется только солнечный свет, вода и диоксид углерода. Акватория всего в 200 тыс. га способна производить биотопливо для 5% автомобильного парка США⁸. Производство метанола из водорослей еще привлекательно тем, что эта технология забирает диоксид углерода из атмосферы. Биометанол из водорослей именуют биотопливом третьего поколения.

Технология производства метанола из водорослей отличается от процесса его выработки из земной биомассы. Поскольку водоросли содержат много воды, газификация, которая осуществляется с предварительно высушенным материалом, здесь не подходит. Влага, однако, способствует анаэробному сбраживанию с последующим выделением метана, из которого путем гидроксирования синтезируется метанол.

Первичное производство биомассы осуществляется культивированием фитопланктона в искусственных водоемах, создаваемых у морского побережья. Особенности фитопланктона являются чувствительность к охлаждению воды, перепадам температуры и интенсивности солнечного сияния (суточным и сезонным). Поэтому максимальный и устойчивый «урожай» можно снимать у побережий теплых морей с максимальной интенсивностью солнечной радиации. Идеально подходят побережья Аравии, Индостана, Индокитая, Малайского архипелага и Средиземноморья. Перспективно также расположение таких водоемов вблизи цементных, металлургических коксохимических заводов и ТЭС, которые способны добавить им «бесплатного» тепла и диоксида углерода от своих выбросов.

Принудительное насыщение водоема CO₂ может в несколько раз повысить его продуктивность. С точки зрения получения энергии такая биосистема обладает неконкурентными экономическими преимуществами перед всеми другими известными способами преобразования солнечной энергии.

Существенным преимуществом получения метанола из водорослей является то, что процесс не конкурирует с сельскохозяйственным производством, не использует ограниченные во многих странах, особенно на Востоке, пахотные земли, пресную воду и продовольственное сырье.

⁷ IRENA Innovation Outlook: Advanced Liquid Biofuels. URL: www.irena.org/-/media/Files/IRENA/Agency/Publication/2016/IRENA_Innovation_Outlook_Advanced_Liquid_Biofuels_2016.pdf (дата обращения: 19.12.2021).

⁸ Там же.

Более того, «фермы» водорослей могут служить еще и источником кормов для рыбоводства и аквакультуры.

До коммерческого применения в развитых странах доведена технология получения «зеленого» метанола из твердых бытовых городских отходов. С ростом городов и с повышением уровня потребления их населения проблемой стали многочисленные огромные мусорные свалки. В 2018 г. в мире было произведено 1,3 млрд т ТБО, к 2025 г. этот показатель должен возрасти до 2,2 млрд т⁹. Свалки и мусорные полигоны занимают в некоторых странах до 3% территории¹⁰. Производство из бытовых отходов метанола – это не только выпуск «зеленого» энергоносителя, но и облагораживание и возвращение в хозяйственный оборот обширных территорий и ликвидация источников выбросов в атмосферу парниковых газов.

Существующие технологии позволяют произвести из упомянутых 1,3 млрд т мусора 480 млн т «зеленого» метанола¹¹. Получаемый метанол в 1,5–2 раза дороже, чем топливо, производимое из ископаемого сырья. Однако следует учитывать стоимостное измерение экологического и хозяйственного эффектов. Поэтому при адекватном финансировании (льготы, дотации, субсидии, бонусы, штрафы) этот способ получения экологически чистых топлива и сырья выглядит привлекательным для огромных и быстрорастущих азиатских городов, особенно в топливодефицитных странах.

Все способы производства «зеленого» метанола ожидает абсолютный рост, однако их доли на рынке могут со временем меняться (табл. 2). Наиболее быстрый рост ожидает производство из твердых бытовых отходов и дымных выбросов промышленных предприятий.

Таблица 2

Структура мирового производства «зеленого» метанола

Способ производства «зеленого» метанола	2019, %	2027, %
Из отходов сельского хозяйства	31	27
Из отходов лесной отрасли лесохимии	14	13
Из твердых бытовых отходов	35	36
Из промышленных выбросов CO ₂	11	19
Другое	9	5

Источник: Renewable Methanol Market. www.alliedmarketresearch.com/renewable-methanol-market (дата обращения: 14.11.2021)

⁹ Renewable Methanol Report. URL: www.methanol.org/wp-content/uploads/2019/01/MethanolReport.pdf (дата обращения: 21.11.2021).

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

Глобальный рынок «зеленого» метанола оценивался в 2019 г. в 3,3 млрд долл., а прогнозируется к 2027 г. в 5,3 млрд долл. при среднегодовом росте в 5,8%¹². Его производство будет расти быстрее, чем производство конкурирующих синтетических видов топлива – этанола, бутанола и водорода.

Структура потребления «зеленого» метанола также будет со временем меняться. При абсолютном росте потребления во всех сферах его применения постепенно начнут доминировать электроэнергетика и транспорт (табл. 3).

Таблица 3

Структура мирового потребления «зеленого» метанола

Сфера потребления	2019, %	2027, %
Химическая промышленность	23	16
Транспорт	32	40
Электроэнергетика	28	38
Другое	17	6

Источник: Renewable Methanol Market. www.alliedmarketresearch.com/renewable-methanol-market (дата обращения: 14.11.2021)

Спрос со стороны транспорта в связи с ужесточением требований к выбросам парниковых газов станет, очевидно, ключевым драйвером быстрого роста производства возобновляемого метанола. Особенно жестки эти требования на морском транспорте, который, потребляя 11% топлива всех видов транспорта, обеспечивает 24% суммарных выбросов¹³. Причиной этого является использование тяжелых и «грязных» нефтепродуктов, в основном, мазута. Международная морская организация (ИМО) резко повысила требования к судовому топливу по содержанию оксидов серы и азота, что вывело из оборота дешевое низкогокачественное топливо и повысило тарифы на морские перевозки. В планах ИМО сократить выбросы парниковых газов на 40% к 2030 г. и на 70% к 2050 г.¹⁴ Поэтому внимание судовладельцев обратилось на самое доступное из имеющихся альтернативных топлив – метанол.

Метанол имеет множество преимуществ по сравнению с конкурирующими топливами будущего. Он не выделяет серы, имеет крайне низкое содержание твердых частиц (поэтому совершенно не дает дыма), в то

¹² Renewable Methanol Market. URL: www.alliedmarketresearch.com/renewable-methanol-market (дата обращения: 14.11.2021).

¹³ Nanyang Technological University. Methanol as Marine Fuel. URL: www.methanol.org/wp-content/uploads/2020/04/SG-NTU-methanol-marine-report-Jan-2021-1.pdf (дата обращения: 11.12.2021).

¹⁴ Там же.

время как СПГ, помимо диоксида углерода, выделяет метан, а аммиак – оксиды азота, которые тоже являются парниковыми газами. Метанол имеет самое высокое из всех существующих топлив соотношение водорода и углерода. Поэтому даже «коричневый» метанол можно использовать в качестве промежуточной степени перехода к углеродно-нейтральному транспорту, так как он дает на 10–20% меньше выбросов диоксида углерода, чем судовой мазут¹⁵.

Метанол – такое же жидкое топливо, как и применяющиеся виды. Судовой двигатель, емкости для хранения и бункеровки не требуют серьезных переделок при его применении, тогда как водород требует для своего хранения специальные баллоны, выдерживающие высокое давление и температуру –250 С°, а также принципиально другой двигатель; электрическая двигательная установка экологична, но не может обеспечить большой автономности. Метанол легко смешивается с водой и разлагается морскими микроорганизмами, поэтому возможные аварии или промывки танков не будут иметь экологических последствий. Поэтому метанол может храниться не только в бункерных, но и балластных цистернах.

Первое судно на метаноле было построено в 2015 г., в 2020 г. таких судов было 20, а к 2025 г., согласно прогнозам, – 4% всего тоннажа¹⁶. Большая часть заказанных танкеров и паромов будет оснащена метанольной двигательной установкой. Поскольку 90% судов мира строятся в Японии, Южной Корее и Китае, можно констатировать, что «метанольная революция» в морском транспорте зарождается на Востоке. Более того, поскольку метанол очень близок к топливу судовых двигателей, большинство имеющихся судов могут быть рентабельно модернизированы, что значительно увеличит сроки их эксплуатации.

Масштабные задачи по декарбонизации стоят также перед авиационным транспортом, на который приходится 3% эмиссии парниковых газов от всех видов человеческой деятельности и 12% выбросов всех видов транспорта (причем эти показатели очень быстро возрастают)¹⁷. Международная организация гражданской авиации (ICAO) поставила задачу перед компаниями-перевозчиками добиться сокращения выбросов на 50% к 2050 г.¹⁸ Для достижения этой цели из 852 млн т. авиацион-

¹⁵ Methanol Production is Turning Green and Shipping is Taking Note. URL: www.motorsnip.com/news104/alternative-fuels/methanol-production-is-turning-green-and-shipping-is-taking-note (дата обращения: 10.12.2021)/

¹⁶ Renewable Methanol Report. URL: www.methanol.org/wp-content/uploads/2019/01/MethanolReport.pdf (дата обращения: 21.11.2021)/

¹⁷ IEA. Progress in Commercialization of Biojet Fuels. URL: www.ieabioenergy.com/wp-content/uploads/2021/06/IEA-Bioenergy-Task-39-Progress-in-commercialization-of-biojet-fuels-may-2021-1.pdf (дата обращения: 06.12.2021)/

¹⁸ Там же.

ного топлива, которое, согласно прогнозам, будет потреблено в 2050 г., 426 млн т. должно быть низкоуглеродным¹⁹.

Авиакомпании давно подыскивают альтернативу авиационному керосину и уже окончательно утвердились во мнении о перспективности только жидкого синтетического топлива третьего поколения (то есть метанола). Топлива первых поколений оказалось непригодным для авиации (этанол замерзает при температуре -50°C , а водородные технологии сложны, и их коммерческая реализация видится в далекой перспективе.

Метанол имеет не только экологические преимущества перед авиационным керосином. Метанол легче, у него выше энергоэффективность, а значит, самолет может при той же загрузке преодолеть большее расстояние, выбросив при этом меньшее количество диоксида углерода. Причем речь идет не только о «зеленом» метаноле, но и о традиционном. Метанол из угля (коричневый) считается лучшим авиатопливом. Его углеродный след на 20% ниже, чем у авиационного керосина, и он пока что соответствует определению «низкоуглеродное топливо»²⁰. Данное обстоятельство может поддержать угольную отрасль в условиях энергетического перехода, что крайне важно для таких стран, как Китай (80% мирового производства «коричневого» метанола), Индия, Индонезия, Монголия.

Если «голубой» и «коричневый» метанол уже готовы к применению в авиационном транспорте (их часто подмешивают к авиационному керосину), и проблема заключается только в создании метанольной инфраструктуры в аэропортах и внесении изменений в конструкцию существующих воздушных судов, то «зеленый» метанол используется ограниченно, т. к. он в 4,5 раза дороже авиационного керосина. Однако ведущие авиастроительные компании (в их числе Boeing и Airbus) абсолютно уверены в его коммерческом будущем и объявили о начале эксплуатации самолетов на 100% работающих на «зеленом» метаноле²¹.

Самое широкое поле применения у метанола – автомобильный транспорт, обеспечивающий львиную долю эмиссии парниковых газов в транспортном секторе экономики. К настоящему времени существуют четыре направления декарбонизации в автомобильном транспорте: электрические автомобили, автомобили на водородном топливе (и те, и другие пока что дороги и требуют радикальной перестройки всей инфраструктуры), автомобили на биоэтаноле и его смеси с бензином (давно существуют в некоторых странах, но теряют свое значение из-за

¹⁹ IEA. Progress in Commercialization of Biojet Fuels. URL: www.ieabioenergy.com/wp-content/uploads/2021/06/IEA-Bioenergy-Task-39-Progress-in-commercialization-of-biojet-fuels-may-2021-1.pdf (дата обращения: 06.12.2021)

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

отчуждения сельскохозяйственных земель под выращивание сырья) и, наконец, автомобили на метаноле (низкоуглеродное топливо, не требующее значительных конструктивных изменений в автомобиле и в заправочной сети, поэтому может рассматриваться как в определенной степени компромиссное топливо ближайшего будущего).

Безусловным лидером в развитии метанольного автотранспорта является Китай (производит половину мирового метанола), где с 2020 г. реализуется программа по переводу на метанол правительственного автотранспорта, такси и служб доставки²². Метанольные программы имеются у всех ведущих мировых автопроизводителей, однако доминирует китайская Geely (принадлежит бренд VOLVO и контрольный пакет в Mercedes Benz). В стране эксплуатируется почти все виды автотранспорта на метаноле от мотоциклов до тягачей. Быстро расширяется сеть заправок. Реализуются пилотные проекты в нефтедефицитной, но богатой углем (огромная сырьевая база для производства метанола) Индии.

Внедрение метанола в качестве автомобильного топлива имеет и косвенный экологический эффект – сокращение нефтеперерабатывающих мощностей вследствие уменьшения спроса на бензин, керосин, дизельное топливо и мазут. НПЗ – крупнейший эмитент парниковых газов, поскольку до 10% поступающей на них нефти идет на производственные нужды (сжигается).

Дополнительную выгоду от «метанольной революции» получат страны-импортеры нефти (таких – большинство в быстро развивающейся Азии). Снижение потребности в импортируемой нефти в условиях стремительно расширяющегося транспортного сектора может существенно улучшить их торговые балансы.

Метанол – бездымное сгорающее топливо (что важно для густонаселенных городов), обладает лучшими топливными характеристиками, чем бензин (октановое число – 114, повышенная степень сжатия), что дает выигрыш в мощности в 10% и обеспечивает сокращение токсичности продуктов сгорания на 50%. Эти преимущества метанола обусловили его широкое использование в гоночных автомобилях, мотоциклах и дронах, где требуются компактные и, вместе с тем, мощные двигатели. Помимо того, что для заправки метанолом можно использовать имеющиеся АЗС, сама заправка метанолом занимает столько же времени, что и бензином, в то время как электро- и водородный транспорт «заправляется» часами при том, что литий-ионные батареи и водородные топливные элементы пока что сложны в изготовлении и крайне дороги.

²² Methanol Institute. Automotive Fuel. URL: www.methanol.org/automotive-fuel/ (дата обращения: 08.12.2021).

Метанол как автомобильное топливо не лишен недостатков. Он травит алюминий, поэтому проблемным является использование существующих систем подачи топлива в двигатели, он втягивает воду, из-за чего засоряются системы подачи топлива. Метанол имеет низкую испаряемость, что может вызывать проблемы с запуском двигателя. Наконец, его пары крайне ядовиты.

Указанные недостатки сглаживаются, с сохранением преимуществ, при смешивании метанола с бензином. Распространение получает топливо М-85 (85% метанола и 15% бензина).

Широкие перспективы для использования метанольного топлива предоставляет тепловая электроэнергетика. Ее переориентация на метанол дает ощутимые экологические выгоды при минимальных затратах и сжатых сроках модернизации оборудования. Так, например, проведенное в Израиле переоснащение электростанции мощностью 50 Мвт с легкой нефти на метанол позволило сократить вредные выбросы на 85% и «вписаться» в новые экологические нормы²³. Более того, по новым природоохранным требованиям, эта электростанция могла бы работать на традиционном топливе только 300 часов в год, а на метаноле – без ограничений, затраты в 5 млн долл. на переоснащение были втроекратно возвращены за два года в виде прибыли энергокомпании. Авторитетный Американский институт метанола подчеркивает перспективность связки электростанций на метаноле и ВИЭ на удаленных островных территориях (а их немало на Востоке), сильно зависящих от завоза дизельного топлива для электрогенераторов. Избыточная электроэнергия от ВИЭ может быть использована для получения электролизом «зеленого» метанола, который затем может быть использован в качестве энергетического топлива в ночное время или в безветренную погоду, что делает островные территории энергетически самодостаточными²⁴.

Использование метанола в электроэнергетике «угольных» стран Азии (прежде всего, Китая и Индии) позволит не только сохранить угольные энергетические мощности (основу электроэнергетики), «вписавшись» в жесткие экологические требования энергетического перехода, но и обеспечить дальнейшее функционирование угледобычи как одной из базовых отраслей национальных экономик. Уголь по сути останется основным энергетическим топливом, пройдя лишь своего рода «первый передел», а использование «коричневого» метанола можно рассматривать как начальный этап перехода к низкоуглеродной энергетике. Более

²³ Renewable Methanol Report. URL: www.methanol.org/wp-content/uploads/2019/01/MethanolReport.pdf (дата обращения: 21.11.2021).

²⁴ Там же.

того, выбросы метанольных ТЭС могут стать сырьем для последующего синтеза «зеленого» метанола. Таким образом, вырисовывается перспектива замкнутого безуглеродного «энергетического круга».

Поскольку метанольное топливо для ТЭС бездымно, не содержит серы и твердых частиц, огромные азиатские города будут избавлены от смога, духоты и низкой инсоляции (с сопутствующими заболеваниями населения), а сельское хозяйство – от кислотных дождей, губящих урожай.

Метанол не следует, как представляется, полагать конкурентом или альтернативой другим базовым компонентам энергетического перехода – возобновляемым источникам энергии, «зеленым» водороду и аммиаку, батареям – накопителям энергии. Каждый из них имеет преимущества над другими в какой-либо отрасли экономики, а все вместе они взаимно дополняют друг друга. Электроэнергию от ВИЭ невозможно, например, использовать в качестве безуглеродного технического топлива во многих отраслях промышленности и крайне затруднительно – в авиационном транспорте, где пока нет альтернативы метанолу. Избыточную электроэнергию от ВИЭ, не находящую потребителя (периоды вне пиковых нагрузок), можно использовать для производства водорода электролизом и для синтеза «зеленого» метанола. Водород и метанол можно рассматривать как хранилища «зеленой» энергии.

Метанольные технологии, даже с использованием «зеленого» метанола, не являются углеродно-нейтральными, однако их выбросы парниковых газов кратно меньше, чем у традиционных способов превращения энергии на основе ископаемого топлива. Доступность и относительная дешевизна имеющихся технологий позволяет приступить к энергетическому переходу «здесь и сейчас», без дорогостоящей ломки имеющейся инфраструктуры, постепенно и поэтапно, от уже производящегося из синтез-газа «коричневого» метанола к «голубому», а затем и к «зеленому» метанолу, и, наконец, к полностью безуглеродной экономике на основе постоянно совершенствующихся и удешевляющихся безуглеродных способов получения и превращения энергии.

Литература / References

1. IEA. Progress in Commercialization of Biojet Fuels. URL: www.ieabioenergy.com/wp-content/uploads/2021/06/IEA-Bioenergy-Task-39-Progress-in-commercialization-of-biojet-fuels-may-2021-1.pdf (дата обращения: 06.12.2021).
2. Innovation Outlook. Renewable Methanol. URL: www.irena.org/-/Files/IRENA/Agency/Publication/2021/Jan/IRENA_Innovation_Renewable_Methanol.pdf (дата обращения: 19.12.2021).
3. IRENA Innovation Outlook: Advanced Liquid Biofuels. URL: www.irena.org/-/media/Files/IRENA/Agency/Publication/2016/IRENA_Innovation_Outlook_Advanced_Liquid_Biofuels_2016.pdf (дата обращения: 20.04.2020)

4. Methanol Production is Turning Green. URL: www.motorship.com/news104/alternative-fuels/methanol-production-is-turning-green-and-shipping-is-turnig-note (дата обращения: 10.12.2021).
5. Methanol Institute. Automotive Fuel. URL: www.methanol.org/automotive-fuel/ (дата обращения: 08.12.2021).
6. Methanol Production Capacity May Quintuple on Decarbonized Industry. URL: www.ihsmarkit.com/research-analysis/methanol-production-capacity-may-quintuple-on-decarbonized-ind.html (дата обращения: 19.12.2021).
7. Nanyang Technological University. Methanol as Marine Fuel. URL: www.methanol.org/wp-content/uploads/2020/04/SG-NTU-methanol-marine-report-Jan-2021-1.pdf (дата обращения 11.12.2021).
8. Renewable Methanol Report. URL: www.methanol.org/wp-content/uploads/2019/01/MethanolReport.pdf (дата обращения: 21.11.2021).
9. Renewable Methanol Market. URL: www.alliedmarketresearch.com/renewable-methanol-market (дата обращения: 14.11.2021).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Борисов Михаил Глебович –
канд. экон. наук, старший научный
сотрудник Института востоковедения
Российской академии наук, Москва,
Россия

Borisov Mikhail G. – PhD (Economics),
Senior Research Fellow, Institute of Oriental
Studies of the Russian Academy of Science,
Moscow, Russian Federation

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 12.10.22. Одобрена после рецензирования: 26.10.2022.

Принята к публикации: 26.10.2022. Опубликована: 29.12.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 12.10.22. Approved after peer reviewing: 26.10.2022.

Accepted for publication: 26.10.2022. Published: 29.12.2022.

The author has read and approved the final manuscript.

Научная статья. Экономические науки
УДК 338.439.5 (94+510)
<https://doi.org/10.31696/2227-5568-2022-04-126-137>

ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЙ АСПЕКТ ТОРГОВЫХ СПОРОВ АВСТРАЛИИ И КНР

Артем Алексеевич Гарин

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
garinartyomalexeevich@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0003-4677-7221>

Аннотация. На протяжении как минимум 30 лет двусторонние отношения Австралии и КНР носили деловой и прагматичный характер. Однако период 2019 – середины 2022 гг. привнес более эмоциональную политическую составляющую во взаимодействие двух стран. Между Австралией и КНР стали накапливаться противоречия, в том числе, связанные с оценкой будущей расстановки сил в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). Впоследствии это переросло в настоящую конфронтацию. Академические и политические круги Австралии долгое время опасались, что Китай воспользуется статусом главного торгового партнера страны и может прибегнуть к мерам «экономического принуждения» из-за нарастающей дипломатической напряженности между двумя государствами. События минувших двух лет дали возможность оценить эти опасения на практике и определить, какое место занимает продовольствие в австралийско-китайских торговых спорах. Положения и выводы, приведенные в данной статье, основаны на официальных документах и отчетах, сообщениях новостных агентств, а также на исследованиях зарубежных ученых.

Ключевые слова: Австралия, КНР, продовольствие, торговые споры, сельскохозяйственная продукция, внешняя торговля

Для цитирования: Гарин А. А. Продовольственный аспект торговых споров Австралии и КНР. *Восточная аналитика*. 2022;13(4):126–137. <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2022-04-126-137>.

Original article. Economics studies

THE FOOD ASPECT OF THE AUSTRALIA–CHINA TRADE DISPUTES

Artyom Garin

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
garinartyomalexeevich@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0003-4677-7221>

Abstract. Australia–China bilateral relations have been business oriented and pragmatic for at least 30 years. However, the period of 2019 – mid-2022 brought a more emotional political component to the interaction of the two countries. Contradictions began to accumulate between Australia and China, including those related to the vision of the future of the Asia-Pacific, which subsequently turned into an urgent confrontation. Australian academic and political circles have long feared that China might take advantage of the status of the main Australia's trading partner and use the "trade punishment" measures amid growing diplomatic tensions between the two countries. The events of the past two years have made it possible

This work is licensed under a Creative Commons
Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

to analyze these concerns in practice and determine the place of the food issue in Australia–China trade disputes. The provisions and conclusions presented in this article are based on official documents, news agency reports, as well as research by Asia-Pacific scientists.

Keywords: Australia, China, food, trade disputes, agricultural products, external trade

For citation: Garin A. A. The food aspect of the Australia–China trade disputes. *Vostochnaia analitika = Eastern Analytics*. 2022;13(4):126–137. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2022-04-126-137>.

Трансформация региональной архитектуры в АТР, которая произошла за последние 50 лет, неразрывно связана с приобретением Китаем большего экономического, политического и оборонного веса. Рост его влияния бросает вызов более чем 70-летнему доминированию Соединенных Штатов в регионе, а также тому порядку, на который Австралия привыкла опираться при формировании своего внешнеполитического курса¹.

При этом экономическое благополучие Австралии тесно связано с КНР – страной-конкурентом США. На протяжении вот уже 14 лет Китай является главным торговым партнером Австралии². Учитывая тот факт, что объем двусторонней торговли между государствами в 2021 г. составил 189,6 млрд долл.³, можно без сомнений утверждать, что настолько тесных торговых связей у австралийской стороны не было ни с одним из государств на протяжении всей ее двухвековой истории⁴.

Дуализм отношений Австралии и КНР долгое время был предметом дискуссий в зарубежных научных, политических и оборонных кругах. Они опасались, что развитие торговых отношений между двумя государствами делает Австралию более уязвимой к мерам «экономического принуждения» со стороны Китая в случае обострения идеологических противоречий. В научной среде регулярно приводят в качестве примера реакцию КНР на присуждение Нобелевской премии мира диссиденту Лю Сяобо, после чего импорт лосося из Норвегии в Китай значительно сократился. Причиной тому называют почти полное закрытие доступа на рынок КНР для морепродуктов из скандинавского государ-

¹ AUKUS Paradox and Australia's Foreign Policy Fiasco in the South Pacific before the Upcoming Elections, April 2022 // International Affairs Journal. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/34923> (дата обращения: 01.10.2022).

² Подробнее см. Гарин А. А. Актуальные проблемы австралийско-китайских отношений: диверсификация торговли и критическая инфраструктура Австралии под управлением КНР // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2021. Том I. № 1 (50). С. 207–219. DOI:10.31696/2072–8271–2021–1–1–50–207–219. С. 209.

³ UN Comtrade Database. URL: <https://comtrade.un.org/data/> (дата обращения: 01.10.2022).

⁴ Гарин А. А. Указ. соч. С. 209.

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

ства⁵. Если в 2010 г. Норвегия была главным поставщиком лосося в Китай, то к 2015 г. ее обогнали по этому показателю, среди прочих, Фарерские острова⁶. Ситуация выравнилась только спустя несколько лет.

Поворотным для австралийско-китайских отношений стал 2020 г. В этот период частично подтвердились некоторые опасения о том, что Китай может применить против страны-континента экономические «рычаги влияния»⁷. В начале 2020 г. Австралия обратилась к международному сообществу с просьбой об инициировании расследования происхождения COVID-19, а ведущие австралийские СМИ преподносили ситуацию в политической и идеологической терминологии⁸. После выдвинутой австралийской стороной инициативы медиа сообщили, что Китай полностью остановил импорт австралийского ячменя объемом в 1,2 млрд долл. КНР также ограничила поставки зерна и омаров с Пятого континента и ввела антидемпинговые пошлины в размере от 107,1% до 212,1% на винную продукцию, что, по словам виноделов, сделало ее негодной для продажи в Китае⁹. Формировался искусственный образ, связанный с неожиданным ростом числа нарушений со стороны австралийских производителей, поскольку в 2020 г. в политических отношениях между Австралией и КНР произошли резкие негативные изменения из-за расследования по коронавирусу. Однако из внимания упускался немаловажный факт: в начале 2020 г. Австралийская антидемпинговая комиссия заявляла о расследованиях в отношении китайского экспорта, в частности алюминия, металлического кремния, трубной стали¹⁰, что могло стать настоящим поводом для ответной реакции Пекина.

За рассматриваемый в данной статье период китайским импортерам приписывали «устные уведомления» о приостановке промышленного использования и разгрузки австралийского угля в портах¹¹. При

⁵ Norway wants China to forget about the human rights thing and eat salmon instead, June 2017 // Quartz URL: <https://qz.com/1000541/norway-wants-china-to-forget-about-the-human-rights-thing-and-eat-salmon-instead/> (дата обращения: 01.10.2022).

⁶ Ibid.

⁷ McGregor R. The Beijing way of trade punishment, April 2018 // Lowy Institute. URL: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/beijing-way-trade-punishment> (дата обращения: 01.10.2022)..

⁸ Sun W. The virus of fear and anxiety: China, COVID-19, and the Australian media. *Global Media and China*. 2021. 6(1). P. 24–39

⁹ China imposes temporary anti-subsidy charges on Australian wine imports, December 2020 // Reuters. URL: <https://www.reuters.com/article/us-china-australia-wine-idUSKBN28K0CP> (дата обращения: 01.10.2022).

¹⁰ China-Australia relations: what has happened over the last eight months? October 2020 // South China Morning Post URL: <https://www.scmp.com/economy/china-economy/article/3107228/china-australia-relations-what-has-happened-over-last-six> (дата обращения: 01.10.2022).

¹¹ Australia Seeks Clarity From Beijing on Coal Import Ban, October 2020 // Bloomberg. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-10-12/australia-dials-up-beijing-seeking-clarity-on-coal-import-ban> (дата обращения: 01.10.2022).

этом тотальная ориентация Австралии на экспорт железной руды в КНР выразилась в приостановке деятельности ряда австралийских промышленных предприятий на фоне падения спроса в КНР, что повлекло за собой рост безработицы в стране. Тем не менее, энергоресурсы – главная статья австралийско-китайской торговли, которая демонстрирует тенденцию к росту даже в условиях напряженных двусторонних отношений, в то время как другие отрасли могли понести большой урон. Например, неотъемлемой частью дискуссий о торговых противоречиях стал продовольственный аспект. «Блокировки» поставок продуктов из Австралии вызвали особый резонанс в СМИ. На этом фоне видится необходимым проанализировать, почему пострадали именно продовольственные импортные позиции и стали ли они жертвой мер «экономического принуждения» со стороны Китая.

В данном случае следует обратить внимание на уникальные особенности продовольственных товаров, которые уязвимы с точки зрения внешней торговли. Во-первых, продукты питания имеют свойство портиться со временем, что может привести к значительным финансовым потерям поставщиков. Во-вторых, такие товары легко остановить на таможне из-за нарушений санитарно-эпидемиологических правил, руководствуясь стремлением защитить граждан от некачественной продукции. В этом случае примечательно сообщение Главного таможенного управления КНР от 1 сентября 2020 г. с разъяснением причин приостановки импорта ячменя из Австралии. Китайская сторона обнаружила в продукции из Пятого континента сразу несколько вредоносных растений и инфекцию, включая кострец (засоритель посевов), овсюг (сорняк), паслен колючий североамериканский (сорняк) и вирус полосатой мозаики пшеницы (ВПМП), ввиду чего пошла на карантинные меры. Главное таможенное управление КНР аннулировало регистрационную квалификацию австралийской компании CBH Grain Pty Ltd. и объяснило это «защитой сельскохозяйственного производства страны и экологической безопасности»¹². Наряду с этим, Китай ограничивал импорт мясной продукции из государства-континента по причинам обнаружения нуклеиновой кислоты коронавируса SARS-CoV-2 на внешней упаковке партии замороженной грудинки ягненка от производителя Australia Pty Ltd. (март 2022 г.)¹³,

¹² В ячмене обнаружены карантинные вредители. Главное таможенное управление приостанавливает экспорт продукции австралийского предприятия в Китай (大麦检出检疫性有害生物 海关总署暂停澳大利亚1家企业对华出口) // Главное таможенное управление КНР (中华人民共和国海关总署). 01.09.2020. URL: <http://www.customs.gov.cn/customs/xwfb34/302425/3266263/index.html> (дата обращения: 01.10.2022).

¹³ Срочные меры предосторожности в отношении австралийского производителя (海关总署对澳大利亚1家企业采取紧急性预防措施) // Главное таможенное управление КНР (中华人民共和国海关总署). 29.03.2022. URL: <http://www.customs.gov.cn/customs/xwfb34/302425/4263164/index.html> (дата обращения: 01.10.2022).

а также из-за содержания хлорамфеникола (антибиотик) в австралийской говяжьей корейке (август 2020 г.)¹⁴. В этих случаях китайская сторона также опиралась на вопросы здравоохранения, что вновь подтверждает вышеупомянутый тезис.

Словосочетание «trade punishment» с годами стало крайне популярно в зарубежных СМИ, если идет речь о Китае и его реакции на нарушения австралийских экспортеров. Однако разбираться в данном вопросе предпочтительнее посредством использования официальных статистических данных и документов. Это позволит выяснить, действительно ли Китай прибегал к давлению в отношении австралийских продуктов питания, или медиа страны-континента стали уделять больше внимания остановке товаров на таможне из-за напряженности в двусторонних отношениях.

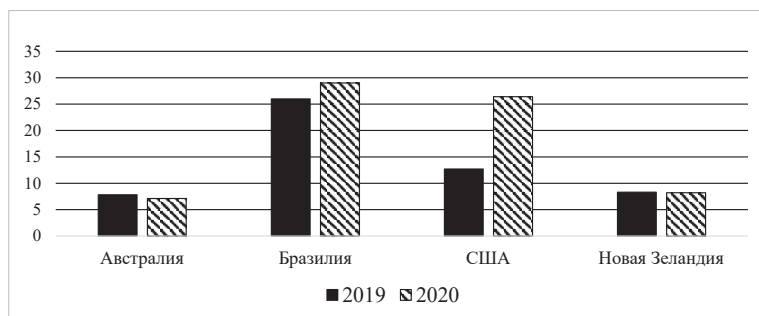

Рис. 1. Экспорт продовольствия в КНР (2019–2020 гг.), млрд долл. США

Источник: Observatory of Economic Complexity (OEC). URL: <https://oec.world/en/visualize>

В 2019 г. экспорт продуктов питания из Австралии в КНР составил 7,8065 млрд долл. США. Австралия уступала по этому показателю Бразилии, США и даже своему соседу – Новой Зеландии. В 2020 г. поставки продовольствия из Австралии в КНР действительно сократились до 7,1 млрд долл., однако не столкнулись со значительными ограничениями. Известно, что в 2019 г. австралийская продукция была забракована в портах КНР 71 раз, но в год начала тарифной войны было зафиксировано уже 70 случаев введения ограничений¹⁵. На показатели торговли

¹⁴ Главное таможенное управление приостанавливает экспорт австралийской компании по производству говядины в Китай после обнаружения в продукции запрещенных препаратов (产品检出禁用药物 海关总署暂停澳大利亚1家牛肉企业对华出口) // Главное таможенное управление КНР (中华人民共和国海关总署). 27.08.2020. URL: <http://www.customs.gov.cn/customs/xwfb34/302425/3260606/index.html> (дата обращения: 01.10.2022).

¹⁵ Pantle T. PRC's use of border blocks on food and beverage imports, April 2021 // Australia-China Relations Institute. URL: <https://www.australiachinarelations.org/content/prc%E2%80%99s-use-border-blocks-food-and-beverage-imports-quantifying-australia%E2%80%99s-position> (дата обращения: 01.10.2022).

двух стран в этот период могла повлиять и пандемия COVID-19, которая повлекла за собой нарушение производственно-сбытовых цепочек.

Для сравнения, в 2020 г. продукцию из США на китайской таможне остановили 99 раз¹⁶, а российские товары – и вовсе 104 раза. Следуя логике австралийской стороны, у КНР отношения с США более благоприятные, чем с РФ, что явно не соответствует действительности. Наоборот, Москва и Пекин приняли протоколы, которые позволяют закупать пшеницу и ячмень со всей территории России и разрешающие экспорт в КНР люцерны¹⁷. Все это подтверждает факт, что австралийские медиа стали уделять больше внимания эпизодам ограничения импорта продовольствия со стороны КНР именно из-за усугубляющихся австралийско-китайских отношений.

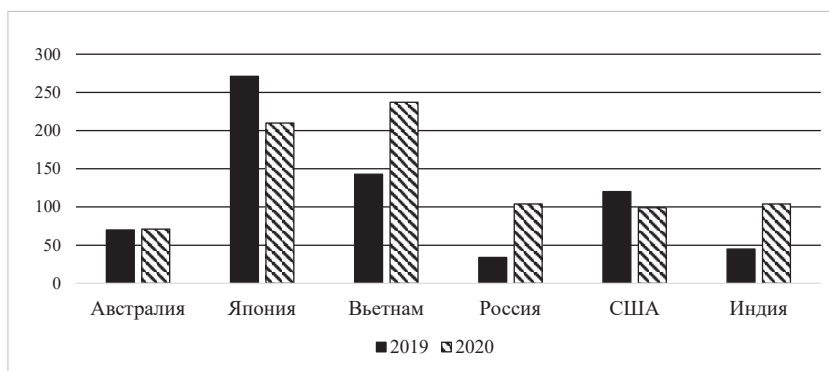

Рис. 2. Случаи блокировок продовольствия на таможне КНР (2019–2020 гг.), кол-во раз

Источник: Pantle, T. PRC's use of border blocks on food and beverage imports (2021). Australia-China Relations Institute. URL: <https://www.australiachinarelations.org/content/prc%E2%80%99s-use-border-blocks-food-and-beverage-imports-quantifying-australia%E2%80%99s-position>

Анализ этого явления значительно затрудняет пандемия коронавируса, о чем неоднократно говорилось во многих исследованиях и СМИ. Из-за нарушения цепочек поставок все факторы, спровоцировавшие снижение австралийского экспорта продовольствия в КНР, установить по-прежнему нелегко. Однако факт остается фактом: Австралия потеряла свыше 700 млн долл. в 2020 г. из-за сокращения поставок продовольствия, что значительно сказалось на ее производителях сельхоз-

¹⁶ Pantle T. PRC's use of border blocks on food and beverage imports, April 2021 // Australia-China Relations Institute. URL: <https://www.australiachinarelations.org/content/prc%E2%80%99s-use-border-blocks-food-and-beverage-imports-quantifying-australia%E2%80%99s-position> (дата обращения: 01.10.2022).

¹⁷ Поставки пшеницы и ячменя в Китай стали возможны со всей территории России // ТАСС. 04.02.2022. URL: <https://tass.ru/ekonomika/13621885> (дата обращения: 01.10.2022).

продукции. Продовольственный аспект тарифной войны двух стран уже приобрел не только внешне-, но и внутривластическое измерение.

Исследования общественного мнения, проведенные среди жителей Австралии, показали, что 63% респондентов в 2022 г. считали КНР больше «угрозой для безопасности», нежели чем экономическим партнером¹⁸. Около четырех лет назад наблюдалась обратная ситуация. Порядка 82% участников социологического исследования называли Китай экономическим партнером, а не воспринимали КНР в качестве источника угрозы¹⁹.

Австралийцы также высказались и об инвестициях КНР в агропромышленный комплекс. Например, 65% опрошенных жителей страны-континента заявили, что китайское владение сельскохозяйственными активами (например, землями и объектами пищевой промышленности) «вызывает больше беспокойства, чем владение компаниями из других стран»²⁰. Порядка 70% респондентов также сочли, что инвестиции КНР в отрасль «представляют угрозу продовольственной безопасности Австралии»²¹. И только 29% участников исследования заявили, что «владение китайскими сельскохозяйственными активами скорее выгодно, чем наносит ущерб» национальным интересам²².

Примечательно, что еще в 2003 г. в австралийском парламенте звучали выступления тогдашних генерального секретаря ЦК КПК Ху Цзиньтао и президента США Джорджа Буша-мл., а Австралия хотела показать миру свои успехи в выстраивании тесных отношений с Вашингтоном и Пекином²³, противостояние которых на современном этапе отзывается эхом по всему АТР. Приведенные выше результаты опросов подтверждают, что к 2019–2022 гг. австралийско-китайские отношения успели скатиться до рекордно низкого уровня за последние десятилетия²⁴. Этот период связан с пребыванием Скотта Моррисона на посту премьер-министра Австралии, который обеспечил преемственность

¹⁸ China: economic partner or security threat, 2022 // Lowy Institute Poll. URL: <https://poll.lowyinstitute.org/charts/china-economic-partner-or-security-threat/> (дата обращения: 01.10.2022).

¹⁹ Ibid.

²⁰ UTS: ACRI/BIDA Poll 2021: Australian Views On The Australia-China Relationship, June 2021 // Australia-China Relations Institute. URL: <https://www.australiachinarelations.org/content/utsacribida-poll-2021-australian-views-australia-china-relationship> (дата обращения: 01.10.2022).

²¹ Ibid.

²² Ibid.

²³ Howard J. Lazarus *Rising: A Personal and Political Autobiography*. HarperCollins, 2011. P. 38.

²⁴ Очередная «низшая точка» в отношениях Австралии и Китая? // Журнал «Международная жизнь». 08.05.2021. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/30048> (дата обращения: 01.10.2022).

в деле обострения отношений с Китаем после Малколма Тернбулла, чье правительство также противостояло китайским проектам в области телекоммуникаций и расширению влияния Пекина в малых островных странах Океании²⁵. Среди основных особенностей внешней политики Моррисона можно выделить ориентацию на укрепление партнерства в рамках альянса с США, рост затрат на оборону и напористую риторику в адрес КНР. При этом СМИ также поддерживали данный вектор, формируя среди населения образ «китайской угрозы» в экономике, обороне и даже внутренних делах Австралии.

Вне сомнения, годы пребывания Скотта Моррисона на посту премьер-министра выпали на время серьезных перемен как в глобальном, так и региональном масштабах. Политик еще в июне 2021 г. говорил о планах подготовить Австралию к миру, «который будет беднее, более опасным и беспорядочным»²⁶. Однако его увлечение внешнеполитическими и оборонными контурами могло заложить основы конфликтного потенциала и во внутренней политике. Дело в том, что недовершенство австралийских фермеров выливается не только на китайские, но и на местные власти. Например, введенный КНР тариф на австралийский ячмень стал настоящим ударом для сельскохозяйственной отрасли страны-континента. Эта сельскохозяйственная культура используется не только в пивоварении, но и в приготовлении муки, круп, а также служит кормом для скота. Еще в 2019 г. Китай был главным импортером ячменя из Австралии, в то время как последняя – ведущим по значимости поставщиком²⁷. Однако спустя год ситуация изменилась. В 2020 г. Австралия уже занимала четвертое место среди основных экспортеров ячменя в КНР. Сложившаяся ситуация отразилась и на государствах Ближнего Востока. Если в 2018 г. Саудовская Аравия импортировала ячменя из Австралии на сумму в 17,5 млн долл., то уже в 2020 г. этот показатель достиг отметки в 86,1 млн долл.²⁸ Аналогичная тенденция прослеживается в закупках ячменя Объединенными Арабскими Эмиратами (ОАЭ), Катаром и Кувейтом. Тем не менее, Китай по-прежнему остается незаменимым для Австралии импортером ее сельскохозяйственной

²⁵ AUKUS Paradox and Australia's Foreign Policy Fiasco in the South Pacific before the Upcoming Elections, April 2022 // International Affairs Journal. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/34923> (дата обращения: 01.10.2022).

²⁶ Ibid.

²⁷ Where does China import Barley from? (2019) // Observatory of Economic Complexity (OEC). URL: https://oec.world/en/visualize/tree_map/hs92/import/chn/show/21003/2019/ (дата обращения: 01.10.2022).

²⁸ Where does Australia export Barley to? (2020) // Observatory of Economic Complexity (OEC). URL: https://oec.world/en/visualize/tree_map/hs92/export/aus/all/21003/2020/ (дата обращения: 01.10.2022).

продукции. Из-за этого местные фермеры воспринимали выращивание этой сельхозкультуры как надежный и стабильный способ заработка. Однако даже британские СМИ признали, что Австралия не смогла относиться к своему крупнейшему торговому партнеру как к стране с рыночной экономикой, согласно Соглашению о свободной торговле между Китаем и Австралией (ChAFTA)²⁹. На этом фоне среди представителей отрасли возникло общее недовольство тем, что австралийские власти «толкнули медведя»³⁰.

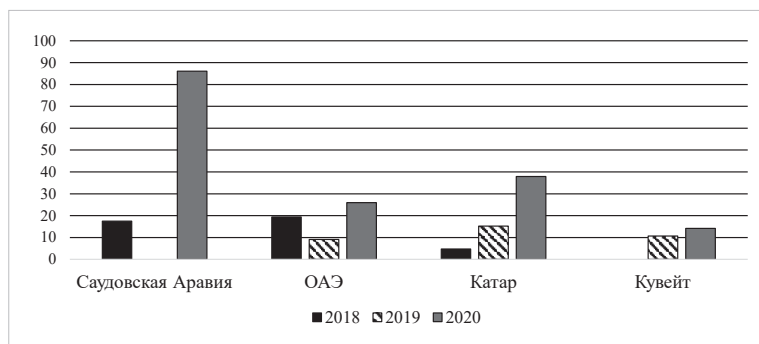

Рис. 3. Экспорт ячменя из Австралии в страны Ближнего Востока на фоне обострения отношений с КНР (2018–2020 гг.), млн долл. США

Источник: Where does Australia export Barley to? (2020) // Observatory of Economic Complexity (OEC) URL: https://oec.world/en/visualize/tree_map/hs92/export/aus/all/21003/2020/ (пропущенные столбцы означают отсутствие данных в OEC и базе UN Comtrade)

Согласно подсчетам Национальной федерации фермеров (NFF), торговый спор с Китаем и нарушение цепочек поставок, связанное с пандемией коронавируса, обойдутся сельскохозяйственной отрасли Австралии в 36,9 млрд долларов в течение следующего десятилетия³¹. Ухудшение двусторонних связей вынудило производителей искать другие рынки и угрожает сорвать планы промышленности по превращению страны континента в «food bowl» Азии на фоне растущего спроса со стороны Китая.

Новоиспеченному премьер-министру Энтони Албанезе и вовсе пришлось реагировать на слухи о приостановке всего импорта из Австралии и Новой Зеландии, включая молочные продукты, говядину, сельскохозяй-

²⁹ 'We poked the bear': Australian farmers take the China trade stoush in their stride, May 2020 // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/may/31/we-poked-the-bear-australian-farmers-take-the-china-trade-stoush-in-their-stride> (дата обращения: 01.10.2022).

³⁰ Ibid.

³¹ Australian farmers warn China trade spat will cost them \$28bn, February 2021 // Financial Times. URL: <https://www.ft.com/content/7cd518d0-a2e3-4782-8dc4-ba763dab283e> (дата обращения: 01.10.2022).

ственную продукцию и вина³². Подобная информация не подтвердилась, однако вызвала панику и хаос среди австралийской общественности³³.

Необходимость комментировать даже слухи на высоком уровне подтверждает, что продовольственный вопрос стал особенно чувствительным для Австралии в отношениях с КНР, которым несколько лет нанёсся урон. На фоне попыток австралийского правительства следовать в фарватере внешней политики США, австралийско-китайские торговые споры затронули и продовольственный аспект их сотрудничества. В сложившейся ситуации СМИ стали уделять больше внимания блокировкам КНР австралийских продуктов, однако статистика показала, что подобные новости стали попыткой разыграть карту «китайской угрозы». Об этом свидетельствует тот факт, что количество блокировок поставок продовольствия на границе КНР снизилось прямым ходом в год обострения двусторонних отношений. Так или иначе, информационная компания в медиа позволила сформировать негативный образ Китая у части населения Австралии, но местные представители отрасли понимают, что ответ кроется и за действиями их правительства, которые могут обернуться многомиллиардными потерями для фермеров и провалом намерений по увеличению поставок продовольствия в Азию.

Литература / References

1. В ячмене обнаружены карантинные вредители. Главное таможенное управление приостанавливает экспорт продукции австралийского предприятия в Китай (大麦检出检疫性有害生物 海关总署暂停澳大利亚1家企业对华出口) // Главное таможенное управление КНР (中华人民共和国海关总署). 01.09.2020. URL: <http://www.customs.gov.cn/customs/xwfb34/302425/3266263/index.html> (дата обращения: 01.10.2022).
2. Главное таможенное управление приостанавливает экспорт австралийской компании по производству говядины в Китай после обнаружения в продукции запрещённых препаратов (产品检出禁用药物 海关总署暂停澳大利亚1家牛肉企业对华出口) // Главное таможенное управление КНР (中华人民共和国海关总署). 27.08.2020. URL: <http://www.customs.gov.cn/customs/xwfb34/302425/3260606/index.html> (дата обращения: 01.10.2022).
3. Очередная «низшая точка» в отношениях Австралии и Китая? // Журнал «Международная жизнь». 08.05.2021. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/30048> (дата обращения: 01.10.2022).

³² Breaking: China to suspend all imports from Australia & New Zealand, August 2022 // Vino Joy News. URL: <https://vino-joy.com/2022/08/15/breaking-china-to-suspend-all-imports-from-australia-new-zealand/> (дата обращения: 01.10.2022).

³³ China Has No Basis to Ban Australian Beef, PM Albanese Says, August 2022 // Bloomberg. URL: <https://vino-joy.com/2022/08/17/australian-and-new-zealand-disperse-rumors-of-imports-ban/> (дата обращения: 01.10.2022).

4. Поставки пшеницы и ячменя в Китай стали возможны со всей территории России // ТАСС. 04.02.2022. URL: <https://tass.ru/ekonomika/13621885> (дата обращения: 01.10.2022).
5. Срочные меры предосторожности в отношении австралийского производителя (海关总署对澳大利亚1家企业采取紧急性预防措施) // Главное таможенное управление КНР (中华人民共和国海关总署). 29.03.2022. URL: <http://www.customs.gov.cn/customs/xwfb34/302425/4263164/index.html> (дата обращения: 01.10.2022).
6. AUKUS Paradox and Australia's Foreign Policy Fiasco in the South Pacific before the Upcoming Elections, April 2022 // *International Affairs Journal*. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/34923> (дата обращения: 01.10.2022).
7. Australian farmers warn China trade spat will cost them \$28bn, February 2021 // *Financial Times*. URL: <https://www.ft.com/content/7cd518d0-a2e3-4782-8dc4-ba763dab283e> (дата обращения: 01.10.2022).
8. Australia Seeks Clarity From Beijing on Coal Import Ban, October 2020 // *Bloomberg*. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2020-10-12/australia-dials-up-beijing-seeking-clarity-on-coal-import-ban> (дата обращения: 01.10.2022).
9. Breaking: China to suspend all imports from Australia & New Zealand, August 2022 // *Vino Joy News*. URL: <https://vino-joy.com/2022/08/15/breaking-china-to-suspend-all-imports-from-australia-new-zealand/> (дата обращения: 01.10.2022).
10. China Has No Basis to Ban Australian Beef, PM Albanese Says, August 2022 // *Bloomberg*. URL: <https://vino-joy.com/2022/08/17/australian-and-new-zealand-disperse-rumors-of-imports-ban/> (дата обращения: 01.10.2022).
11. China imposes temporary anti-subsidy charges on Australian wine imports, December 2020 // *Reuters*. URL: <https://www.reuters.com/article/us-china-australia-wine-idUSKBN28K0CP> (дата обращения: 01.10.2022).
12. China: economic partner or security threat, 2022 // *Lowy Institute Poll*. URL: <https://poll.lowyinstitute.org/charts/china-economic-partner-or-security-threat/> (дата обращения: 01.10.2022).
13. China-Australia relations: what has happened over the last eight months? October 2020 // *South China Morning Post*. URL: <https://www.scmp.com/economy/china-economy/article/3107228/china-australia-relations-what-has-happened-over-last-six> (дата обращения: 01.10.2022).
14. *Howard J. Lazarus Rising: A Personal and Political Autobiography*. – Harper Collins, 2011. – 512 p.
15. 'If you make China the enemy, China will be the enemy': Beijing's fresh threat to Australia, November 2020 // *The Sydney Morning Herald*. URL: <https://www.smh.com.au/world/asia/if-you-make-china-the-enemy-china-will-be-the-enemy-beijing-s-fresh-threat-to-australia-20201118-p56fq.html> (дата обращения: 01.10.2022).
16. *McGregor R.* The Beijing way of trade punishment, April 2018 // *Lowy Institute*. URL: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpreter/beijing-way-trade-punishment> (дата обращения: 01.10.2022).
17. Norway wants China to forget about the human rights thing and eat salmon instead, June 2017 // *Quartz*. URL: <https://qz.com/1000541/norway-wants-china-to-forget-about-the-human-rights-thing-and-eat-salmon-instead/> (дата обращения: 01.10.2022).

18. *Pantle T.* PRC's use of border blocks on food and beverage imports, April 2021 // Australia-China Relations Institute URL: <https://www.australiachinarelations.org/content/prc%E2%80%99s-use-border-blocks-food-and-beverage-imports-quantifying-australia%E2%80%99s-position> (дата обращения: 01.10.2022).
19. *Sun W.* The virus of fear and anxiety: China, COVID-19, and the Australian media // *Global Media and China*. – 2021. – No 6(1). – Pp. 24–39.
20. UN Comtrade Database. URL: <https://comtrade.un.org/data/> (дата обращения: 01.10.2022).
21. UTS: ACRI/BIDA Poll 2021: Australian Views On The Australia-China Relationship, June 2021 // Australia-China Relations Institute. URL: <https://www.australiachinarelations.org/content/utsacribida-poll-2021-australian-views-australia-china-relationship> (дата обращения: 01.10.2022).
22. 'We poked the bear': Australian farmers take the China trade stoush in their stride, May 2020 // *The Guardian*. URL: <https://www.theguardian.com/world/2020/may/31/we-poked-the-bear-australian-farmers-take-the-china-trade-stoush-in-their-stride> (дата обращения: 01.10.2022).
23. What does Australia export to China? // Observatory of Economic Complexity (OEC). URL: <https://oec.world/en/visualize> (дата обращения: 01.10.2022).
24. Where does China import Barley from? (2019) // Observatory of Economic Complexity (OEC). URL: https://oec.world/en/visualize/tree_map/hs92/import/chn/show/21003/2019/ (дата обращения: 01.10.2022).
25. Where does Australia export Barley to? (2020) // Observatory of Economic Complexity (OEC). URL: https://oec.world/en/visualize/tree_map/hs92/export/aus/all/21003/2020/ (дата обращения: 01.10.2022).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Гарин Артем Алексеевич – канд. ист. наук, лаборант-исследователь Центра изучения Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании Института востоковедения Российской академии наук, Москва, Россия

Garin Artyom A. – PhD (History), Research Assistant at the Center for Southeast Asia, Australia and Oceania, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Science, Moscow, Russian Federation

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 30.09.2022. Одобрена после рецензирования: 26.10.2022.

Принята к публикации: 26.10.2022. Опубликована: 29.12.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 30.09.2022. Approved after peer reviewing: 26.10.2022.

Accepted for publication: 26.10.2022. Published: 29.12.2022.

The author has read and approved the final manuscript.

Научная статья. Экономические науки
УДК 331.1+334.02 (510)
<https://doi.org/10.31696/2227-5568-2022-04-138-155>

TENCENT: КОРПОРАТИВНАЯ КУЛЬТУРА И МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ

Виталий Геннадьевич Кандалинцев

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
kanvital@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7500-4589>

Аннотация. В статье рассматриваются миссия и ценности, стратегия и модель развития Tencent – одной из крупнейших технологических компаний Китая и мира. Анализируется, как корпоративная культура Tencent формирует стратегические акценты в деятельности компании. Исследуется бизнес-социальная модель компании и оценивается ее эффективность.

Ключевые слова: Китай; технологическая компания; корпоративная культура; стратегия; инновации; социальная ценность

Для цитирования: Кандалинцев В. Г. Tencent: корпоративная культура и модель развития. *Восточная аналитика*. 2022;13(4):138–155. <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2022-04-138-155>.

Original article. Economics studies

TENCENT: CORPORATE CULTURE AND DEVELOPMENT MODEL

Vitaly Kandalintsev

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
kanvital@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7500-4589>

Abstract. The article discusses the mission and values, strategy and development model of Tencent, one of the largest technology companies in China and the world. The article analyzes how Tencent's corporate culture forms strategic accents in the company's activities. The business-social model of the company is explored and its effectiveness is evaluated.

Keywords: China; technology company; corporate culture; strategy; innovation; social value

For citation: Kandalintsev V. G. Tencent: Corporate culture and development model. *Vostochnaâ analitika = Eastern Analytics*. 2022;13(4):138–155. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2022-04-138-155>.

В современных условиях значение сотрудничества с Китаем для России существенно возрастает. Изучение особенностей культуры и практики китайских компаний, особенно таких технологических гигантов, как Tencent, может содействовать развитию российско-китайских деловых связей и повышению их эффективности.

This work is licensed under a Creative Commons
Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

Корпоративная культура

Миссия, ценности и видение являются тремя основными шагами, предшествующими определению стратегии компании. В стандартном варианте миссия – это *raison d'être*, причина существования компании; ценности – опорные факторы в осуществления миссии; видение – представление о месте компании на рынке в будущем.

Для китайских компаний характерно то, что они не только ценности, но также миссию и видение воспринимают как важнейшую часть своей корпоративной культуры. И эта часть, как правило, имеет развитое социальное и национально-культурное содержание. Герт Хофстеде отмечал, что в число важнейших приоритетов китайских предпринимателей входят (1) соблюдение этических норм, (2) патриотизм, национальная гордость; (3) власть; (4) честь, лицо, репутация; (5) ответственность перед обществом¹. Названные приоритеты и задают ключевые характеристики корпоративной культуры компаний из КНР.

При анализе корпоративной культуры Tencent следует учитывать традиционное разделение китайского мировоззренческо-поведенческого комплекса на «цзя» и «цзяо». Цзя – это школа мысли, философия. Цзяо – учение, религия. Джон Бертронг отмечает, что у китайцев «никогда не возникало необходимости противопоставлять цзя и цзяо. Они представляют две стороны одного явления. Они различаются, но одновременно связаны между собой»².

Миссия и видение Tencent – это цзя, философия бизнеса компании. Причем философия развивающаяся, становящаяся все более сложной и утонченной. Ее отправными пунктами являются определение миссии как создание ценности для пользователей и определение видения как использование технологий для все более расширяющегося содержания создаваемой ценности. Компания использует совмещенную, краткую и по стилю лозунговую формулировку миссии и видения – «ценность для пользователя, технологии во благо». Президент Tencent Мартин Лау:

«Наше исследование социальной ответственности сопровождалось непрерывным ростом, самопознанием и совершенствованием Tencent. В самом начале ценность для пользователей была для нас самой важной вещью. Позже мы сосредоточились на ценности для наших сотруд-

¹ Hofstede Geert, Hofstede Gert Jan, Minkov Michael. *Cultures and Organizations: Software of the Mind, Intercultural Cooperation and It's Importance for Survival / Revised and Expanded Third Edition.* – New York, McGraw Hill, 2010. P. 324.

² Религии мира. Изд. 2-е, перераб. – Белфакс, 1994. – С. 246.

ников, партнеров и заинтересованных сторон. Сегодня мы придаем первостепенное значение социальной ценности, поскольку она выходит за рамки общего понимания корпоративной социальной ответственности. Это был постепенный процесс. Это также возможность, предоставленная временем»³.

Компания начинала с концепции ценности для пользователя, которая в стандартном варианте включает характеристики продукта или услуги, взаимоотношения с пользователем и имидж бренда. В дальнейшем Tencent стала воспринимать свою миссию как создание ценности не только для пользователей, но и для сотрудников, партнеров и инвесторов. Наконец, появилась концепция «социальной ценности», ценности для общества, т. е. ценности, которая включает в себя полезные эффекты от деятельности компании для всего общества.

Это говорит о том, что Tencent все больше воспринимает себя как социальную силу, действующую через технологии во благо всего общества. Данный факт есть обобщенное выражение пути компании, ее философия собственного бытия и становления. Что касается ценностей, то они имеют для компании значение цзяо, т. е. являются в определенной степени предметом веры. Список из четырех ключевых ценностей открывает «честность», о которой председатель и главный исполнительный директор Tencent Ма Хуатэн (Пони Ма) говорит так:

«Честность – это своего рода вера и основа основ. Наша приверженность честности привлекла команду людей с такими же ценностями, помогающими нам размышлять и совершенствоваться. Это краеугольный камень пути Tencent».

Есть в компании и «символ веры», раскрывающий определения честности во всеобъемлющем кодексе поведения. Этот документ носит подчеркнуто нетехническое название – «Кодекс солнечного света» (Sunshine Code). Кодекс прямо запрещает все виды мошеннических действий и любые другие действия, которые не соответствуют применимым законам и нормативным актам. При этом Tencent придерживается подхода нулевой терпимости к несоблюдению требований. Так, нарушение Кодекса, совершенное сотрудником Tencent, приведет к увольнению и постоянному запрету на повторную работу в компании⁴.

Ключевыми ценностями Tencent являются честность, проактивность, сотрудничество и креативность. Их содержание в документах компании подробно разъясняется (см. Таблицу 1).

³ Enhancing Responsibility for Mutual Value. Tencent 2020 Corporate Social Responsibility Report. P. 11.

⁴ Там же. Pp. 32–33.

Таблица 1

Ценности Tencent

Ценности	Требования к поведению сотрудников
Честность	Придерживаться принципов этики, открытости и справедливости. Соблюдать соответствующие законы и организационные стандарты, постоянно соблюдать кодекс поведения компании. Действовать честно, придерживаться принципов справедливости, честности и доверия. Использовать позитивную энергию, чтобы конструктивно формировать среду компании.
Проактивность	Стремиться внести позитивный вклад, добровольно брать на себя ответственность и стремиться к прорывам. Неустанно стремиться к выполнению миссии компании. Быть готовыми к невзгодам, постоянному обучению и устремленности к совершенству. Быть ответственными, активно браться за новые инициативы и задачи
Сотрудничество	Быть инклюзивными и способными к совместным действиям, стремиться к прогрессу и развитию. Открыто делиться знаниями и опытом для коллективного роста. Мыслить масштабно, эффективно работать в разных командах для достижения корпоративных целей. Быть верными миссии Tencent, стремиться к постоянному развитию компании.
Креативность	Продвигать прорывные инновации, исследовать возможности будущего. Неустанно бросать вызов существующему мышлению и способам ведения дел. Направлять энергию и ресурсы на освоение новых рубежей. Воспитывать креативность как источник ценности.

Источник: Tencent celebrates 21st anniversary with new corporate philosophy. 11 Nov 2019.
URL: <https://kr-asia.com/tencent-celebrates-21st-anniversary-with-new-corporate-philosophy>

Посредством декларации своих ценностей компания посылает сигналы соискателям вакантных должностей о том, какие сотрудники ей нужны. А работающих сотрудников информирует о качествах, которые надлежит проявлять и развивать. Но как ценности, формулируемые и разделяемые основателями и лидерами компании, прививаются сотрудникам, которые в многонациональных компаниях принадлежат к разным культурам? Герт Хофстеде дает следующий ответ на этот вопрос:

«Без сомнения, ценности основателей и ключевых лидеров формируют организационные культуры, но то, как эти культуры влияют на рядовых членов, происходит через общие практики. Ценности основателей и лидеров становятся практикой членов»⁵.

К практикам относится изучение и освоение вопросов, связанных с более поверхностными, по сравнению с ценностями, слоями корпоративной культуры: ритуалами, героями и символами. Пример ритуала – День культуры Tencent. В день рождения Tencent, 11 ноября, сотрудники

⁵ Hofstede Geert, Hofstede Gert Jan, Minkov Michael. Op. Cit. P. 348.

собираются, чтобы отпраздновать это событие. В ходе празднования проводятся мероприятия по принятию и продвижению организационной культуры, организованные командой высшего руководства⁶.

Развитие и укрепление организационной культуры в Tencent понимается широко. Компания использует термин «укоренение ценностей», включающий их поддержку не только внутри компании, но и за ее пределами, а также ресурсное и кадровое обеспечение для проявления ценностей. Так, третья ценность «сотрудничество» широко применяется в области благотворительности. В 2015 г. благотворительный фонд Tencent и тысячи других благотворительных организаций, предприятий, знаменитостей и СМИ инициировали создание самого популярного в Китае ежегодного благотворительного фестиваля. В 2020 г. фестиваль собрал рекордные 3,044 млрд юаней пожертвований⁷.

Одна из характеристик четвертой ценности «креативность» заключается в том, чтобы «неустанно бросать вызов существующему мышлению и способам ведения дел». Но совершенно понятно, что это имеет смысл лишь при наличии надлежащих ресурсов и талантливых кадров, что и позволяет достигать инновационных результатов. Поэтому процесс укоренения ценностей по версии компании включает увеличение инвестиций в научные исследования, ускоренное развитие новой инфраструктуры и развитие защиты данных.

Увеличение инвестиций в научные исследования. Компания декларирует свою приверженность увеличению инвестиций в таланты и сообщает, что в 2020 г. сотрудники отдела исследований и разработок составляли 68% от общего числа сотрудников компании, что на 16% больше, чем в 2019 г. В Tencent работает более десятка выдающихся ученых и инженеров, в том числе два члена Международной ассоциации инженеров по электротехнике и электронике (IEEE fellow) и десятки штатных профессоров.

Ускоренное развитие новой инфраструктуры. Хранение и обработка больших данных лежат в основе цифровых инноваций и являются ключом к успеху новой инфраструктуры. За более чем два десятилетия своего существования Tencent провела четыре поколения исследований и внедрения технологий центров обработки данных, развернув 58 таких центров в 27 странах. В настоящее время Tencent управляет более чем миллионом серверов, что делает ее первой компанией в Китае и пятой в мире по данному показателю.

⁶ Официальный сайт Tencent. Раздел «Сотрудники». URL: <https://www.tencent.com/en-us/employees.html#staff-con-4> (дата обращения: 20.10.2022).

⁷ Официальный сайт Tencent. Раздел «Статьи». URL: <https://www.tencent.com/en-us/articles/2201081.html> (дата обращения: 20.10.2022).

Развитие защиты данных. Компания придерживается шести принципов защиты конфиденциальности данных пользователей. К ним относятся: безопасность и надежность, конфиденциальность, автономия и выбор, разумная необходимость, ясность и прозрачность, дизайн для обеспечения безопасности. В 2020 г. Tencent улучшила платформу защиты и предоставила пользователям рекомендации по управлению конфиденциальностью для конкретных продуктов.

Стратегия

Миссия, видение и ценности выступают культурной основой, на которой разрабатывается и совершенствуется стратегия компании. Современная стратегия Tencent официально именуется «стратегией устойчивых инноваций социальной ценности». Ее цель – рост социальной ценности, генерируемой компанией на пяти основных направлениях:

1. Включение социальной ответственности в продукты и услуги.
2. Продвижение технологических инноваций.
3. Продвижение культурной жизнеспособности.
4. Помощь промышленным предприятиям в переходе на цифровые технологии.
5. Сотрудничество во имя устойчивого развития общества.

Включение социальной ответственности в продукты и услуги. Социальная ответственность является частью культуры компании, при этом в Tencent считают, что корпоративная культура должна воплощаться в продуктах и услугах. Руководители компании в лице Ма Хуатэна, Мартина Лау и членов Генерального офиса с присущей им масштабностью мышления назвали три вида проявления корпоративной культуры:

«Корпоративная культура Tencent проявляется в продуктах и услугах, которые оказывают огромное влияние, в командах, стремящихся изменить мир, и в важных решениях, определяющих путь нашего развития»⁸.

На примере игрового бизнеса компании можно проиллюстрировать концепцию интеграции социальной ответственности с продуктами и услугами. Прежде всего, подчеркивается полезный характер игр. В частности, говорится о том, что с древних времен игры были для людей способом обучения, общения и самовыражения. Далее отмечается, что цифровые технологии привели к взрывному росту разнообразия новых игр и что Tencent стремится к тому, чтобы молодые геймеры могли наслаждаться этими играми здоровым и сбалансированным образом.

Для этого компания создала такие инструменты, как «Руководство по игре для родителей» и «Класс для родителей». Их назначение – спо-

⁸ Driving Positive Change. Tencent 2019 Corporate Social Responsibility Report. P. 21.

способствовать общению и взаимопониманию между родителями и детьми посредством бесплатных занятий, дискуссий и высококачественной образовательной информации. Для продвижения этих инструментов была запущена кампания «На твоей стороне», в ходе которой Tencent пригласила опытных лекторов обучать детей и родителей в общинах, на заводах и в сельской местности.

Продвижение технологических инноваций. Компания занимается изучением возможностей по внедрению технологических инноваций на ряде направлений. В Tencent создан лабораторный кластер «Технологий во благо». Он включает шесть подразделений:

- 1) лаборатория развития сельских районов – активно изучает возможности возрождения сельских районов с помощью Интернета и передовых технологий для улучшения цифровых подключений и услуг и развития талантов в сельских районах;
- 2) лаборатория технологической экосистемы – осуществляет поддержку и инвестиции в фундаментальные научные исследования для создания научно-технической экосистемы для передовых технологий, воспитания молодых талантов и содействия сотрудничеству в отрасли;
- 3) инновационная учебная лаборатория – уделяет основное внимание интеграции технологий с методами обучения и учебными планами, расширению образования с помощью онлайн-платформ обучения и предоставлению экосистемной помощи путем подключения школ к исследовательским институтам и предприятиям для изучения новых совместных методов обучения;
- 4) лаборатория углеродно-нейтральных технологий – участвует в климатических проектах Tencent, связанных с исследованиями углеродно-нейтральных инициатив и инструментов;
- 5) лаборатория технологий ухода за пожилыми людьми – расширяет возможности, стимулирует и улучшает обслуживание стареющего общества с помощью технологий, продуктов и услуг, адаптированных для этой демографической группы;
- 6) центр экспериментального продукта – фокусируется на поддержке новых компаний в освоении социально значимых инноваций и инкубации новых проектов для устойчивого развития⁹.

Продвижение культурной жизнеспособности. Tencent активно способствует развитию экосистемы, включающей кино и телевидение, музыку, литературу, анимацию, игры и социальные сети. По мнению

⁹ Enhancing Responsibility for Mutual Value. Tencent 2020 Corporate Social Responsibility Report. P. 13.

компании, физические барьеры, возникшие в результате пандемии, еще больше подчеркнули социальную ценность цифровой культуры. В январе 2020 г. компания взяла на себя обязательство создать высококачественную экосистему короткого контента, запустив функцию Weixin Channels.

Помощь промышленным предприятиям в переходе на цифровые технологии. Tencent стремится стать «цифровым помощником» для предприятий различных отраслей – медицины, образования, туризма, транспорта, розничной торговли и энергетики.

В медицине компания предоставляет цифровые решения для всей экосистемы здравоохранения. По состоянию на декабрь 2020 г. 76 из 100 лучших больниц в Китае использует Weixin (универсальное приложение, известное за пределами Китая как WeChat) в качестве своей платформы медицинского обслуживания, и более 38 000 медицинских учреждений по всей стране обслуживают пациентов через официальные аккаунты Weixin и мини-программы.

В 2020 г. сектор образования пережил беспрецедентную «онлайн-миграцию». В условиях пандемии миллионы китайских учителей смогли быстро возобновить занятия с помощью таких продуктов, как Tencent Classroom, Tencent Smart Campus, Weixin, QQ и др. Компания также сотрудничает с ведущими университетами Китая и предоставила более миллиона бесплатных репетиторских уроков по всей стране через Tencent Penguin Tutoring.

В последние годы Tencent стремится использовать технологии для содействия развитию культурного туризма. На сегодняшний день компания сотрудничает с более чем с 40 проектами по всему Китаю посредством объединения местных приложений для путешествий с Weixin. В результате сотрудничества спектр туристических услуг значительно расширился.

Умный транспорт – еще одна сфера активных действий Tencent. Компания предлагает множество инновационных продуктов и решений в таких областях, как городской общественный транспорт и управление дорожным движением, интеллектуальные сети, интеллектуальный высокоскоростной транспорт, интеллектуальные аэропорты и авиация и многое другое. В области городского общественного транспорта технология Tencent использовалась более чем 180 миллионами человек в 160 городах КНР для поездок на автобусах, метро, паромов и других видах транспорта.

Во время пандемии Tencent поддержала розничную индустрию, внедрив широкий спектр мер поддержки, помогающих розничным торговцам перенести свои операции в облако. Например, многие рознич-

ные торговцы использовали Weixin для предоставления онлайн-услуг потребителям.

Компания эффективно содействует цифровизации энергетики. С этой целью Tencent запустила продукт Energy Studio, который предоставляет четыре основных сервиса: интегрированную торговую площадку, конвергенцию данных, операционное приложение и базовые возможности. Это позволяет конечным пользователям, паркам, поставщикам интегрированных энергетических услуг и другим лицам быстро создавать свою собственную интегрированную энергетическую платформу.

Tencent использует свою технологическую платформу и сотрудничает также с муниципальными государственными учреждениями и корпорациями для создания цифровой инфраструктуры завтрашнего дня. Например, 24 января 2020 г. Tencent News запустила платформу проверки для борьбы с дезинформацией о COVID-19, и по состоянию на июль 2020 г. более 300 млн пользователей Weixin использовали этот продукт для получения информации о COVID-19 в режиме реального времени.

Сотрудничество во имя устойчивого развития общества.

Как глобальная технологическая компания Tencent интегрировала цели устойчивого развития в свою стратегию, осуществляя долгосрочные действия по таким важным вопросам, как благотворительность, сокращение бедности в сельской местности, цифровая инклюзивность, охрана окружающей среды и сокращение выбросов углерода.

В компании подчеркивают ее приверженность благотворительности, указывают на то, что это важный способ генерации ценности для общества. Tencent создала специальный благотворительный фонд, который поддерживает фундаментальные исследования, борьбу с бедностью, помощь в образовании, охрану окружающей среды, традиционную культуру и другие области. По состоянию на 31 декабря 2020 г. Tencent Фонд получил в общей сложности 6,38 млрд юаней (977,78 млн долларов США) в виде пожертвований от Tencent и выделил в общей сложности 4,6 млрд юаней (704,98 млн долларов США) различным общественным и благотворительным организациям.

Компания вносит вклад в устранение дисбаланса между городским и сельским образованием, чтобы все дети могли пользоваться справедливыми и инклюзивными возможностями обучения. Так, онлайн-образование может преодолеть географические ограничения, сделав учителей и курсы доступными для детей в отдаленных районах. Во время пандемии миллионы учителей быстро перешли на онлайн-обучение с помощью продуктов компании, таких как Tencent Classroom, Tencent Smart Campus, Weixin и др. Tencent Penguin Tutoring, поставщик онлайн-курсов с самообучением, провел более миллиона бесплатных занятий, что

позволило детям в сельской местности посещать курсы преподавателей из известных университетов в крупных городах.

По мере того как цифровые технологии становятся все более распространенными и популярными в повседневной жизни, проблема «цифрового разрыва», с которым сталкиваются пожилые люди, становится все более актуальной. Tencent активно изучает способы повысить цифровую инклюзию, сделать так, чтобы цифровые технологии приносили пользу пожилым людям, а не создавали для них проблемы.

Так, в начале 2018 г. Tencent пожертвовала 30 млн юаней (4,7 млн долл. США) на Шэньчжэньский дом престарелых, чтобы помочь ему провести институциональную реформу и использовать технологии для улучшения здоровья, безопасности и благополучия находящихся в нем престарелых. В рамках партнерства Tencent разработала систему мониторинга здоровья для предоставления точной информации о их физическом состоянии.

Подход Tencent к охране окружающей среды основан на цифровых технологиях. Компания поддерживает в своих бизнес-процессах низкоуглеродные операции, ведет работу по оптимизации и совершенствованию энергосберегающих технологий. Принимаемые меры затрагивают прежде всего центры обработки данных, интеллектуальные офисные здания и внедрение безбумажных операций.

Таланты как движущая сила роста

В компании называют две движущие силы роста Tencent. Одна из них – стратегия – была рассмотрена выше. Вторая – это таланты. Подчеркивая высокий статус талантливых сотрудников, Tencent следует современному тренду, вызвавшему к жизни целую систему управления талантами в крупных, особенно глобальных, организациях.

В 1998 г. известная консалтинговая компания McKensey опубликовала доклад «Война за таланты»¹⁰, который вызвал большой резонанс в мировом бизнес-сообществе. Впоследствии сотрудники McKensey выполнили еще несколько исследований на эту тему. Основной вывод звучит так:

«Компании, которые эффективнее привлекают, развивают, вдохновляют и удерживают талантливых работников, получают лучшую, чем другие, долю этого критического дефицитного ресурса и резко повысят свои результаты»¹¹.

¹⁰ Chambers E. G., Foulon M., Handfield-Jones H., Hankin S. M., Michaels E. G. III. The War for Talent // The McKensey Quarterly. 1998. No 3.

¹¹ Майклз Э., Хэндфилд-Джонс Х., Экселрод Э. Война за таланты / Пер. с англ. Ю. Е. Корнилович. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2005. – С. 37, 80.

Привлечение талантов. Как показали исследования McKensey, для привлечения талантов необходимо соответствующее ценностное предложение сотрудникам (ЦПС). ЦПС – это совокупность того, что ежедневно испытывают и получают люди, работая в компании: от внутренней удовлетворенности работой до атмосферы на рабочем месте, руководства, коллег, вознаграждения и многого другого. В ЦПС можно выделить пять групп элементов: увлекательная работа, развитие, стиль жизни, отличная компания, благосостояние и вознаграждение.

Согласно опросам, проведенным среди менеджеров высшего и среднего звена ряда американских компаний, наиболее значимы в группах следующие параметры (значимость определялась процентом опрошенных, назвавших соответствующий параметр решающим при выборе работы):

В группе «увлекательная работа» – «интересная, требующая усилий работа» (59%), «работа, которая воодушевляет» (45%), «ко мне прислушиваются, и я оказываю влияние на принимаемые решения» (41%).

В группе «развитие» – «возможности карьерного роста» (37%), «долгосрочные обязательства по отношению ко мне» (35%), «возможность наращивать умения для развития карьеры» (35%).

В «группе стиль жизни» – «возможность выполнять личные и семейные обязательства» (51%), «проживание в привлекательном городе / регионе» (34%).

В группе «отличная компания» – «компанией хорошо управляют» (48%), «хорошие отношения с руководителем» (43%), «мне нравится культура и ценности компании» (39%).

В группе «благосостояние и вознаграждение» – «мой личный вклад в работу признается и вознаграждается» (39%), «можно значительно увеличить свое благосостояние» (36%), «высокоэффективным работникам платят больше» (31%)¹².

Tencent в целом ориентируется на эти данные. Отвечая на вопрос потенциальных сотрудников «почему Tencent?», компания называет четыре фактора: «пионеры в технологии», «открытая и креативная культура», «место для роста и процветания» и «технологии во благо»¹³. Нетрудно заметить, что первые три фактора соответствуют некоторым названным McKensey приоритетам ЦПС, а последний отражает специфику китайских компаний в целом (важность корпоративной социаль-

¹² Tencent Careers. URL: <https://careers.tencent.com/en-us/home.html> (дата обращения: 20.10.2022).

¹³ Zhenchuan Jiang, Xun Gong. The Research on Human resource Development of Tencent – The HR Three Pillar Model // *Journal of Human Resource and Sustainability Studies*. September 2019. Vol. 7. No. 3.

ной ответственности) и специфику Tencent в частности (миссия и видение компании).

Что касается вопросов материального вознаграждения, то ими в Tencent занимается Отдел вознаграждений и социального обеспечения. Цель этого подразделения – создать систему вознаграждений с внутренней справедливостью и внешней конкурентоспособностью для привлечения, удержания и мотивации талантов компании. При этом акцентируется ориентированность системы вознаграждений на «результативность и эффективность», отражающие ценность работы и вклад сотрудников. Так, вознаграждение сотрудников включает регулярную заработную плату, ежегодную премию, премию за результативность, выплаты из специального фонда и передачу акций¹⁴. Опять-таки подход компании к вознаграждению сотрудников полностью соответствует приоритетам ЦПС в группе «благополучие и вознаграждение», названных McKensey.

Развитие талантов. Для обучения сотрудников профессиональным навыкам, технологиям и лидерству была создана Академия Tencent. Данное подразделение обучает сотрудников на ряде направлений, включая обучение менеджменту, карьерное обучение, ориентационное обучение. Также активно развиваются технологии управления обучением, в том числе через онлайн-платформу.

Вдохновение и удержание талантов. В значительной степени этими вопросами занимается Отдел корпоративной культуры и отношений с сотрудниками (ОККиОС). Tencent считает, что лучшая практика – полагаться не на людей и не на политику, а на культуру. Как отмечают Чжэньхуа Цзянь и Сюнь Гун, авторы исследования системы развития человеческих ресурсов в Tencent, культура Tencent пережила процесс трансформации из домашней культуры в культуру профессионального соревнования.

ОККиОС взял на себя ведущую роль в этом изменении, неуклонно проводя линию, что компания – не место, где можно наслаждаться комфортом, а большая семья профессиональных сотрудников. Только такая корпоративная культура, по убеждению компании, может заставить людей и компанию развиваться. Одновременно предпринимались усилия по вовлечению сотрудников в обсуждение актуальных тем, имеющих стратегическое значение. Такое обсуждение призвано вдохновлять и повышать лояльность сотрудников, способных генерировать хорошие идеи и предлагать эффективные меры¹⁵.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Ibid.

Бизнес-социальная модель компании

Бизнес-социальная модель Tencent состоит из бизнес-модели и социальной модели. Первая ориентирована на создание ценности для пользователей, и на этой основе – на получение результатов как для пользователей своих продуктов и услуг, так и для акционеров, сотрудников и бизнес-партнеров. Вторая преследует цель создания социальной ценности, которая представляет собой совокупность вкладов компании в решение проблем общества и его развитие.

Бизнес-модель отвечает на вопрос «как компания зарабатывает деньги?» и содержит сведения об основных бизнес-сегментах, финансовом положении и направлениях инвестирования. Основных сегментов три (см. табл. 3). Первый сегмент «услуги с добавленной стоимостью» дает более половины (52%) доходов компании и включает два подсегмента – игровой и социальную сеть. Игровое подразделение Tencent – крупнейшее в мире, и на него приходится около 31% всех доходов компании. Эта доля последние три года практически стабильна за счет того, что падение доли игр для внутреннего рынка Китая уравнивается приблизительно равным ростом доли игр для международных рынков. Что касается доли социальной сети в доходах компании, то она постепенно снижается и во втором квартале 2022 г. составила 21%.

Таблица 2

Объем и структура доходов Tencent

Сегменты	2021 г.		2020 г.	
	млн юаней	%	млн юаней	%
Услуги с добавленной стоимостью	291 572	52	264 212	55
Онлайн реклама	88 666	16	82 271	17
Финтех и бизнес-услуги	172 195	31	128 086	27
Прочие	7 685	1	7 495	1
Доходы, всего:	560 118	100	482 064	100

Источник: Tencent Annual Report 2021, p.10. URL: <https://static.www.tencent.com/uploads/2022/04/07/7c31a327fb1c068906b70ba7ebede899.PDF>

Доля второго сегмента, а именно онлайн-рекламы, также снижается и во втором квартале 2022 г. составила 14%. А вот доля третьего, высокотехнологичного сегмента финтеха и бизнес-услуг (в которые входят облачные вычисления), довольно быстро растет и достигла в тот же период отметки 32%¹⁶. Приведенные данные позволяют сделать вывод, что источ-

¹⁶ Tencent 2022 Second Quarter Results Presentation. URL: <https://static.www.tencent.com/uploads/2022/08/17/d0d74555dfe436e57a9a3c05a0ded87b.pdf> (дата обращения: 20.10.2022).

ники доходов Tencent становятся более диверсифицированными, причем значимо возрастает вклад высокотехнологичных направлений.

Компания стабильно из года в год увеличивает свою прибыль. Так, годовая валовая прибыль Tencent в 2021 г. достигла 245 944 млн юаней, увеличившись за пять лет более чем в два раза. Чистый денежный поток от операционной деятельности в 2021 г. составил 175 186 млн юаней, что несколько ниже, чем в 2020 г., когда его величина была равна 194 119 млн юаней¹⁷. Однако почти половина данного снижения была обусловлена увеличением налоговой нагрузки, а не снижением эффективности операционной деятельности. Это говорит о том, что финансовое положение компании устойчивое, а факторы такой устойчивости носят долгосрочный характер.

Tencent осуществляет активные инвестиции, благодаря чему компания стала холдингом, объединяющим десятки дочерних компаний. Ее современная оргструктура включает шесть групп:

1. Группа корпоративного развития. Отвечает за содействие развитию и инновациям в таких областях, как финансовые технологии и реклама, а также маркетинговые услуги, включая платежные и финансовые приложения. Оказывает поддержку компании в целом и другим бизнес-группам в стратегическом планировании, инвестициях и слияниях, отношениях с инвесторами и корпоративных глобальных коммуникациях, маркетинге и связях с общественностью и многом другом.
2. Группа облачных и интеллектуальных индустрий. Ответственна за продвижение облачной и интернет-стратегии компании. Ориентирована на создание инновационных решений с помощью таких технологических достижений, как облако, искусственный интеллект и сетевая безопасность. Стимулирует цифровизацию розничной торговли, медицины, образования, транспорта и других отраслей, формирует новую экосистему интеллектуальных отраслей, которые соединяют пользователей и бизнес.
3. Группа интерактивных развлечений. Отвечает за исследования и разработки, эксплуатацию и развитие бизнеса компании в области интерактивных развлечений, включая игры и киберспорт.
4. Группа платформ и контента. Несет ответственность за интернет-платформу компании и комплексное развитие экосистемы контента и культуры. Интегрирует социальные платформы, такие как QQ и QZone, с платформами трафика, такими как магазин

¹⁷ Tencent Annual Report 2021. P. 10. URL: <https://static.www.tencent.com/uploads/2022/04/07/7c31a327fb1c068906b70ba7ebede899.PDF> (дата обращения: 20.10.2022).

приложений и браузеры Tencent, а также с платформами контента, включая новости, видео, спорт, прямые трансляции, аниме и фильмы.

5. Группа инжиниринга технологий. Отвечает за поддержку компании и ее бизнес-групп на технологических и операционных платформах, а также за строительство и эксплуатацию центров управления исследованиями и разработками и центров обработки данных. Предоставляет полный спектр клиентских услуг.
6. Группа Вэйсин (Weixin). Ответственна за создание и эксплуатацию экосистемы Weixin. Используя открытые платформы и функцию поиска, предоставляет решения и возможности подключения для интеллектуального обновления во всех отраслях промышленности¹⁸.

В целом приведенные данные говорят о том, что бизнес-модель компании успешна и позволяет ей развивать диверсифицированный и высокотехнологичный бизнес.

Социальная модель. Социальная ценность – это обобщающий термин, обозначающий всю чистую ценность, которую организация или компания предоставляет обществу. В апреле 2021 г. Tencent учредила организацию «Устойчивая социальная ценность», которая вошла в группу корпоративного развития. Компания объявила о своей приверженности общим инициативам в области процветания. К этим инициативам, в частности, относятся:

1. Обновление платформы для сбора благотворительных средств. Цель – расширить охват ежегодного «Дня пожертвований 99», добившись увеличения числа пожертвований до 69 млн пожертвований и количества участвующих предприятий до 12 000.
2. Создание общественной платформы реагирования на чрезвычайные ситуации, соединяющей центры управления чрезвычайными ситуациями с волонтерами. В платформе используются решения Интернета вещей и мини-программы Weixin.
3. Адаптация многих приложений Tencent под нужды пожилых людей.
4. Создание специальных фондов для поддержки фундаментальных научных исследований, а также продвижения важнейших технологий в области здравоохранения и охраны окружающей среды¹⁹.

¹⁸ Официальный сайт Tencent. URL: <https://www.tencent.com/en-us/about.html#about-con-2> (дата обращения: 20.10.2022).

¹⁹ Tencent Annual Report 2021, p. 7. URL: <https://static.www.tencent.com/uploads/2022/04/07/7c31a327fb1c068906b70ba7ebede899.PDF>

Компания считает, что создание социальной ценности является основой устойчивого и стабильного развития Tencent. Образно об этом Ма Хуатэн сказал так:

«Социальная ценность подобна куску почвы. Это основа развития всего предприятия. Чем глубже корни, тем больше на них растет потребительской и промышленной ценности. Добавьте ветки и листья. Чем лучше мы создаем потребительскую и промышленную ценность, тем больше солнечного света и питательных веществ мы, в свою очередь, можем поглощать и возвращать к истокам социальной ценности»²⁰.

В этом высказывании содержится два примечательных момента. Первое, указывается на взаимосвязь социальной ценности и ценности для пользователей (потребительской и промышленной ценности). Данная взаимосвязь реализуется в виде своеобразного кругооборота ценностей, в котором социальная ценность является предпосылкой для создания ценности для пользователей, а ценность для пользователей – предпосылкой для создания ценности социальной.

Второе, подобный кругооборот может осуществляться компанией с макроэкономическим уровнем деятельности, с заметным влиянием на социально-экономическую ситуацию в обществе. Следовательно, здесь непрямо, но все же достаточно прозрачно заявляется о достижении компанией данного уровня. И Tencent стремится показать, что активно действует на данном уровне.

Так, распространенным критерием создания социальной ценности является вклад в достижение целей устойчивого развития. 25 сентября 2015 г. 193 страны ООН приняли резолюцию «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года». Документ установил 17 целей устойчивого развития. По информации Tencent, компания вносит свой вклад в достижение всех 17 целей.

Цель 1. «Никакой бедности». Через фонд Tencent на протяжении последних 10 лет оказывает поддержку бедным сельским районам с помощью пожертвований, а также содействует сокращению бедности в сельской местности с помощью своих технологий и онлайн-платформ.

Цель 2. «Нулевой голод». Представила первую сельскохозяйственную систему искусственного интеллекта для эффективного улучшения сельскохозяйственного производства и повышения эффективности использования ресурсов.

Цель 3. «Крепкое здоровье и благополучие». Учредила фонд в размере 1,5 млрд юаней (211 млн долл. США) в Китае и глобальный фонд

²⁰ 腾讯可持续社会价值报告 (2021). URL: <https://static.www.tencent.com/attachments/ssv/2021/TencentSSVReport2021.pdf> (дата обращения: 20.10.2022).

в размере 100 млн долл. США для оказания помощи в борьбе с пандемией и защите общественного здравоохранения.

Цель 4. «Качественное образование». Создала сервисы, такие как Tencent Classroom и Tencent Smart Campus, гарантирующие непрерывность обучения. Компания также разработала систему интеллектуального образования Tencent Education Brain для повышения эффективности преподавания.

Цель 5. «Гендерное равенство». Посредством премии Tencent Xplorer, учрежденной основателями компании, способствует гендерному равенству, признавая и отмечая выдающиеся научные достижения женщин.

Цель 6. «Чистая вода и санитария». Создала платформу Smart Water Conservancy для изучения использования искусственного интеллекта в управлении водными ресурсами.

Цель 7. «Доступная и чистая энергия». Сформировала экосистему умной энергетики, которая объединяет пользователей и предприятия.

Цель 8. «Достойная работа и экономический рост». Предлагает своим сотрудникам конкурентоспособные пакеты заработной платы, комплексные программы обучения и надежные каналы карьерного роста. Демонстрирует устойчивый рост.

Цель 9. «Промышленность, инновации и инфраструктура». Постоянно увеличивает инвестиции в фундаментальную и передовую науку и технологии, расширяя будущие возможности для создания новой инфраструктуры.

Цель 10. «Сокращение неравенства». Продвигает цифровую интеграцию с помощью принципов доступного дизайна и «дизайна для всех», чтобы уязвимые группы населения могли воспользоваться преимуществами цифровизации.

Цель 11. «Устойчивые города и сообщества». Постоянно инвестирует в цифровые возможности и ресурсы и тесно сотрудничает с партнерами во всей экосистеме для содействия развитию цифровых городов.

Цель 12. «Ответственное потребление и производство». Сотрудничает с отраслевыми партнерами в создании служб сетевой безопасности, продвижении защиты конфиденциальности данных и защите интеллектуальной собственности.

Цель 13. «Меры по борьбе с изменением климата». Реализовала совместно с коллегами по отрасли несколько углеродно-нейтральных инициатив.

Цель 14. «Жизнь под водой». Запустила инициативу по сокращению выбросов морского пластика, направленную на повышение осведомленности общественности о состоянии океана.

Цель 15. «Жизнь на суше». Запустила проект «Tencent для планеты» по борьбе с незаконной торговлей дикими животными в Интернете.

Цель 16. «Мир, правосудие и сильные институты». Оптимизирует механизмы корпоративного управления, усиливает внутреннее управление рисками и совершенствует антикоррупционные и другие кодексы поведения.

Цель 17. «Партнерства для достижения цели». Продвигает сотрудничество с открытым исходным кодом для создания глобального технологического сообщества²¹.

Исходя из приведенных данных можно сделать вывод, что бизнес-социальная модель Tencent эффективно реализует принципы ее корпоративной культуры, реально воплощает стратегию компании в жизнь и задает устойчивую траекторию ее развития.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Кандалинцев Виталий Геннадьевич – **Kandalintsev Vitaly G.** – Ph.D. (Econ.), канд. экон. наук, старший научный Senior Research Fellow, Department of сотрудник Отдела экономических Economic Studies, Institute of Oriental исследований Института Studies of the Russian Academy of востоковедения Российской академии Science, Moscow, Russian Federation наук, Москва, Россия

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 12.10.2022. Одобрена после рецензирования: 26.10.2022.

Принята к публикации: 26.10.2022. Опубликована: 29.12.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 12.10.2022. Approved after peer reviewing: 26.10.2022.

Accepted for publication: 26.10.2022. Published: 29.12.2022.

The author has read and approved the final manuscript.

²¹ Enhancing Responsibility for Mutual Value. Tencent 2020 Corporate Social Responsibility Report. Pp. 6–7.

Научная статья. Экономические науки
УДК 622.23.05+622.143 (510)
<https://doi.org/10.31696/2227-5568-2022-04-156-172>

МИРОВОЙ РЫНОК СПЕЦТЕХНИКИ И ГОРНОДОБЫВАЮЩЕГО ОБОРУДОВАНИЯ В 2022 г.: СМОЖЕТ ЛИ КИТАЙ ОБЕСПЕЧИТЬ ПОСТАВКИ В РОССИЮ?

Елизавета Викторовна Растяникова

Институт востоковедения РАН, Москва, Россия,
e_rast@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-3494-7791>

Аннотация. В статье рассматривается мировой рынок спецтехники и оборудования для горнодобывающей промышленности. Данный рынок отличается высокой степенью монополизации и кастомизации. С начала 2010-х гг. в данном сегменте мирового рынка стали наблюдаться значительные трансформации. Международные корпорации из развитых стран, производящие оборудование для горнодобывающей промышленности, увеличили объемы производства в странах Азии. Китайским компаниям удалось ворваться и закрепиться в этой сверхмонополизированной области производства. В 2022 г. в связи с разрывом глобальных цепочек поставок и острейшим кризисом в странах коллективного Запада роль КНР еще больше возросла. В статье анализируется вопрос, в какой степени Россия, находящаяся под санкциями западных стран, сможет обеспечить свою экономику необходимой спецтехникой, какова роль Китая на российском рынке импортного оборудования для горнодобывающей промышленности.

Ключевые слова: Китай, Россия, мировой рынок, спецтехника, горнодобывающее оборудование

Для цитирования: Растяникова Е. В. Мировой рынок спецтехники и горнодобывающего оборудования в 2022 г.: сможет ли Китай обеспечить поставки в Россию? *Восточная аналитика*. 2022;13(4):156–172. <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2022-04-156-172>.

Original article. Economics studies

GLOBAL MARKET OF SPECIAL MACHINERY AND MINING EQUIPMENT IN 2022: WILL CHINA BE ABLE TO PROVIDE SUPPLIES TO RUSSIA?

Elizaveta Rastyannikova

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
e_rast@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-3494-7791>

Abstract. The article examines the global market of special machinery and equipment for the mining industry. This market is characterized by a high degree of monopolization and customization. Since the beginning of the 2010s, significant transformations have been observed in this market. International corporations from developed countries producing equipment for the mining industry have increased production volumes in Asian countries. Chinese companies have managed to break in and gain a foothold in this ultra-monopolized area of production. In 2022 due to the disruption of global supply chains and the acute crisis in the countries of

This work is licensed under a Creative Commons
Attribution-ShareAlike 4.0 International (CC BY-SA 4.0).

the collective West, the role of the China has increased even more. The article analyzes the question to what extent Russia, which is under the sanctions of the collective West, will be able to provide its economy with the necessary special machinery, what is the role of China in the Russian market of imported equipment for the mining industry.

Keywords: China, Russia, world market, special machinery, mining equipment

For citation: Rastyannikova E. V. Global market of special machinery and mining equipment in 2022: will China be able to provide supplies to Russia? *Vostochnââ analitika* = *Eastern Analytics*. 2022;13(4):156–172. (In Russ.) <https://doi.org/10.31696/2227-5568-2022-04-156-172>.

Введение. Мировой рынок спецтехники и горнодобывающего оборудования

Рассмотрим тенденции и особенности современного этапа развития мирового рынка спецтехники и горнодобывающего оборудования¹.

Первое. Если сама отрасль горной добычи ресурсов характеризуется относительно короткими цепочками поставок, в отрасли, производящей оборудование для добывающей промышленности, глобальные цепочки стоимости существенно диверсифицировались при расширении номенклатуры товаров и услуг.

Второе. Мировой рынок горного оборудования отличается высокой степенью монополизации и кастомизации, так как каждый регион, где осуществляется добыча полезных ископаемых, имеет свою уникальную природную структуру.

Третье. Быстрый экономический рост стран Азии привел к существенному изменению баланса сил на мировом рынке ресурсов горнодобывающей промышленности. Урбанизация и строительство инфраструктурных объектов в быстроразвивающихся странах Азии, причем не только в Индии и Китае, должны значительно увеличить спрос на таковые ресурсы и, соответственно, возрастет потребность в расширении линейки различного оборудования.

Четвертое. По оценкам В. Б. Кондратьева, за последние 10 лет в секторе горного машиностроения произошла череда крупных слияний и поглощений. Несколько международных фирм, производящих оборудование для горнодобывающей промышленности из развитых стран, увеличили объемы производства в регионах с Азии, в частности в Китае

¹ Спецтехника различается по назначению и виду выполняемых работ – строительная техника, карьерная, горная, шахтная техника, дорожная, подъемная, коммунальная, лесозаготовительная техника. В настоящей статье в номенклатуру спецтехники и оборудования для горнодобывающей промышленности включены товары, имеющие следующие коды ТН ВЭД: бульдозеры, грейдеры, экскаваторы (8429); погрузчики (8427); оборудование для дробления, сортировки (8474); оборудование для бурения, извлечения грунта (8430).

Контент доступен под лицензией Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция-СохранениеУсловий») 4.0 Всемирная.

и Индии, Австралии, Латинской Америке. Так как «спецификации оборудования, как правило, кастомизированы и привязаны к уникальным условиям конкретного месторождения или шахты, близость к потребителю и клиенту выступает важнейшим фактором развития цепочки производства горного оборудования»².

В условиях сверхмонополизации на мировом рынке существовало ограниченное количество фирм, выпускающих крупногабаритную технику для горнодобывающей промышленности, в первую очередь это компании США *Caterpillar*, *John Deere*, *Terex*, японские компании *Hitachi*, *Komatsu*, немецкая – *Liebherr*, шведские – *Volvo*, *Sandvik*³. Но в последнее десятилетие китайским компаниям удалось ворваться и закрепиться в сверхмонополизированной области производства спецтехники и оборудования для горнодобывающей промышленности. В отрасли горного оборудования в Китае доминировали крупные межнациональные корпорации, в том числе с государственным участием. Можно предположить, что с 2022 г. в связи с разрывом глобальных цепочек поставок и острейшим кризисом в странах коллективного Запада роль КНР еще больше возрастет. В списке ведущих производителей спецтехники и оборудования для горнодобывающей промышленности закрепились три крупных китайских компании: *XCMG*, *Sany*, *Zoomlion*.

Отметим, что для выявления ведущих мировых производителей спецтехники и оборудования для горнодобывающей промышленности в работе использовался свод данных «Желтая таблица», которая ежегодно составляется британским журналом «*International Construction*»⁴.

Китайские фирмы на мировом рынке спецтехники и оборудования для горнодобывающей промышленности

В годы пандемии соответствующие компании из большинства стран мира демонстрировали спад объема продаж. Исключением стали китайские фирмы, которые в 2020–2021 гг. не только показали прирост показателя благодаря принятому правительством плану по стимулированию экономики, но и внесли заметные изменения в сам рейтинг.

С 2010 г. до 2018 г. объем экспорта китайской спецтехники увеличился с 11,2 млрд долл. до 21,9 млрд долл. В 2018–2019 гг. экспорт китайской спецтехники держался на уровне 22 млрд долл., но к 2020 г. он сокра-

² Кондратьев В. Б. Глобальная отрасль горного машиностроения // Горная Промышленность. – 2018. – № 3 (139). – С. 26–33.

³ Растяникова Е. В. Страны БРИКС на пороге четвертой промышленной революции: добывающая промышленность / Отв.ред. А. В. Акимов. – М.: ИВ РАН, 2019. – С. 70.

⁴ Желтая таблица 2021: 50 крупнейших мировых производителей спецтехники // Экскаватор.ру. URL: https://exkavator.ru/main/news/inf_news/124799_gyoltaya_tablitsa_2021_50_krupneyshih_mirovih_proizvoditeley_spetstehniki.html (дата обращения: 20.05.2021).

тился до 19,4 млрд долл. Упомянутый выше план был принят в апреле, и уже в 2021 г. продажи взлетели до 27 млрд долл. Доля страны в объеме мирового экспорта росла относительно стабильно с 11% в 2010 г. до 13% в 2014 г. и до 17% в 2021 г. (см. рис. 1).

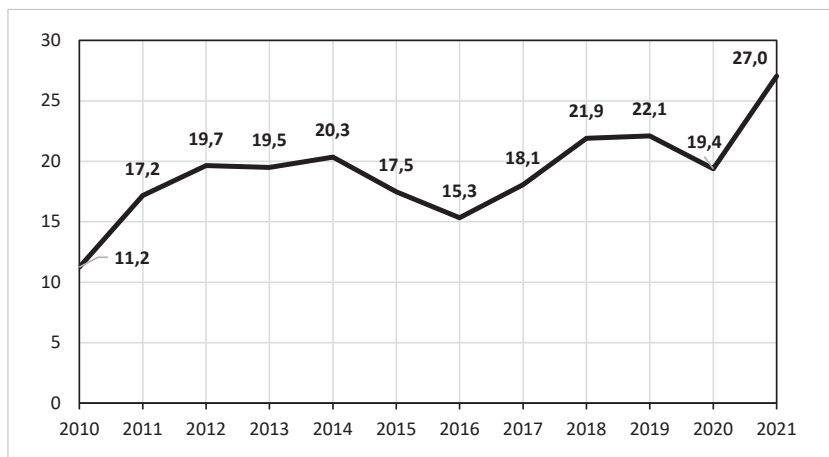

Рис. 1. Китай: экспорт спецтехники и оборудования для горнодобывающей промышленности, млрд долл.

Источник: ITC Trade Map. URL: <https://www.trademap.org/Index.aspx> (дата обращения: 22.06.2022)

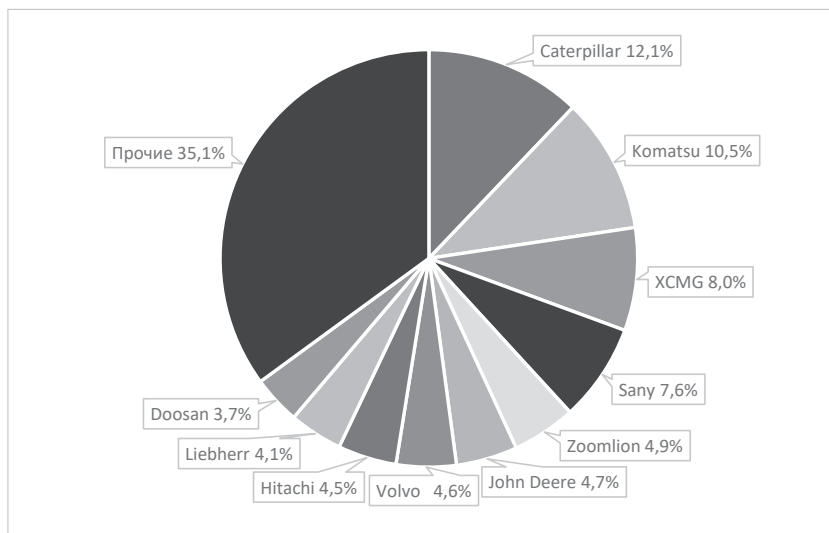

Рис. 2. Топ-10 компаний на мировом рынке спецтехники и оборудования для горнодобывающей промышленности в 2021 г.

Источник: Желтая таблица 2021: 50 крупнейших мировых производителей спецтехники // Экскаватор.ру. URL: https://exkavator.ru/main/news/inf_news/124799_gyoltaya_tablitsa_2021_50_krupneyshih_mirovih_proizvoditeley_spetstehniki.html (дата обращения: 20.05.221)

Три китайских производителя крупного оборудования (*XCMG*, *Sany*, *Zoomlion*) не только увеличили свои экспортные возможности, но к 2021 г. заняли ведущие места в мировом рейтинге производителей спецтехники (см. рис. 2).

Несмотря на сокращение экспорта специализированной техники с 32,9 млн долл. в 2018–2019 гг. до 24,8 млн долл. в 2020–2021 гг. первое место стабильно занимает американская корпорация *Caterpillar* (хотя ее доля от общемировых продаж уменьшилась с 16,2% до 12,1%). Японский производитель *Komatsu* в этот период снизил поставки с 23,3 млрд долл. до 20 млрд долл., но остался вторым (его удельный вес в это время изменился с 11,5% до 10,5%).

Однако, начиная с третьего места в рейтинге, мы можем наблюдать структурные изменения. Китайская компания *XCMG* за 2018–2021 гг. взобралась с шестого на третье место и потеснила с него американскую фирму *John Deere*, подняв свои продажи с 11,2 млрд долл. до 15,2 млрд долл. Это выразилось в наращении доли в мировом экспорте с 5,5% до 8,0%. Четвертую и пятую строчки рейтинга заняли также китайские производители – переместившаяся за три года с седьмого места *Sany* с увеличением объема продаж с 11 млрд долл. до 14,4 млрд долл. и ранее занимавшая тринадцатую позицию *Zoomlion* с ростом продаж за аналогичный срок почти на треть (с 6,3 млрд долл. до 9,5 млрд долл.). Доля компаний в мировом экспорте спецтехники поднялась с 5,4% до 7,6% и с 3,1% до 4,9% соответственно (см. рис. 2).

Соответственно в 2018–2021 гг. на мировом рынке всем некитайским корпорациям пришлось переместиться вниз рейтингового списка – это коснулось компаний *John Deere*, *Volvo*, *Hitachi*, *Doosan*. Шведская *Volvo* за 2018–2021 гг. перешла с пятого (9,4 млрд долл.) на седьмое место (8,9 млрд долл.), впрочем, без изменения своей доли в 4,6% на мировом рынке. Японская фирма *Hitachi* за этот период опустилась с четвертого на восьмое место, при этом поставки ее техники упали только на 0,4 млрд долл. (с 9 млрд долл. до 8,6 млрд долл.), а доля на мировом рынке выросла с 4,4% до 4,5%. Немецкое предприятие *Liebherr* за три года передвинулось на одно место – с восьмого на девятое. В материальном плане это выразилось в сокращении экспорта с 8,6 млрд долл. до 7,8 млрд долл. и удельного веса в общемировых продажах с 4,2% до 4,1%. Замыкает десятку лидеров корейская компания *Doosan*, около 35% которой было приобретено в собственность *Hyundai Heavy Industries*. В 2018–2021 гг. она потеряла один пункт в рейтинге, но при этом увеличила продажи с 6,7 млрд долл. до 7,1 млрд долл., а долю на мировом рынке – с 3,3% до 3,7%.

Стоит упомянуть еще о нескольких китайских производителях, вошедших в «Желтую таблицу». В 2018–2021 гг. с двадцать первого

на пятнадцатое место поднялась компания *LiuGong*, чей экспорт спецтехники вырос с 2,3 млрд долл. до 2,8 млрд долл. *Lonking*, показав волатильную динамику, за три года передвинулась на двадцать третье место с продажами 1,9 млрд долл. *Sunward* и *Shantui* а отчетном году оказались на тридцать первом и тридцать втором местах, соответственно, с близким объемом внешних поставок – около 1,2 млрд долл. Компания *Foton Lovol* заняла тридцать восьмую строчку рейтинга, ее экспорт в 2021 г. составил 682 млн долл. *XGMA* спустилась в турнирной таблице с сорок шестого места в 2018 г. до пятидесятого места в 2021 г., хотя падение ее продаж не кажется столь трагичным – с 288 млн долл. до 278 млн долл. Кроме того, на мировом рынке появилась новая китайская корпорация *Dingli*, в 2021 г. ее экспорт был равен 429 млн долл.

Крупнейшая из китайских корпораций *XCMG* производила практически всю номенклатуру крупной и средней спецтехники, другие компании специализировались на ограниченном наборе товаров. Например, компания *Sunward* вошла в 20 ведущих производителей экскаваторов, *LiuGong* – фронтальных погрузчиков, *Shantui* – бульдозеров⁵.

На рис. 3 показана доля продаж китайской спецтехники по странам мира в 2021 г.

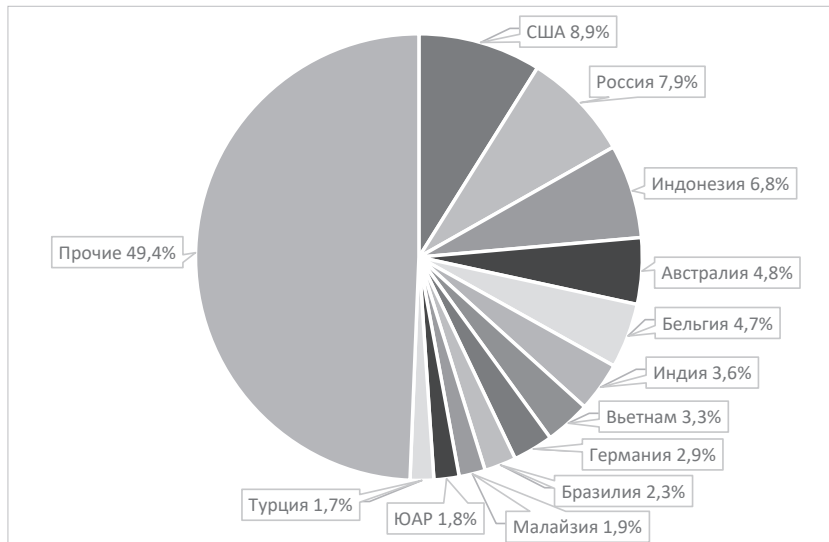

Рис. 3. Китай: экспорт спецтехники и оборудования для горнодобывающей промышленности по странам в 2021 г.

Источник: ITC Trade Map. URL: <https://www.trademap.org/Index.aspx> (дата обращения: 22.06.2022)

⁵ Жёлтая таблица 2021: 50 крупнейших мировых производителей спецтехники // Экскаватор.ру. URL: https://exkavator.ru/main/news/inf_news/124799_gyoltaya_tablitsa_2021_50_krupneyshih_mirovih_proizvoditeley_spetstehniki.html (дата обращения: 20.05.2021).

Первое место занимали США, на страну приходилось 8,9% продаж китайского оборудования, следом шла Россия (7,9%), далее – Индонезия (6,8%). На Австралию приходилось 4,8% от объема продаж китайского экспорта, она находилась на четвертом месте, Бельгия – на пятом (4,7%), Индия – на шестом (3,6%), Вьетнам – на седьмом (3,3%), далее следовали Германия, Бразилия, Малайзия, ЮАР и Турция – на каждую из этих стран в 2021 г. пришлось менее 3% общих продаж спецтехники КНР (см. рис. 3).

В 2021 г. в структуре китайского экспорта специальной техники 48% занимала крупная техника – бульдозеры, грейдеры, экскаваторы (см. рис. 4). В 2014 г. этот показатель составил 32%, и такой рост спроса на крупную технику подтверждает возрастание роли горнодобывающего комплекса в мировой экономике. В 2021 г. 22% объема экспорта спецтехники приходилось на погрузчики, 20% – на оборудование для дробления и сортировки, 9% – на оборудование для бурения и извлечения грунта.

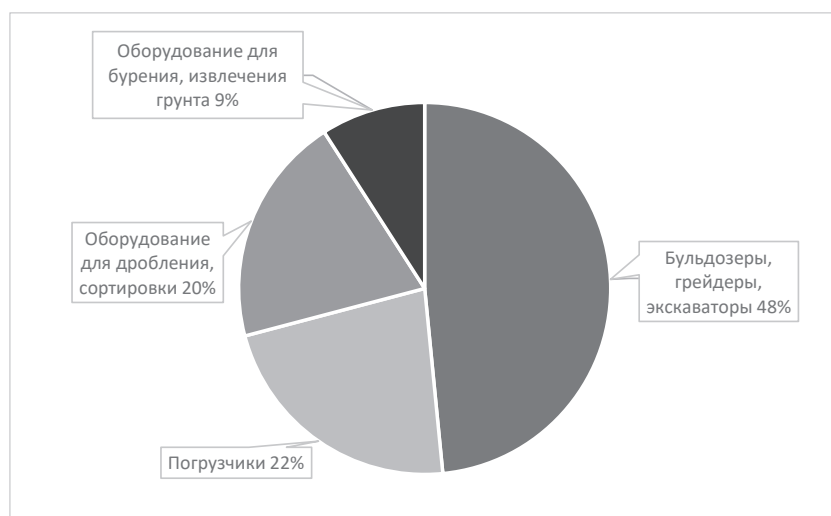

Рис. 4. Китай: номенклатура экспорта спецтехники и оборудования для горнодобывающей промышленности в 2021 г.

Источник: ITC Trade Map. URL: <https://www.trademap.org/Index.aspx> (дата обращения: 22.06.2022)

На экспортных продажах КНР на мировой рынок крупной спецтехники (бульдозеров, грейдеров, экскаваторов) имеет смысл остановиться подробнее (см. рис. 5).

В 2021 г. первое место по закупкам крупной спецтехники заняла Индонезия – на нее приходилось 9,8% китайского экспорта такого оборудования, второе место – Россия с долей 9,6%. На Бельгию, США и Филиппины пришлось 6,8%, 5,2% и 4,1%, соответственно. Далее следуют Таиланд (3,7%), Германия (3,2%), Австралия (3,1%). Вьетнам, Индия, Бразилия

и ЮАР – каждая получали менее 3% китайских поставок горнодобывающего оборудования. На остальные же страны в сумме приходилось 44,6% рынка.

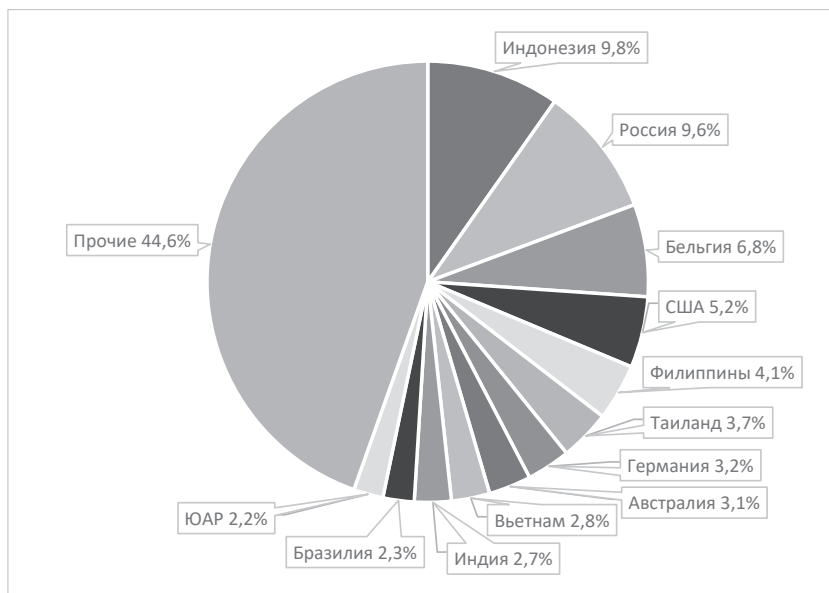

Рис. 5. Китай: экспорт бульдозеров, грейдеров, экскаваторов в 2021 г.

Источник: ITC Trade Map. URL: <https://www.trademap.org/Index.aspx> (дата обращения: 22.06.2022)

Интересно отметить, что Австралия, Бразилия, ЮАР, Индонезия и Филиппины каждая по своей ресурсной специализации входят в число лидеров по поставкам в Китай ресурсов горнодобывающей отрасли. Таким образом, здесь мы можем наблюдать обмен в теории относительных преимуществ.

В целом, компании КНР проделали большой путь по завоеванию мирового рынка специализированной техники. Они организовывали на своей территории совместные предприятия с лидерами машиностроения и пользовались европейскими, американскими и японскими технологиями. Результатом такой кооперации стало не только улучшение качества продукции, но и повышение уровня менеджмента, технологий и международного статуса⁶.

Ярким примером этого тренда является корпорация *XCMG*. На данный момент в нее входит 26 дочерних предприятий, доля государственного участия составляет 50%. Продвигаясь на западные рынки спецтех-

⁶ Китайская спецтехника покоряет мир // I Грейдер. URL: <https://igrader.ru/spetstehnika/kitajskaya-specztehnika-pokoryaet-mir/> (дата обращения: 04.03.2021).

ники, компания создала 14 совместных проектов с мировыми лидерами машиностроения, такими как *Caterpillar*, *Leibherr*, *Thyssen Krupp*, *Metior*, *Cummins*. В 1995 г. было создано совместное предприятие с *Caterpillar Inc.*, в результате чего был запущен завод по производству экскаваторов. Вместе с *Liebherr XCMG* построила завод по производству автобетононасосов. В 2012 г. она выкупила контрольный пакет акций фирмы *Schwing* – одного из лидеров по производству бетононасосов в Германии. Кроме того, компанией *XCMG* были поглощены немецкая *Fluitronics*, которая выпускает гидравлическое и другое оборудование для спецтехники, и голландский производитель гидравлики *AMCA Hydraulics*. Также корпорация *XCMG* запустила производственные площадки в Польше и в Бразилии, был образован научно-исследовательский центр гидравлических систем в Германии. Это был первый центр НИОКР, построенный компанией за пределами Китая⁷.

Другие примеры совместных проектов КНР в области производства и экспорта спецтехники. Китайская корпорация *LiuGong*. В 2012 г. она приобрела у польского производителя *Huta Stalowa Wola* подразделение строительных машин *Dressta*. В 2014 г. *LiuGong* и американская компания *Cummins* открыли совместное предприятие *Guangxi Industrial Power Company* по производству двигателей. Корпорация *SDLG*, не вошедшая в «Желтую таблицу», известна как производитель дорожно-строительного оборудования, прежде всего катков, экскаваторов и фронтальных погрузчиков. В 2007 г. шведская компания *Volvo* выкупила 70% акций китайского бренда, после чего сотрудничество производителей активно развивалось. В 2013 г. при содействии *Volvo* на рынок США вышли и прочно закрепились фронтальные погрузчики *SDLG*. Также стоит упомянуть сотрудничество *Shantui* с японской *Komatsu*. В 1996 г. начало работу СП *Komatsu-Shantui Company*, которое производит экскаваторы под маркой *Komatsu*. *Shantui*, входящая в состав государственной компании «Шаньдунская тяжелая промышленность», известна в мире как король бульдозеров, на мировом рынке она обгоняет *Caterpillar* по ежегодному количеству выпускаемых бульдозеров. Причем *Shantui*, которая ранее использовала технологии японского производителя, в настоящее время создает собственные разработки⁸.

Помимо крупнейших китайских фирм, входящих в списки мировых лидеров-производителей спецтехники и горного оборудования, в стране существуют более мелкие компании, выпускающие ограничен-

⁷ Китайская спецтехника покоряет мир // I Грейдер. URL: <https://igrader.ru/spetstehnika/kitajskaya-specztechnika-pokoryaet-mir/> (дата обращения: 04.03.2021).

⁸ Там же.

ную номенклатуру для горнодобывающей промышленности, например, *Kefid, Zenith*, выпускающие дробильное оборудование.

Можно прогнозировать, что в ближайшие годы горно-обрабатывающая промышленность в Китае будет переживать активную модернизацию. В стране до сих пор остаются мелкие производители оборудования, но именно крупные фирмы в своем стремлении экспансии на мировой рынок, имея возможность повышать качество продукции, будут вытеснять небольшие предприятия.

Россия на мировом рынке спецтехники и оборудования для горнодобывающей промышленности

Наибольший рост российского импорта спецтехники наблюдался с 2010 г. до 2012 г., когда он вырос более чем вдвое, достигнув своего исторического пика – с 3,6 млрд долл. до 7,8 млрд долл. Далее началось падение, и в 2015 г. показатель, сократившись в 4,2 раза, стал равен 1,8 млрд долл. К 2020 г. он постепенно поднялся до 3,1 млрд долл., но за следующий год (после пандемии) взлетел до уровня 5,4 млрд долл., т. е. на 2,3 млрд долл. (см. рис. 6).

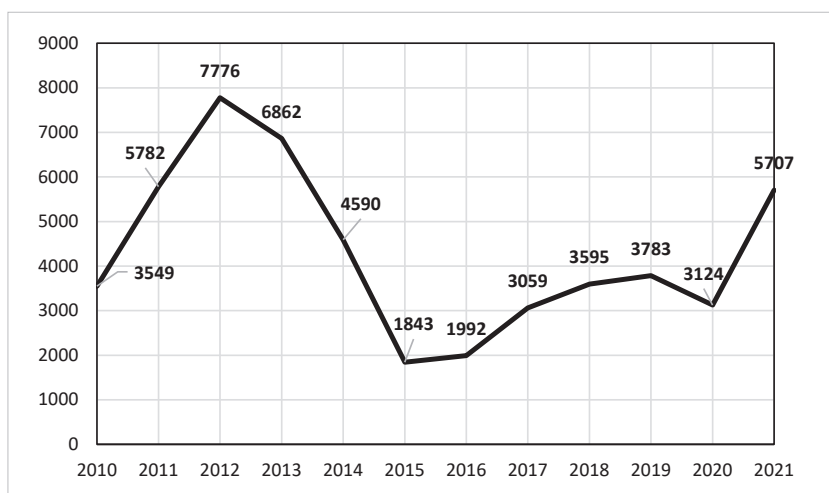

Рис. 6. Россия: импорт спецтехники и оборудования для горнодобывающей промышленности, млн долл.

Источник: ITC Trade Map. URL: <https://www.trademap.org/Index.aspx> (дата обращения: 22.06.2022)

В начале 2022 г. структура российского импорта спецтехники при ранжировании по фирмам-производителям показана на рис. 7.

На первом месте среди поставщиков спецтехники в Россию была британская компания JCB, основу продукции которой составляют экскаваторы-погрузчики и телескопические погрузчики. Также эти виды

товаров Россия закупала у корпораций *SDLG* (9% отечественного рынка, в особенности фронтальные погрузчики) и *XCMG* (5% рынка). У *SDLG* отмечался значительный рост экспорта в Россию экскаваторов, в том числе, благодаря компании «Русбизнесавто». Японская *Komatsu* с долей 8% лидировала на рынке экскаваторов. Марка *Caterpillar* (6% рынка РФ) поставляла в страну экскаваторы, экскаваторы-погрузчики и бульдозеры (см. рис. 7). Другие фирмы-производители спецтехники обеспечивали 5% (*LuiGong*), 4% (*Lonking u Shantui*) и 3% (*Doosan* и *Sany*) российских закупок⁹.

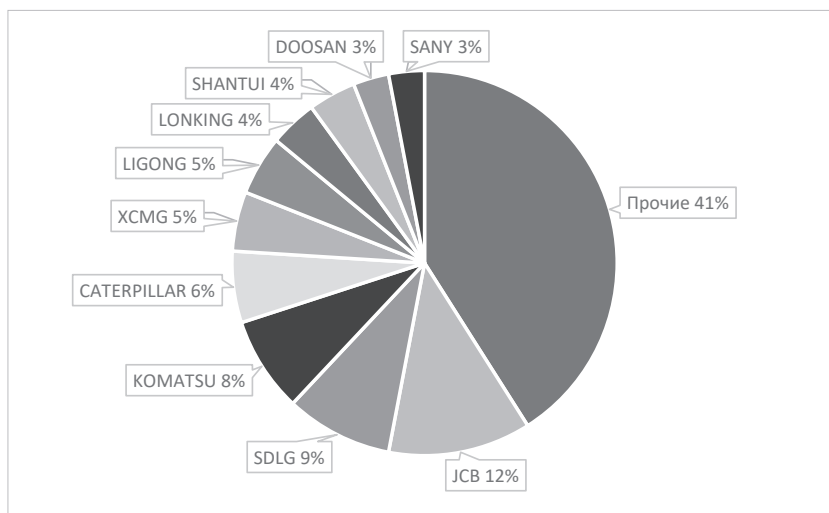

Рис. 7. Структура российского импорта оборудования для горнодобывающей промышленности в январе-марте 2022 г., %

Источник: Более половины рынка занял Китай. ID-Marketing – об импорте спецтехники в 2014–2022 годах // Портал о спецтехнике «Экскаватор.ру». URL: https://exkavator.ru/main/news/inf_news/142624_bolee_polovini_rinka_zanyal_kita_id-marketing_ob_importe_spetstehniki_v_20142022_godah.html (дата обращения 03.06.2022).

Примечание: Подсчеты осуществлены на базе количественных показателей.

Следует отметить, что доля поставок спецтехники в Россию, полученных из различных стран, за последнее десятилетие существенно изменилась, хотя основные страны-экспортеры спецтехники остались прежними (см. рис. 8).

Доля поставок Китая с 2010 г. по 2021 г. увеличилась почти в два раза – с 24% до 42%. За этот период закупки в Германии сократились с 19% до 9%. Снизилась поставка техники из Японии (с 12% до 11%), из

⁹ Более половины рынка занял Китай. ID-Marketing – об импорте спецтехники в 2014–2022 годах // Портал о спецтехнике «Экскаватор.ру». URL: https://exkavator.ru/main/news/inf_news/142624_bolee_polovini_rinka_zanyal_kitay_id-marketing_ob_importe_spetstehniki_v_20142022_godah.html (дата обращения: 03.06.2022).

США (с 10% до 4%), Южной Кореи (с 9% до 7%). Таким образом, на российском рынке спецтехники и техники для горнодобывающей промышленности монопольное положение занял Китай.

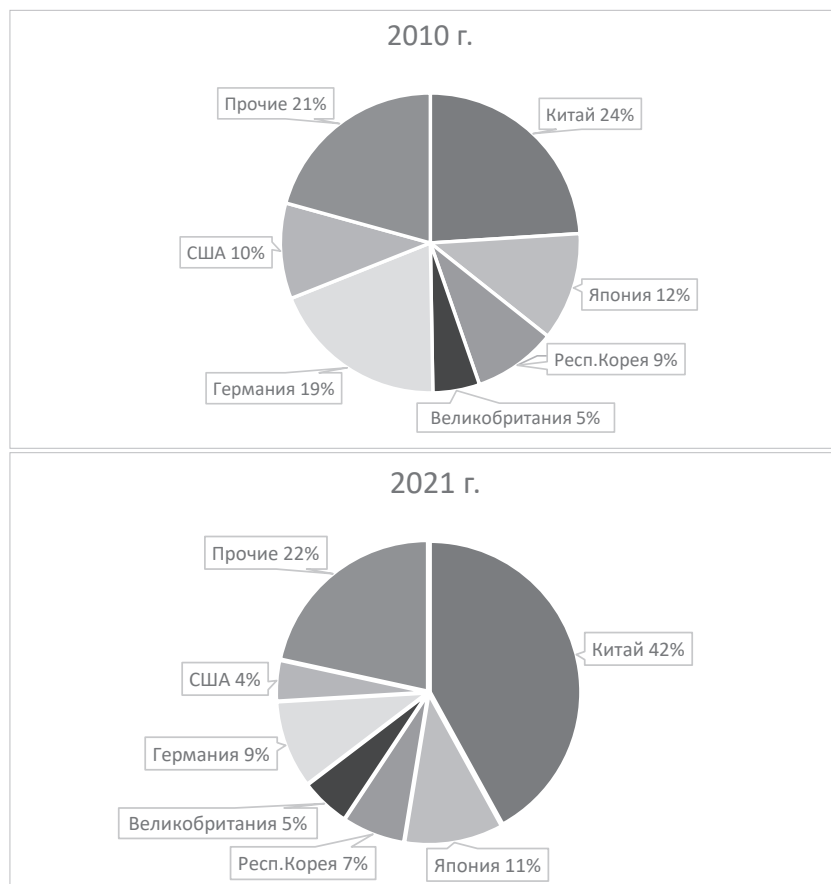

Рис. 8. Импорт спецтехники и оборудования для горнодобывающей промышленности в Россию, ранжированный по странам, %

Источник: ITC Trade Map. URL: <https://www.trademap.org/Index.aspx> (дата обращения: 22.06.2022)

Примечание: Подсчеты осуществлены на базе стоимостных показателей.

Основной причиной сдвига спроса в сторону китайской спецтехники был низкий ценовой диапазон при относительно высоком качестве машинного оборудования.

Почти половина российских закупок в этом сегменте в 2021 г. приходилось на бульдозеры, грейдеры, экскаваторы – 45%, 15% – на оборудование для дробления и сортировки, 11% занимали погрузчики, 8% – оборудование для бурения и извлечения грунта, 5% – самосвалы, удельный вес прочих машин составлял 16% (см. рис. 9).

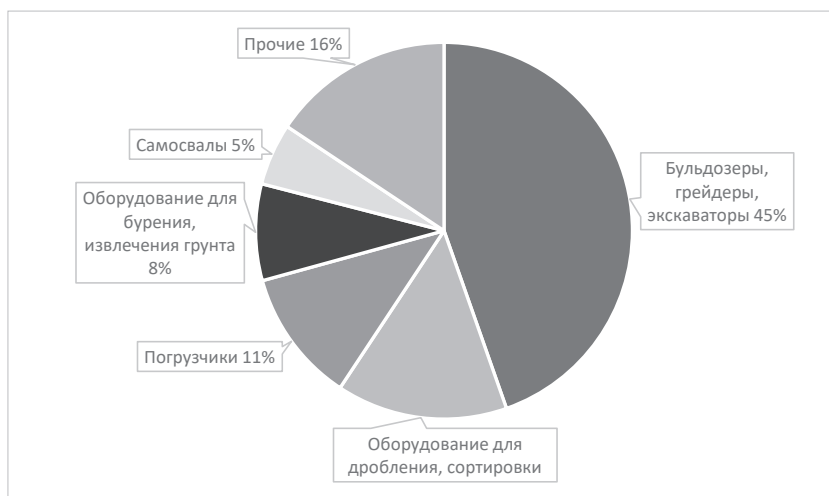

Рис. 9. Импорт спецтехники и оборудования для горнодобывающей промышленности в Россию по номенклатуре в 2021 г., %

Источник: ITC Trade Map. URL: <https://www.trademap.org/Index.aspx> (дата обращения: 22.06.2022)

Если проанализировать ввоз в Россию непосредственно оборудования для наземной добычи полезных ископаемых, то к ним можно отнести карьерные и сочлененные самосвалы, колесные погрузчики, гусеничные тяжелые бульдозеры и экскаваторы¹⁰. Главное отличие такого оборудования от другого аналогичного оборудования специального назначения – это условия работы, которые заключаются в размерах, грузоподъемности и определяют конструктивные особенности машин. Ведущими поставщиками импортного оборудования этого сегмента в Россию до 2022 г. по преимуществу оставалась *Komatsu*, *Caterpillar*, *Liebherr*, *Hitachi*, *Volvo*.

Международные корпорации специализированной техники, следуя трендам глобализации, открывали производства не только в странах Азии, но и в России. В 1994 г. в Ленинградской области был основан завод *Caterpillar*, в 2008 г. в Ярославской области начал работать завод *Komatsu*, в 2009 г. в Калуге был построен завод *Volvo*. Однако в связи с 2022 г. эти корпорации приостановили свою деятельность в России.

В частности, компания *Caterpillar* объявила о приостановке работы своего завода в г. Тосно Ленинградской области. В то же время корпорация продолжает использовать Россию в качестве логистической связи между ЕС и Китаем, что подтверждает тот факт, что слом глобальных

¹⁰ Ловков А. Российский импорт карьерной техники в январе–октябре 2021 года // Основные средства. 2022. № 1. URL: <https://os1.ru/article/27246-rossiyskiy-import-karernoy-tehniki-v-yanvare-oktyabre-2021-goda> (дата обращения: 08.09.2022).

цепочек поставок может привести к кризисной ситуации. Японская корпорация *Komatsu* остановила поставки и деятельность завода в п. Нагорный Ярославской области. В таком же ключе действовала компания *Volvo* по отношению к предприятию в Калуге. ЕС и Япония ввели запрет на экспорт в Россию горно-шахтного оборудования.

Эти факты воодушевили китайских производителей спецтехники, которые надеются на повышение спроса на свою продукцию на российском рынке. Однако страны ЕАЭС вынуждены постоянно контролировать антидемпинговые меры на товары, поступающие из Китая. Например, в 2021 г. антидемпинговая пошлина на бульдозеры из КНР, которая была введена в 2015 г., продлена еще на 5 лет.

В то же время объективно оценивая внешнеторговую политику Китая с февраля 2022 г., можно отметить, что страна в силу ряда причин, в том числе опасаясь санкций, поставки оборудования в Россию не наращивает. Практически не оправдались надежды, что Китай будет поставлять России товары, которые раньше поступали из западных стран. «В итоге профицит внешней торговли с Китаем за год вырос вчетверо (с 7,3 млрд долл. до 28,7 млрд долл.), но в основном за счет наращивания Россией поставок сырья и энергоносителей в рамках «поворота на Восток». Ускорения встречных поставок китайского оборудования, необходимого РФ для импортозамещения, судя по выступлению представителя КНР на Восточном экономическом форуме, России в условиях санкций ждать не приходится»¹¹.

С другой стороны, широкомасштабно на импортном рынке России присутствует горнодобывающая техника из Беларуси. В первую очередь, это, конечно, белорусский «БЕЛАЗ». В России наиболее востребованы самосвалы грузоподъемностью 130 тонн и 220 тонн. Данной компании принадлежат 90% мирового рынка по первому виду машин и 45% – по второму. Наиболее значительными рынками для «БЕЛАЗА» являются страны бывшего СССР, Монголия, Босния, Герцеговина, в которые осуществляется почти 79% продаж. Белорусская ТПК «Белдозер» предлагает технику мирового уровня как собственного производства, например, бульдозеры BEL-DOZER, так и технику производителей КНР.

Предполагается, что потребности горнодобывающего сектора РФ в бульдозерах и самосвалах смогут удовлетворить белорусские и российские компании. Насчет проходческих комбайнов можно надеяться на китайскую *XCMG*. Кроме того, еще до 2022 г. Копейский машиностро-

¹¹ Торговля России с Китаем начала угрожать рублю // Федеральное интернет-издание «Капитал страны». URL: https://kapital-rus.ru/articles/article/torgovlya_rossii_s_kitaem_nachala_ugrojat_rublu/ (дата обращения: 08.09.2022).

ительный завод в Челябинской области в рамках программы импортозамещения разработал буровое оборудование для угледобычи. Оно способно заменить аналогичную продукцию шведской фирмы *Sandvik*¹².

Также в настоящее время существуют и другие российские предприятия, чей потенциал существенно повысило импортозамещение. Например, в Кемеровской области в г. Юрга вновь заработал обанкротившийся ранее «Юрмаш» (Юргинский машиностроительный завод), где осуществляется производство и ремонт гидравлического оборудования, механико-сборочные работы и испытания оборудования¹³.

В сфере производства и ремонта горнодобывающего оборудования функционируют и другие российские предприятия. Кузбасский завод горношахтного оборудования предлагает услуги по ремонту и обслуживанию проходческих комбайнов. Скуратовский опытно-экспериментальный завод в г. Тула производит машины и оборудование для добычи, обогащения и транспортировки полезных ископаемых. Тульский завод горношахтного оборудования выпускает технику для предприятий горной добычи. Донецкий филиал Ясиноватского машиностроительного завода в Ростовской области является ведущим производителем проходческой техники самого широкого назначения.

Набирает мощности по производству оборудования для горнодобывающей промышленности (в том числе на экспорт) группа компаний «УЗТМ-КАРТЭКС», которая объединяет ПАО «Уралмашзавод» и ООО «ИЗ-КАРТЭКС им. П. Г. Коробкова». Здесь производятся новейшие виды электрических карьерных экскаваторов (ЭКГ), шахтные подъемные машины, дробильно-размольное оборудование и др.

Прогнозируя на ближайшую перспективу ситуацию в горнодобывающей промышленности, по всей видимости надо исходить из того, что данной отрасли российской экономики придется опираться в большей мере на свои силы и ограниченные возможности импортозамещения. Здесь следует подчеркнуть, что в России импортозамещение, и, в частности в производстве горнодобывающего оборудования, вряд ли сможет охватить целиком всю цепочку добавленной стоимости, поэтому, вероятно, производители будут концентрироваться на создании конечного продукта, размещая производство комплектующих в дружественных странах.

¹² Оспенников А. Буровые станки челябинского машзавода заменят шведские аналоги // Информационное агентство URA.RU. URL: <https://ura.news/news/1052559892> (дата обращения: 08.06.2022).

¹³ В Кузбассе после простоя заработал скандальный обанкротившийся завод // Онлайн-журнал «Сибдепо». URL: <https://sibdepo.ru/news/v-kuzbasse-posle-prostoya-zarabotal-skandalnyj-obankrotivshijsya-zavod.html> (дата обращения: 21.05.2022).

Литература / References

1. Более половины рынка занял Китай. ID-Marketing – об импорте спецтехники в 2014–2022 годах // Портал о спецтехнике «Экскаватор.ру». URL: https://exkavator.ru/main/news/inf_news/142624_bolee_polovini_rinka_zanyal_kitay_id-marketing_ob_importe_spetstehniki_v_20142022_godah.html (дата обращения: 03.06.2022).
2. В Кузбассе после простоя заработал скандальный обанкротившийся завод // Онлайн-журнал «Сибдепо». URL: <https://sibdepo.ru/news/v-kuzbasse-posle-prostoya-zarabotal-skandalnyj-obankrotivshijsya-zavod.html> (дата обращения: 21.05.2022).
3. Желтая таблица 2021: 50 крупнейших мировых производителей спецтехники // Экскаватор.ру. URL: https://exkavator.ru/main/news/inf_news/124799_gyoltaya_tablitsa_2021_50_krupneyshih_mirovih_proizvoditeley_spetstehniki.html (дата обращения: 20.05.2021).
4. Китайская спецтехника покоряет мир // I Грейдер. URL: <https://igrader.ru/spetstehnika/kitajskaya-specztechnika-pokoryaet-mir/> (дата обращения: 04.03.2021).
5. Кондратьев В.Б. Глобальная отрасль горного машиностроения // Горная Промышленность. – 2018. – № 3 (139). – С. 26–33.
6. Ловков А. Российский импорт карьерной техники в январе–октябре 2021 года // Ж-л «Основные средства». – 2022. – № 1. URL: <https://os1.ru/article/27246-rossiyskiy-import-karernoj-tehniki-v-yanvare-oktyabre-2021-goda> (дата обращения 08.09.2022)
7. Оспенников А. Буровые станки челябинского машзавода заменят шведские аналоги // Информационное агентство URA.RU. URL: <https://ura.news/news/1052559892> (дата обращения: 08.06.2022).
8. Растяникова Е. В. Страны БРИКС на пороге четвертой промышленной революции: добывающая промышленность / Отв. ред. А. В. Акимов. – М.: ИВ РАН, 2019. – 236 с.
9. Торговля России с Китаем начала угрожать рублю // Федеральное интернет-издание «Капитал страны». URL: https://kapital-rus.ru/articles/article/torgovlya_rossii_s_kitaem_nachala_ugrojat_rublu/ (дата обращения: 08.09.2022).
10. ITC Trade Map. URL: <https://www.trademap.org/Index.aspx> (дата обращения: 22.06.2022)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Растяникова Елизавета Викторовна –
канд. экон. наук,
старший научный сотрудник
Отдела экономических исследований
Института востоковедения
Российской академии наук,
Москва, Россия

Rastyannikova Elizaveta Victorovna –
Cand. Sci. (Econ.),
Senior Research Fellow,
Department of Economic Studies,
Institute of Oriental Studies
of the Russian Academy of Science,
Moscow, Russian Federation

Раскрытие информации о конфликте интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Информация о статье

Поступила в редакцию: 12.10.2022. Одобрена после рецензирования: 26.10.2022.

Принята к публикации: 26.10.2022. Опубликована: 29.12.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Conflicts of Interest Disclosure

The author declares that there is no conflict of interest.

Article info

Submitted: 12.10.2022. Approved after peer reviewing: 26.10.2022.

Accepted for publication: 26.10.2022. Published: 29.12.2022.

The author has read and approved the final manuscript.

EASTERN ANALYTICS
Peer-reviewed academic journal

Editor-in-Chief *Vitaly V. Naumkin*,
Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Dr. Sci. (Hist.), Prof.

Deputy Editor-in-Chief *Vyacheslav Y. Belokrenitsky*,
Dr. Sci. (Hist.), Prof.

Deputy Editor-in-Chief *Alexander V. Akimov*,
Dr. Sci. (Hist.)

Executive Secretary *E. F. Shchepilova*
Proof-reader *Elena N. Komarova*
Computer layout *Nadezhda V. Makeeva*

Languages in which articles in the journal can be printed: Russian, English,
Arabic, Yiddish, Chinese, Korean, Turkish, Farsi, Hindi, Japanese

Signed in the press on 29.12.2022. Format 70×100/16.
Typeface Noto Serif. Circulation 100 copies. Order No.
The price is free. Website: <https://analitika.ivran.ru>

The Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences.
The Science Publishing Centre, head of *A. O. Zakharov*
12, Rozhdestvenka str., Moscow, 107031. Website: www.ivran.ru

Printed in the publishing house of LLC "White Wind"
in accord with provided materials.
28, Shchipok st., Moscow, 115093, Russian Federation
Phone: +7 (495) 651-84-56
E-mail: wwprint@mail.ru. Website: <https://wwprint.ru>

ВОСТОЧНАЯ АНАЛИТИКА
Научный рецензируемый журнал

Главный редактор *В. В. Наумкин*,
академик Российской академии наук, д-р ист. наук, проф.

Заместитель главного редактора *В. Я. Белокреницкий*,
д-р ист. наук, проф.

Заместитель главного редактора *А. В. Акимов*,
д-р экон. наук

Ответственный секретарь *Е. Ф. Щепилова*

Корректор *Е. Н. Комарова*

Верстальщик *Н. В. Макеева*

Языки, на которых могут быть напечатаны статьи в журнале: русский, английский, арабский, идиш, китайский, корейский, турецкий, фарси, хинди, японский

Подписано в печать 29.12.2022. Формат 70×100/16. Гарнитура Noto Serif.

Усл. печ. л. 000. Уч.-изд. л. 7,5. Тираж 100 экз. Заказ №

Журнал распространяется по подписке. Свободная цена.

Веб-сайт: <https://analitika.ivran.ru>

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт востоковедения Российской академии наук (ФГБУН ИВ РАН).

Научно-издательский центр, заведующий *А. О. Захаров*
107031, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12. Веб-сайт: www.ivran.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами

в типографии ООО «Белый Ветер»

115093, г. Москва, ул. Щипок, д. 28

Тел.: +7 (495) 651-84-56

E-mail: wwprint@mail.ru. Вебсайт: <https://wwprint.ru>